



ДЕТЕКТИВ И ПОЛИТИКА

Издание Московской штаб-квартиры
Международной ассоциации
«Детектив и Политика»
(МАДПР)



**Издание
Московской штаб-квартиры
Международной ассоциации
«Детектив и Политика»
(МАДПР)**

*Почетный президент,
основатель МАДПР*
Юлиан СЕМЕНОВ

Главный редактор
Артем БОРОВИК

Зам. главного редактора
Евгения СТОЯНОВСКАЯ

Редакционный совет:

Алесь АДАМОВИЧ, писатель
(Беларусь)
Чабуа АМИРЭДЖИБИ, писатель
(Грузия)
Карл Арне БЛОМ, писатель (Швеция)
Лаура ГРИМАЛЬДИ, писатель
(Италия)
Павел ГУСЕВ, журналист (Россия)
Яков КОСТЮКОВСКИЙ, писатель
(Россия)
Хуан МАДРИД, писатель (Испания)
Ян МАРТЕНСОН, писатель, зам.
генерального секретаря ООН (Швеция)
Андреу МАТИН, писатель (Испания)
Раймонд ПАУЛС, композитор (Латвия)
Иржи ПРОХАЗКА, писатель
(Чехо-Словакия)
Роджер САЙМОН, писатель (США)
Олжас СУЛЕЙМЕНОВ, поэт
(Казахстан)
Микаэл ТАРИВЕРДИЕВ, композитор
(Россия)
Александр ЭЙДИНОВ, издатель
(Россия)

ДЕТЕКТИВ И ПОЛИТИКА

Выпуск 2(18)

Издается с 1989 года

СОДЕРЖАНИЕ

СОСТАВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Боб Люси Одесса-Бич	3
Крайг Райс За дымкой сновидений	168

ЭКСПЕРТИЗА

Ярослав Голованов Свет и тени лунных дорог (История программы "Аполлон")	184
Лариса Васильева Кремлевские избранницы	206

НОВЫЕ РУССКИЕ ВОПРОСЫ

Татьяна Иванова "Мы боимся..."	245
-----------------------------------	-----

Новости

Москва, 1992

ББК 94.3
Д 38

ДЕТЕКТИВ И ПОЛИТИКА

ВЫПУСК 2

Редактор С.А.Морозов
Художники А.Д.Бегак, В.Г.Прохоров
Художественный редактор А.И.Хисиминдинов
Младший редактор Е.Б.Тарасова
Корректор М.К.Верховцева
Технический редактор Л.А.Крюкова
Технолог С.Г.Володина
Наборщики Т.В.Благова, Р.Е.Орешенкова

Сдано в набор 10.02.92. Подписано в печать 16.04.92.
Формат издания 84х108/32. Бумага газетная 50 г/м².
Гарнитура универс. Офсетная печать.
Усл. печ. л. 13,44. Уч.-изд. л. 17,11.
Тираж 200 000 экз. (2-й завод 100001—200 000 экз.)
Заказ № 745. Изд. № 9025.

Издательство "Новости"
107082, Москва, Б.Почтовая ул., 7

Московская штаб-квартира МАДПР
103786, Москва, Зубовский б-р, 4.

Типография Издательства "Новости"
107005, Москва, ул. Ф.Энгельса, 46.

В случае обнаружения полиграфического брака просьба
обращаться в типографию Издательства "Новости"

**Детектив и политика. — Вып. 2. — М.:
Изд-во "Новости", 1992. — 256 с.**

ISSN 0235—6686

4700000000 Без объявл.
067(02)—92

© Составление, перевод, оформление.
Московская штаб-квартира Международной ассоциации
"Детектив и Политика" (МАДПР),
Издательство "Новости", 1992

СОСТАВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Боб Льюси

ОДЕССА-БИЧ

Энтони и Сантине
посвящается.

Приношу особую благодарность
Анатолию Днепрову, Грессу и
Ольге Гресс. Все они — новое
ценное приобретение для Америки.

*Американцы считали, что хорошо
знают и любят его, что у них нет
никаких причин его опасаться. А
он выглядел, как всегда, энергичным
и предприимчивым. Настоящий
толковый лидер.*

"Подъем флага на заре".
Роберт Стоун

1

Москва. Ноябрь 1980

Сидя на скамейке у фонтана на Пушкинской площади, Николай Зораков расслабился. Повернул лицо к солнцу, словно загорая где-нибудь в тропиках. Солнце в ноябре — редкий дар для Москвы. Как истинный москвич, Ники смаковал этот дар. Воздух был пронизан холодом, и ему это тоже нравилось.

Даже в праздной толпе Ники был сразу замечен. Американские джинсы, белая водолазка, короткая кожаная куртка делали его похожим скорее на скандинавского лыжного инструктора, нежели на русского спекулянта.

Он посмотрел на часы. Швейцарские, золотые, стоимостью больше годовой зарплаты любого из окружающих. У него было еще десять минут.

Рыжеволосая женщина, проходя мимо, замедлила

шаг, улыбнулась. Ники вежливо кивнул ей. Он был удивительно хорош собой. Высокий блондин с голубыми коварными глазами, обрамленными длинными ресницами.

До женитьбы на Кате Ники сменил десятки спален, пока не стал более разборчивым. Но он так и не сделался приверженцем моногамии.

Взгляд его скользнул мимо рыжеволосой женщины, мимо памятника Пушкину. Толпа школьников направлялась с улицы Горького к кинотеатру "Россия". В небольшом разрыве толпы он различил поднятую руку Виктора Воска. Рука покачивалась; это означало: следуй за мной. Рука быстро исчезла: Виктор спустился в переход и пошел по бульвару в сторону Калининского проспекта.

Виктор был на двадцать лет старше Ники, к тому же хромота и сутулился. Однако двигался он весьма проворно. Ники шел вслед за ним широкими шагами, стараясь не задевать подростков в дешевых ботинках и курточках из искусственной кожи, бабушек с внуками, похожими на картофелины, закутанными в этот солнечный ясный день явно не по погоде.

Виктор двигался через полуденную толпу, как нож сквозь масло.

Потепление выгнало на улицы множество москвичей. Они заполняли кафе на улице Горького и Калининском проспекте. Люди теснились на тротуарах ручейками, двигались вдоль мостовой. Студенты, служащие, бюрократы, старые, молодые — все они радовались неожиданно теплоте дня.

Виктор прошел мимо кафе "Ангара". Ники знал, что он туда не зайдет: слишком много там молодежи, от ее гомона у Виктора начинались приступы астмы.

Он остановился возле "Печоры", заглянул в окно, нетерпеливо помахал Ники: дескать, давай поторавливайся. И вдруг заспешил дальше, словно охваченный внезапной паникой. Резко замедлив шаг возле кафе "Метелица", бросил взгляд в сторону Ники и прошел внутрь.

Когда Ники вошел в кафе, Виктор уже сидел за столиком и тяжело, надрывно кашлял: давала о себе знать утренняя порция водки. На его лице застыло ошарашенное выражение неопытного бегуна. С чего вдруг такая спешка? — хотелось спросить Ники. Но, увидев налитые кровью глаза Виктора, услышав его жуткий кашель, он промолчал, испытывая острую жалость к своему бедному спившемуся другу.

Ники хорошо знал Виктора. Почти восемь лет они были компаньонами по бизнесу. Порой Ники сам удивлялся, как подобное партнерство вообще стало возможным. Ну ладно, он — признанный король улицы Горького, князь Пушкинской площади. Ники жил наполненной, грешной,

шикарной жизнью. Виктор Воск был капитаном московской милиции — человеком жестоким, лишенным иллюзий по отношению к людям. Вряд ли он догадывался, как переживает за него Ники. Пьянство его убивало. Ники видел это по желтому цвету его белков, по желтизне пальцев; о, этот смертельный русский загар!

— Порядок, дело сделано, — выдохнул Виктор. — Слава Богу, что ты еврей, а то не знаю, что бы мы стали делать.

Жизнь научила Ники верить в удачу. Он улыбнулся.

— Я такой же еврей, как ты коммунист, — ответил он. — Честно говоря, не думал, что ты сумеешь все это повернуть. — Ники словно забыл, что Виктор — настоящий чародей в своем деле.

— За десять тысяч зелененьких... да я что хошь поверну. — Виктор похлопал ладонью по карману пальто, потом утер рукавом глаза. — Мне будет паршиво, Ники. Буду скучать по тебе.

— По башлям ты будешь скучать, старый мерин.

— Оно конечно. Но башли для меня еще не все, дорогой. Всех денег ведь не потратишь. Нет, Ники, — сказал он. — Я по нашим приключениям скучать буду.

Ники рассмеялся и потрепал друга по щеке. На ладони осталось ощущение чего-то влажного и нездорового.

— Знаешь, Витек, слишком уж много было у нас приключений. Мне просто везет, что до сих пор в ящик не сыграл, а вот насчет тебя...

— Везение — говно, — перебил его Виктор. — Полет — вот главное, скажу я тебе. Ты глянь на эту публику. — Он сделал размашистый жест, показав на зал. — У каждого секреты, мечты, фантазии, представляешь? А чем все заняты? Сидят на собственной заднице и скулят. А у нас — полет, Ники. Мы получаем то, чего можем добиться, а можем мы многое. Вот так побеждают революции. И Союз наш благодаря этому — самая великая страна. Полет! — выкрикнул Виктор, стукнув себя кулаком в грудь. Люди за соседними столиками оборачивались к ним. Пока они говорили, Ники курил "Данхилл". Увы, Виктору водка заменяла и сигареты, и пищу, и даже, наверное, воздух. Пока Ники пил первую рюмку, его друг выхлестал три.

Когда тот прочувствованно заговорил о чудесах Америки, Ники стало скучно до тошноты.

— Что ты! У меня друзья в Кливленде, — говорил Виктор. — Американцы, которые во время войны в Москве ошивались.

— Во время какой войны? — Ники ухмыльнулся.

— Для деловых людей Америка — рай. Сам увидишь.

Ты там в два счета миллионером станешь, а я тут голой жопой буду в снегу сидеть.

— Ну так поехали с нами, чего ты? Мы там такое покажем!.. Дружки у меня есть в Нью-Йорке — Юрка, Петро, Вася... Вся братва там.

— Слушай, держись подальше от этих фрайеров. Ща-на, точно тебе говорю. Ты — другое дело. У тебя, понимаешь... — Он щелкнул пальцами. — Класс, вот что! Ну а я — дело другое. Будь у меня возможность слинять, я все равно бы остался в Москве. Русский я. Тебе — что! Ты — еврей. Евреи, они рождены для эмиграции.

Две недели назад Ники получил от Виктора весточку. Получил обычным путем — через Михаила Ягодина, ювелира.

— Через час на скамеечке, — шепнул Михаил, вставая на цыпочки. Михаил был родом из Ташкента, маленький, смуглый до черноты. Своим резцом и круглым молотком он мог раскроить алмаз, а если надо, и череп.

В тот день Ники отправился на Пушкинскую, не ожидая никаких сюрпризов. Видно, деньги Витьку понадобились. Впервой, что ли? Обычно он говорил, что деньги ему не нужны, а сам ахал, охал, сетовал на жизнь...

То, что сказал Виктор, ошарашило Ники.

— Понимаешь, какое дело. Расследуем мы двойное убийство. Случай, в общем, — ничего особенного. Но тут докопались до трудовых книжек и прочего — самая опасная сфера, я тебе скажу. Да.

Выяснилось, что директор текстильной фабрики по пьянке убил топором тещу и сына. Ей отрубил голову, а парню кишки выпустил.

— Жуткое зрелище, — сказал Виктор, морщась и качая головой.

— Бр-р. Чучмек небось? — предположил Ники. Потом спросил: — Ну а я-то тут при чем?

— Жена директора верещит, что это водка его довела.

— Само собой. Мы и хрущевскую кукурузную авантюру на водку свалили.

— У директора этого денег оказалось больше, чем он мог истратить, понял? С тоски он и запил. Этот засранец водку ящиками таскал, — сказал Виктор. — Но дело опять же не в этом.

— Может, и не в этом, — заметил Ники. — Короче, в чем проблема-то?

— А в том, как директор фабрики может загрести такую кучу денег, что аж истратить их не способен. А? Ладно, слушай: деньги он за шабашников получал, а шабашники на фабрике даже не появлялись. Ну как? Соображаешь? Знакомо? — спросил Виктор. — Трудовые кни-

жечки он держал у себя, а присутствие регулярно сам отмечал.

— Ясно, ясно. Ну и что?

— А то, что милиция дело об убийстве передала в КГБ. А кагэбэшникам очень не нравится, что и на других фабриках директора мухлюют с трудовыми книжками и фиктивным присутствием. Так вот, пока директора платят деньги, — продолжал Виктор, — работы на фабриках делают кое-какую другую работенку, которая уж совсем кагэбэшникам не по вкусу. Ты понял, Ники? Это, брат, не твоя фальшивая трудовая книжка. Когда расследование закончится, ты будешь одним из многих сотен таких же гавриков в одной только Москве. Но КГБ больше всего интересуется то, как эти гаврики, не работая, зарабатывают на жизнь. И тебе придется объяснить кое-кому, каким образом ты ухитришься жить вроде члена ЦК или примы-балерины Большого театра. Немного странно для безработного монтера, верно?

Ники уже пять лет нигде не работал. И все пять лет директор одного большевского завода выписывал ему зарплату, пока он занимался совсем другими делами.

Сколько еще он продержится, пока КГБ не проверит его трудовую книжку? Месяц? Полтора? Кто может сказать? В Советском Союзе колесо фортуны движется рывками. Впрочем, как и на Манхэттене. Но рано или поздно его сцапают. Что он может склопотать в худшем случае?

Фальшивая трудовая книжка? Ну тюряга, это как пить дать. Незаконные доходы? Несколько месяцев на Лубянке, камера в КГБ, допросы, а потом как-нибудь пошагает он по снежку, а в затылок — пуля. Нетрудовые доходы в СССР — особо тяжкое преступление.

— Сваливать тебе надо, — сказал Виктор. — Выбора нет. Ты все время трепался насчет Запада...

Ники вспомнил, как Виктор шелнул ему как-то: "Только пикни — и тебе хана". "Хана" — это слово он произнес с особым ударением.

Были и другие разговоры с ним.

Недолговечные теплые дни разрядки. Эмиграция для советских евреев стала проще — в год их уезжало больше пятидесяти тысяч.

— Жиды тысячами сваливают, — сказал Виктор. — Суки неблагодарные. Все аэропорты заполонили, все вокзалы.

Порой Виктор говорил как психопат и антисемит. Этакий русич-патриот.

Он объяснял, что евреи сами подлили масла в огонь — окончательно запудрили мозги нашей скурвившейся бюрократии. Никто не знал, сколько продлятся наши шашни с Америкой. Тосты Брежнева за здоровье амери-

канского президента сбивали всех с панталыку: большинство населения Советского Союза привыкло верить в то, что Картер — сионист и, следовательно, преступник.

Времени оставалось немного. Ники с Катей должны были срочно влиться в поток эмиграции.

Советские евреи могли эмигрировать только в Израиль. Но надо было иметь на руках документ, что у тебя там есть родственники.

— Это хитрая уловка, — объяснял Виктор. — Правительство знает, что эти люди так же хотят попасть в Израиль, как я под Новый год — в Сибирь.

Следующая встреча...

— Очередь большая, оформляют медленно. А у тебя нет времени ждать. За десять тыщ долларов — пять за тебя, пять за Катерину — могу подмазать кого надо, сразу попадете в начало очереди, а дальше — помашете крыльшками.

Виктор велел Ники быть готовым к отъезду в любой момент. Много барахла с собой не брать, мебель оставить. Багаж все равно будут проверять.

— Я устрою, чтобы тебя мой человек проверял. У меня такой есть на таможне. Когда будешь вылетать, он будет дежурить.

И вот пришло это время. Всего четырнадцать дней миновало с тех пор, как Виктор рассказал ему историю с трудовыми книжками и двойным убийством. Ники приготовился выслушать новость с улыбкой.

— Когда? — спросил он.

— Завтра в десять ты вылетаешь из Шереметьева в Вену.

Ники невольно застонал. Он отпил водки, прикурил от еще тлеющего окурка. Мысли его были о Кате.

Виктор передал ему небольшой конверт. Словно прочтя его мысли, сказал с сердечностью алкаша:

— Ваши билеты в западный мир чудес. Все. Остается сообщить супруге.

Последние две недели ночами Ники, глядя на спящую Катю, мысленно подбирал слова для решающего разговора. Спустя час-другой он ложился рядом и долго лежал без сна. Катя порой задавала вопросы. Вопросы, на которые он ответить не мог. Жена ничего не знала о его бизнесе. Она почему-то решила, что он — секретный сотрудник КГБ. Переубедить ее Ники не стал. По крайней мере, так ему не нужно было объяснять, откуда у него такая квартира, финский холодильник, полный продуктов, билеты в Большой, в первые ряды. Объясняло это и его внезапные исчезновения и появления, его странных друзей.

Катя преподавала в средней школе. Как и ее отец, она была членом партии. И считала Ники настоящим героем.

— Ну что, дорогой мой уголовник? — сказал Виктор. — Что будешь делать? Придется-таки все ей рассказать. В конвертике-то два билета. В конце концов, если не дастся ее убедить, полетишь один.

— Я не уголовник, — сказал Ники. — Я работаю для людей, Витя. Так же, как и ты.

— У москвичей так много проблем, — важно, словно зрекая великую истину, заметил Виктор.

— Главная проблема, — сказал Ники, — в том, что жить здесь скучно. Особенно если не можешь найти изюминку, не умеешь получать от жизни маленькие удовольствия.

Виктор кивал головой. Он был полностью с ним согласен. Заодно осушил еще рюмку.

— Так вот, эту изюминку я и даю людям. Так что я не реступник. Я не ворую, никого не убил. Я просто-напросто бизнесмен. Предлагаю людям то, что им нужно, чтобы спастись от... от...

— От скуки, — закончил за него Виктор. Он снова наполнил рюмки. И налил в бокал фанты для Ники.

— Вот именно, — согласился он, потирая кончик носа. Как действовала на него выпивка: сначала деревенел нос, потом руки, а потом и ноги.

— Так и объясни Катерине, — спокойно говорил Виктор. — А не сработает, выдай какую-нибудь кагэбэшную эрсию. Твоя красавица, думаю, поверит. Можно дело представить так, что КГБ собирается засадить тебя в психушку, там тебя засунут в смиренную рубашу, намочат и будут смотреть, как пухнет твоя башка. А после станут задавать вопросы, на которые тебе придется ответить, если не хочешь, чтобы черепушка треснула.

— Так, значит? — тихо спросил Ники. — Боишься, что, если дело дойдет до Лубянки, я расколуюсь и выдам тебя.

Виктор неискренне засмеялся.

— Сам не знаю, — сказал он. — Если честно, такой вариант мне в голову не приходил.

— Вот и хорошо. Потому что раскалываться я не собираюсь.

— Знаешь, на Лубянке люди частенько делают то, чего совсем не собирались делать. — Виктор широко улыбнулся.

— А у меня что-то пропала охота уезжать, — сказал Ники.

В другое время весь этот разговор он обратил бы в утку, в веселую болтовню за рюмкой. Но изрядное количество выпитого давало себя знать. Настроение у него эрилось.

— Не хочется покидать Москву, — добавил он мрачно.

— Ну тогда оставайся.

— Ты же сам говорил, что я должен уехать! Что у м выбора нет.

— Почему же нет? Есть. Оставайся. Но тогда тебе тается жить, может, полгода.

— Ты уверен?

— Как тебе сказать? Я не думаю, что стоит рисков жизнью ради того, чтобы это проверить.

Ники словно физически ощутил тяжесть этих с Виктора... Еще порция водки — Ники опять запил ее ф той. Может, Виктор все же чего-то не договаривает?

— Документы у тебя в полном порядке. Вылетай з тра без Катерины.

— Значит, так?..

— Ну или оставайся! — громко сказал Виктор; в го са его звучал страх. — Черт тебя подери. Скучать я б по тебе, Коля... — И опрокинул залпом еще одну рюм

Вдруг, словно увидев самого себя на смертном од Виктор вскочил из-за стола и встал над Ники.

— Боже мой, — сказал он. — В прошлом месяце, * да мы парились в Сандунах, я еще подумал: а в дружок-то мой еврейский — необрезанный!

— Ну и что? — ответил Ники, не глядя на него.

— А то! Вдруг в аэропорту тебя проверят? Стянут п тки, и все станет ясно. Ага, скажут, да это вовсе не ж это русский решил драпануть.

Ники даже не засмеялся. Он ощутил злость.

— Хватит уже про жидов! Русский, не русский... М дады в Москве родились. Ты сам-то, если не ошиба из поволжских немцев. Лучше скажи, как там насчет те го приятеля на таможне.

— Мой приятель не на таможне, а на эмиграции твой хер таможня будет изучать.

— Слушай, Витя, кончай чушь пороть, сядь.

Виктора прошиб пот. Ему вдруг показалось, что присутствующие в кафе внимательно слушают их раз вор. Он побагровел, глаза широко раскрылись. Он бес койно огляделся по сторонам. Ники пришлось взять за локоть и силой усадить на место.

— Ты что, ошалел? Какие еще обрезанные? Где ты видел?

Виктору было всего пятьдесят. Кожа на лице у * была землистой, изрезанной глубокими морщинами, обвисли; любой врач сразу определил бы, что у него 1 порядке печень. В этот момент он показался Ники изм денным стариком. Виктор вздохнул со стбном и вк из-за стола.

Он действительно устал. Выпил почти литр водки, * времени было всего два часа пополудни. Но он умел д жать себя в руках: как-никак столько лет работал в ми

и вообще с детства привык обманывать и власти, и жающих — из чистой любви к приключениям. Он знал, что утром приедет провожать Ники в аэропорт. Рывнув раскрытую, но не початую бутылку водки, он затолкал ее в карман и вышел, предоставив Ники пачиваться по счету.

Выйдя из кафе, Ники взглянул на небо. Солнце скрылось; в воздухе кружились снежинки, они успели уже затереть тротуары. Он подумал, что снег — дань почтения к шаманам, которые вывели малышей закутанными в имнемую. Заметно похолодало.

Унув руки в карманы, подняв воротник, он стоял у входа в кафе на холодном ветру. Придется откровенно говорить с Катей. Выбора не было: до отлета в Вену остались считанные часы.

Ах... Катенька-красавица, с душой не менее прекрасной, чем ее внешность... Она поймет его. Он расскажет ей о самом начале, ничего не утаивая. В двадцать два года он встал на путь, который вел в никуда. Долго был мелочливым ханыгой-спекулянтом, потом появился Виктор. Нет, об этом говорить не стоит. Глупо. В пьяную го-всякая чушь лезет. Жена просто возненавидит его за это. Она всегда терпеть не могла спекулянтов, называвших "чумой народа". По молодости она во что-то еще верила. Ники не встречал ни одного по-настоящему правого коммуниста, но Катя была близка к идеальному образу. Она даже не подозревала о той шахматной игре, которая постоянно разыгрывалась в реальной жизни.

Николай Зораков был сиротой с незаконченным, довольно поверхностным образованием. До встречи с Виктором у него не было даже мало-мальски приличных друзей. Работал он помощником монтера и никаких перспектив для себя при существующей системе не видел. Все ему представлялось как сплошное стояние в очереди.

В двадцатидвухлетнем возрасте он имел ежемесячный арок к зарплате около восьмидесяти рублей, толкая тинки и кассеты в районе Пушкинской площади. Это оляло более-менее прибарахлиться. Иногда он покупал книжки. Диски и пленки добывал у иностранных студентов. Как правило, невероятное старье, но спрос всегда

Виктор Воск с двумя другими милиционерами задержал его, когда он продавал два диска "Битлз" и пленку Боба Пресли. Отвели в ближайшее отделение, там допрашивали, потом побили.

Перва толковали вроде нормально, как бывает у мен-

лая кожа, всегда прохладная и свежая, как первый Ники получил все, о чем только мог мечтать совет-человек: богатство, любовь прекрасной и умной цины, друзей со связями. И все летело теперь к им из-за какого-то придурка с топором, обожравше-водкой.

тоя возле кафе, Ники услышал деликатный сигнал сона. Он обернулся. В десяти метрах от него стояло одное такси. Оскальзываясь на снегу, он подошел, рядом с водителем. Большинство москвичей предпо-ет садиться в такси именно рядом с водителем. Сесть ди почему-то означает высокомерие.

— Каретный Ряд, на углу, дом актеров, — сказал он, ка потопав, чтобы согреть ноги.

огда Ники вошел, Катя сидела за кухонным столом, кофе из антикварной чашечки. В свете лампы она но сама сияла. Больше свет нигде не горел.

— Здравствуйте, незнакомец, — сказала Катя с улыб-которая не показалась ему очень уж ласковой. Он по-эл, что не признался ей во всем если и не давным-дав-го хотя бы в тот день, когда Виктор предложил ему рировать. "Эмиграция" — какое тревожное слово; его голова шла кругом, учащалось сердцебиение. шна была сама мысль о ней. Скоро он окажется со-ленно один, рядом не будет Виктора, никого из знако-. Один в мире чужого жулья. Что говорить, в спокой-размеренном советском болоте Ники чувствовал как рыба в воде. Он хорошо разбирался в правилах и, наперед знал все ходы в любом гамбите.

— Метель началась, — сказал он.

атя кивнула.

— Как-никак ноябрь уже, Ники.

ин с трудом подавил трусливое желание повернуться ги из квартиры. Слишком поздно было излагать Кате историю, слишком поздно для правды; к тому же он и толком не понимал, в чем она, правда... Подошел к , посмотрел с десятого этажа вниз, на сад "Эрми-. В стекле увидел Катино отражение — она читала о-то книжку стихов. Подняв голову, она бросила на взгляд, отпила кофе и снова уткнулась в книгу. почему он так все затянул? Почему допустил, что все о так трудно?

— У тебя все в порядке? — тихо спросила она.

ин лишь кивнул, продолжая смотреть как загниоти-ванный на снежные вихри.

— Садись, попей кофе.

ин сел за стол.

Катя выглядела потрясающе. Не женщина, а квинтэссенция русской красоты.

— Пожалуй, — сказал он. И только тут обратил внимание на вторую чашку, стоящую на столе.

— Кто тут был? — спросил он.

Впрочем, он уже понял кто. Рядом с чашкой стояла и половину пустая бутылка водки. Дома он держал другую водку, получше.

— Твой друг, тот, со слезящимися глазами, — ответила Катя.

— Что ему было надо? — Он вскочил, забежал по кухне.

Катя усмехнулась и вручила ему вскрытый конверт.

— Велел передать вот это, — сказала она.

Ники почувствовал, что краснеет, и выхватил у нее конверт.

— Это ты его распечатала?

— Конечно. — Она сделала легкий жест рукой. — Мне разрешил.

Катя взяла бутылку и плеснула водки в свою чашку кофе. Рука ее дрожала, она пролила немного на красивую вышитую скатерть.

— Как было бы хорошо, если бы мой муж доверил мне, — прошептала она. — Скажи честно, Ники: ты сошелся мне все рассказать или хотел удрать потихоньку как вор? Уйти на цыпочках? Упаковать сорочки, свитера, теперь голос ее звучал громче, — и черную водолазку что я тебе подарила, да?.. А потом дожидаться, пока я знай, и написать мне длинное письмо... А может, ты его уже написал? Написал, что любишь меня и будешь все время любить? Что будешь скучать по мне? И чтобы я перестала тебя забывать?.. Нашла бы хорошего человека, который будет любить меня?.. — Она заплакала. — Почему ты мне ничего не сказал? Как ты мог быть таким жестоким?

Ники стоял в оцепенении. Катя все знает. Она думала его прочла.

Он подошел к ней, поднял со стула, крепко прижал к груди, ища какие-нибудь убедительные слова. Но она вырвалась из его объятий.

— Я хочу знать — почему! — крикнула она. Больше в силах владеть собой, она оттолкнула его прочь, когда снова дотронулся до нее.

— Ну хорошо, — тихо сказал Ники. — Что ты хочешь узнать?

— Как ты ввязался во все это и не сказал мне ни слова. Я имею в виду отъезд, а не твой бизнес. О нем я знаю всегда. Неужели ты думаешь, что я хоть на минуту могу поверить, будто ты на государственной службе? Считаю

я женщина, значит, дура... Ты отказник! И всёгда им!

— Ничего подобного, — спокойно ответил он.

— Ты сам понимаешь, что говоришь? Конечно, ты отник. Ничего в этом плохого нет, раз ты еврей.

— Ну это уже глупости, — сказал Ники. Он попытался посмотреть, что лежит в конверте.

— Да плевать мне на все это. Пожалуйста, уезжай. Ты просто никогда не верил.

Ники не смог удержать улыбки, и она в ответ тоже ухмыльнулась. Ей стало немного легче. Она коснулась оную его щеки.

— Господи, какой же ты дурачок: Я люблю тебя и всегда буду любить. Ты такой добрый, милый. Ты лучше всех. Ники соображал лучше, когда стоял. Он начал говорить. Речь текла гладко, как он и надеялся. Детство, одиночество, детдом... Виктор заменил ему семью... Страшно рассказывать Кате правду о своей жизни. Страшно ее бояться из-за этого. Страшно ждать ее суда — потому и не решался признаться ей до сих пор, все откладывал. Решил рассказать все сегодня ночью, в постели...

— Я люблю тебя, — сказала она, когда он замолчал. — Плевать мне на твою политику.

Он не совсем понял, при чем тут политика, но выяснил этот вопрос не стал. Пускай. Главное, что он любит. Опершись на стол, он гладил ее лицо, темные блестящие волосы...

— Какой же ты политикан! — сказала она. — Я знаю, себя таким не считаешь, но это не имеет значения. Ты живи так, как тебе нравится. — Она вздохнула. — Но ты рвешься к свободе, которой у нас, в Союзе, нет и быть не может. Свобода для нас — это как стихийное разложение клеток, это рак, гибель.

Ники не согласился с ней. Конечно, у него есть убеждения, но они никакого отношения к политике не имеют. Человек рожден для счастья. Вот и ему хочется быть счастливым. А на пути к счастью — Лубянка. Это несправедливо, ведь он никому не сделал зла. Напротив, помог людям. И из-за этого вынужден уезжать. Неправедно, но ничего не поделаешь.

Катя успокоилась. Тихо улыбаясь, она сказала:

— Что ж, муженек, значит, придется нам драпать. Когда тобой придут, нас уже и след простынет. Ты прав, несправедливо. Может, мы найдем справедливость на свободе, может, там будет лучше.

Ники не отрывал взгляда от лица Кати. Слезы медленно текли из ее глаз. Она потерлась щекой о его ладонь. Потом оба подошли к окну и долго смотрели на Москву. Это была их последняя ночь в Москве.

Малая Италия, Нью-Йорк. Октябрь 1984

Фрэнки Муска стоял в вестибюле, глядя на входную дверь. Было тихо. Пахло сыростью, из подвала несло какой-то вонью: там давно уже стояли ящики из-под винограда. Запах этот ему нравился: он напоминал родину. И ему тянуло каким-то смрадом от двери квартиры на первом этаже; от этого его мутило. Хотя Фрэнки ни за что не признался бы в этом, тошнотворный смрад парализовал его волю.

“Пришью я когда-нибудь эту суку”, — подумал Фрэнки. Он взялся за ручку, медленно повернул ее и открыл дверь. Если Ла Стрега, как всегда, торчит у окна, крикудет на всю улицу. “Зипы” — итальянцы, жившие напяти, — удирали при одном появлении Ла Стреги. Они знали, что она ведьма и плевком из окна может навести человека порчу. Фрэнки же считал ее просто стервой, хитрой и большой стервой.

Очутившись на улице, Фрэнки не стал смотреть по сторонам, а как ни в чем не бывало пошел по тротуару. Лишь раз глянул через плечо. Это была ошибка. Окно на первом этаже было раскрыто настежь, и в нем маячило бледное лицо Ла Стреги.

— Ассасеино! — завопила она. — Убийца! Убийца!

Этот нечеловеческий визг вывел Фрэнки из себя. Он показал ей средний палец, сделал пальцами рога на голове, выбросил кулак вперед и хлопнул ладонью по бицепсу. Ла Стрега ответила ему плевками; ее гибкий, как ящерицы, язык замелькал меж гнилыми зубами. Потом она тоже показала ему рога, двумя парами пальцев — коронный номер. И завизжала еще пронзительнее:

— И-и-и-и-и-и!!!

— Когда отбросишь копыта, старая вешалка, я приду посрать на твою могилу! — заорал Фрэнки. Страх как бывало. Он давно внушил себе, что старая ведьма — просто сумасшедшая дура. Он повернулся на каблуках и, оборачиваясь, быстро зашагал в сторону Гранд-стрит.

— Прежде чем влиться в поток прохожих на Гранд-стрит, Фрэнки по привычке сделал глубокий вдох. Полуденная толпа была довольно плотной, но он быстро продвигался вперед легкой, пружинистой походкой Джона Траволты. Встречные уступали ему дорогу, замедляли шаги. Жены задерживали на нем свой взгляд, мужчины торжественно отводили глаза. С убийцами, как и с ведьмами, в Малой Италии предпочитали не связываться. А Фрэнки смело излучал готовность к насилию.

Фрэнки Муска был уважаемым членом хорошо орга-

низованной преступной сети. Солдат Коза ностры, тренированный и жестокий боец. В возрасте двадцати четырех лет он стал убийцей; для многих он был живой легендой, воплощением угрюмой и беспощадной силы. Все боялись его; все, кроме Ла Стреги.

У Фрэнки была броская внешность. Для сицилийца он был довольно высок. Зеленоватые глаза, темные волнистые волосы, гладкое лицо, не нуждающееся в бритве, и такая светлая кожа, что ему приходилось прятаться от солнца, чтоб не обгореть. Детская мордашка. "Фрэнки-мордашка с Элизабет-стрит" — так его иногда называли.

Сейчас он шел танцующим шагом, улыбаясь знакомым, махая рукой лавочникам и инспекторам, измеряющим загазованность воздуха. На Мулберри-стрит он махнул рукой полицейскому. Надо было демонстрировать всем, что связи его безграничны. И люди замечали это. Вот и полицейский хоть и не поднял руку в ответ, но все же улыбнулся ему.

Гранд-стрит — главная улица Малой Италии. Яркие раскрашенные кофейни, лавки итальянской кулинарии, южноитальянские ресторанчики с прекрасной кухней. Все это давно пришло на смену жалким забегаловкам, тачкам разносчиков, убогим лавчонкам. Гетто завершило цикл своего развития. Внуки неграмотных переселенцев из Неаполя, Калабрии, Таормины получали степени магистров в Гарварде и Йеле, селились в фешенебельных предместьях.

На углу Гранд- и Сентр-стрит Фрэнки заметил Тони Рэда. Тот недавно переехал в дом в дальнем конце улицы, за магазином сыров. Они с малолетства были друзьями и вдвоем могли работать, как слаженная команда, как машина разрушения. Рэд, как и Фрэнки, уже прошел посвящение и тоже получил медальон.

— Ну ты, фрайер, куда тасы отбил вчера вечером? — громко заговорил Рэд, когда Фрэнки, подойдя, ткнул его в бок. Это было радушное приветствие, и Рэд заулыбался.

— Занят был, — ответил Фрэнки.

— Занят, когда мог потрахаться? Ладно, ша, Фрэнки. Это твои дела. — И тут же забормотал ему на ухо: — А по-моему, ты фрайериться начал. Понял? Две классные чувихи, готовенькие. Представляешь? Тачку отмыл. Купил новые хиты Линды Ронстадт, две бутылки "Асти", коку приготовил и такую берлогу-дворец! Ахнешь. Лучшая фатера в Джерси, сука буду. И нате вам — кореш занят. Ну ты даешь.

— Правда, занят... с дядюшкой толковал. Хочешь знать о чем? Или дальше будешь херню молотить? Я и так вижу: ты обеих уделал.

Фрэнки иногда шалел от болтовни Рэда. Языки, губы, задницы, сиськи и все, что имело к ним отношение, были единственной темой размышлений и разговоров Рэда. Фрэнки все это терпеливо проглатывал, потому что, когда они шли вдвоем, плечом к плечу, он чувствовал, что их братство непобедимо, что перед ними трепещут прохожие, почтительно замолкают завсегдатаи клуба. Они были частью братства, которым руководили родители, дедушки, прадеды с гор, из долин и городов забытого богом края. Фрэнки называл их "турки-однокровки". Весь остальной мир был пеной: ее можно было использовать и спустить в унитаз.

— Настроение у тебя классное, — сказал Фрэнки с улыбкой. — Готов для работенки?

— О чем речь? Как всегда. — Рэд широко осклабился.

— Порядок. Двинем в клуб, повидаемся с Тошм. — Говоря, Фрэнки загибал пальцы: сначала большой, потом указательный. — Надо прихватить Филли. Пускай колеса добудет.

Рэд снял левой рукой темные очки, а правой стал потирать лицо. Он всегда так делал, когда приходил в возбуждение.

— — Потом, — продолжал Фрэнки, — катим в Бруклин и ночью пришиваем говнюка-еврея, который обидел моего дядю. Ты понял? Замочим наконец этого засранца из России.

Фрэнки говорил просто, по-деловому, а на физиономии Рэда расплывалась широкая улыбка. Он облапил Фрэнки за шею. Два симпатичных, веселых парня шагали по улице к Клубу Общения Братьев. Отсюда всего два квартала. А Ла Стрега все сидела у окна, улыбалась загадочно и слизывала пот с верхней губы.

Когда Фрэнки и Рэд вошли в клуб, там было уже трое пацанов. Загорелые, одетые в шелковые рубашки и полотняные штаны, они носили золотые браслеты и медальоны на шее. Все трое припарковали к бровке тротуара свои машины — новенькие, сверкающие. Окна опущены, зеркальца заднего обзора оторочены понизу красными ленточками — отгонять злых духов. На заднем сиденье на тонкой ленточке подвешены козьи рога: они отпугивают демонов. Маленькая процессия прибыла, судя по номерам, из Нью-Джерси, Пенсильвании и Огайо. Ни один из них не прошел обряд посвящения, они были еще "пацанами".

Пацан Филли оседлал деревянный стул, положив локти на спинку. Сидеть так было неудобно, но уж очень хотелось показать всем свою татуировку. На правом бицепсе художник-татуировщик изобразил новорожденного младенца в позе боксера: на руках боксерские перчатки,

на мордашке — злобная улыбка. Под ним подпись: "Малыш-Нокаут". Девочкам это нравилось. С парнями же из-за этого случались драки, с теми, что не знали, кто он на самом деле. Филли кивнул головой, когда Фрэнки и Рэд проходили мимо. Они заняли столик в дальнем углу.

Как и Фрэнки, Филли был высок и худ. Улыбка его казалась приветливой, но в душе, как и у Фрэнки, дремал психопат. Лицо — холеное, за лицом он следил. Коронки на зубах — самые дорогостоящие. Каждый раз, когда мимо клуба проходили пожилые китайцы, Филли церемонно кланялся и говорил им по-китайски: а-со, а-со. Парни хохотали, а китайцы смотрели на него как на чокнутого. Хотя образования у него не хватало даже на то, чтобы запомнить, что находится к югу от Нью-Йорка: Нью-Джерси или Пенсильвания, считать стодолларовые бумажки он умел лихо. Однажды с помощью обыкновенного молотка он пригвоздил к полу человека большой отверткой, вогнав ее ему в грудь. Люди помнили, как потом он метался по Малой Италии в поисках инструмента, чтобы освободить орущего и дергающегося в предсмертных судорогах беднягу. Филли был жесток, но непременно улыбался, когда китайцы проходили мимо клуба, и говорил: а-со, а-со. Коронки на его зубах сверкали, а парни вокруг смеялись.

Фрэнки питал к Филли теплые чувства. Он подумывал, не науськать ли как-нибудь парня на ведьму. Филли не верил во всю эту сицилийскую чушь насчет ведьм, но на всякий случай носил с собой позолоченный козий рог размером с собственный член. Носил на шее и каждый раз потирал его, когда нервничал.

— Филли! — окликнул его Рэд. — Вали сюда! Прихвати стул, твою татуировку и топай к нам!

Фрэнки улыбнулся и дернул себя за кончик носа. Рэд любил повалить дурака с пацанами, а Фрэнки любил за ними наблюдать. Филли, широко улыбаясь, глянул на Джои Ноги и Ричи Тряпье. Те аж вперед подались, ожидая, что их тоже пригласят. Но их не позвали. На физиономиях у обоих отразилось разочарование. Фрэнки их понимал. Когда-то он сам был пацаном. Но это было давно. Еще до того как прошел посвящение, до того как впервые совершил убийство.

— Джои, найди нам Тощего, — сказал Фрэнки. — Возьми с собой Ричи и разыщи его. Скажи, надо повидаться.

Все было натурально, как обычно: двое посвященных хотят посидеть за столиком с Тощим; Филли же сам подсел к ним. Между тем там делались большие дела; хорошие времена наступили для Филли. Вопросов не требовалось, и так было ясно: кто-то где-то испортил воздух. Все

ясно было и Джою с Ричи. По жестам и по улыбочкам они понимали: команда идет на мокрую. С серьезными лицами Джою и Ричи встали и пошли искать Бенни, "начальника арсенала".

Разговор начался. Двое подбирали особые слова для третьего, который хотел стать среди них своим.

— Ты знаешь Ники-еврея, хозяина русского клуба на Брайтон-Бич? — начал Фрэнки.

Филли кивнул головой.

— У него есть голосовые связки. Слышал про такие? Ну так нам надо их у него вытащить, понял? И удавить его ими, — спокойно разъяснил Рэд. Филли откинулся на спинку стула и пожал плечами. Фрэнки улыбался. Ему нравилось ощущение власти над пацанами. Рэд тоже ухмылялся. Когда Филли спросил: "Это что, кому-то послание надо сделать или что?" Рэд расхохотался и хлопнул Филли по спине.

— Во-во! Послание! Это мы так хотим объяснить русскому херу, что он нас обидел. Как думаешь, он поймет наш намек?

— Да бросьте вы! — запротестовал Филли. — Эти евреи не дураки.

Улыбка сошла с лица Фрэнки. Образ Ла Стреги, сидящей у окна, возник перед мысленным взором. Он откинулся на спинку стула и потрогал пальцами золотой козий рожок, висевший на шее. Что-то не то. Вдруг ему вспомнилась вонь, что сочилась из-под двери Ла Стреги. Он закурил и как следует затянулся. Чувство тревоги прошло.

— Нынче ночью, Филли, — сказал он. — Нынче ночью тебе обязательно подфартит. Далеко пойдешь.

3

Нью-Йорк. Март 1981

Облака, озаряемые вспышками бортовых огней, проносились мимо крыльев реактивного авиалайнера, словно сметаемые невидимой могучей рукой. Капли дождя ручейками стекали по иллюминатору. Самолет ухнул в воздушную яму, что-то стукнуло под сиденьями Ники и Кати. Она судорожно вздохнула, стиснула руку мужа. Николай Зораков посмотрел вниз, увидел цепочки огней, похожие на бриллиантовые бусы. Самолет содрогнулся, могучие двигатели его засвистели, он накренился вправо, потом влево. Бриллиантовые ожерелья исчезли, иллюминатор стал черным, холодным.

И вдруг, словно лайнер вынырнул из земли, вокруг вознеслись небоскребы, достигавшие облаков, волшебные замки, осыпанные мириадами искр, заплескалось море огней, текущих вдоль улиц. Ники завороченно смотрел на чудесное зрелище, на эти золотые реки, убегавшие во мрак ночи.

— Пожалуйста, погасите сигареты. Поднимите столики, верните сиденья в вертикальное положение. Мы приземляемся в международном аэропорту Джона Кеннеди.

Катя с улыбкой посмотрела на Ники, тот улыбнулся в ответ. Электрический фейерверк Нью-Йорка вытеснил тоску по Москве.

Несколько долгих дней, проведенных в Вене, были пронизаны тревогой, причины которой Ники не мог постичь. А то, чего он не понимал, не мог объяснить и Кате. Ники редко покидал отель, он вообще бы не выходил из него, если бы Катя не выволакивала его на улицу.

Все упиралось в незнание языка. Ники терялся, слыша со всех сторон незнакомую речь, ему хотелось куда-нибудь скрыться. Он старался держаться поближе к отелю, когда по настоянию жены выходил из него.

“Почему я так боюсь их? — спрашивал он себя. — Почему?”

Ответа не было. Ему просто не нравились эти чужие люди. Он надеялся, что в Риме будет лучше, и не ошибся.

В Риме было лучше. Когда раньше Катя пыталась представить себе Запад, возникал образ Рима. Дух захватывало от красоты этого города. В то же время его отталкивала хитрая проницательность местных жителей. А Кате — хоть бы что. В Риме она делала больше покупок, чем в Вене. Приобрела блюдо с видом Колизея, для Ники — часы, которые тут же сломались. Они подолгу бродили по улицам. Беженцы — что с них возьмешь. У них не было ничего, кроме ожидания. Они даже спали врозь с тех пор, как покинули Москву.

Когда авиалайнер остановился, пассажиры радостно зашумели. Катя тоже пискнула, как ребенок перед кучей подарков. Ники еще раз раскрыл бумажник. В нем было ровно сто долларов.

Петро, Юрий и Василий ждали их с букетом цветов в арендованном лимузине: Ники и Катя въезжали в американскую жизнь с некоторым шиком.

Ники нажал кнопку — стекло быстро уползло вниз. Затем тронул маленький рычажок — сиденье двинулось вперед, потом медленно откинулась спинка. Включил тумблер, и через систему Долби зазвучала рок-музыка, заполнив машину. Ники обнял Катю, они посмотрели друг на друга и радостно расхохотались. Громкий хло-

пок — Вася поднял откупоренную бутылку шампанского. Петро и Юра по очереди провозглашали тосты:

— Америка! Встречай московских мужиков!

— И баб! — смеясь, поддержала Катя.

В ту ночь, несмотря на усталость, Юрий вытащил их прокатиться по Манхэттену, посмотреть знаменитые огни Бродвея.

Пока они ехали мимо вереницы ресторанов, увеселительных заведений, театров, Катя смотрела во все глаза. Вот и Таймс-сквер, Сорок вторая улица. Ники и Катя ахали, глядя в золотые глаза и напудренные лица сутенеров, проститутки, всевозможных клоунов, мелькавших за окнами автомобиля.

Изнанка Нью-Йорка. В худших своих кошмарах Ники не мог представить, что это так жутко. Он вспомнил парки Москвы, унылый, серо-коричневый колорит, царящий в Союзе. И высказал вслух сомнение: сможет ли он здесь ужиться?

— Будешь таким же князем, как в Москве, — успокоил его Юра. — Здесь это даже легче.

Квартиру им подыскал Юрий. Она находилась в старом кирпичном шестиэтажном доме. На четыре комнаты приходилось только одно окно. Оно находилось в спальне, и через него был виден кусочек ведущей к океану улицы — Оушн Парквэй. В комнатах было темно, в прихожей — еще темнее. Лифт возле их квартиры был скрипучим и двигался медленно.

Со стесненным сердцем Ники стоял у окна. Светало. Слышно было, как дышит Катя, лежа в постели у стены, напротив окна. Потом грохнула дверь лифта. Послышался скрежет и скрип, гул мотора, словно лифт каким-то образом въехал прямо в квартиру.

Ники пожегся, закурил. На душе было пусто. Он прижался лбом к стеклу и посмотрел на улицу, которая еще тонула в сумраке.

Напротив стояли такие же многоквартирные дома. В некоторых окнах мерцали слабые огоньки. Свечи, подумал он. Свечи в западном электрическом раю. Он прижался к стеклу щекой и попытался увидеть улицу, ведущую к Манхэттену. На фоне светящегося неба высились темные силуэты небоскребов.

Подчиняясь внезапному импульсу, он взял со стола карту, которую дал ему Василий. Нашел и ткнул пальцем в Нью-Йорк. Город находится в южной части штата, носящего то же имя. На севере — горы, за ними — Канада, дальше — полярные льды, а за льдами — родина.

Нет, не одолеть ему этот город, не избавиться от страха перед ним.

Вторая ночь в Америке. Вторая бессонная ночь. Он тер пальцами виски. Порой казалось, он теряет рассудок от необъяснимого страха перед чужими людьми, незнакомыми улицами, непонятными обычаями.

Чего, собственно, он боится? Американцы, с которыми он успел встретиться, держались вполне дружелюбно. Некоторые — даже слишком: обнимали, тискали... В России такое невозможно представить. И все равно эти люди оставались для него не менее чуждыми, чем жители Вены или Рима... И вдруг, будто сквозь сон, он услышал голос Кати:

— Не стой у окна, простудишься. Иди ложись.

Ники обернулся. Катя улыбалась. Последнее время она часто улыбалась.

— Ну иди ко мне, — прошептала она.

Она выглядела прекрасной на свежей постели. "Как молодой олень на снегу", — подумал он.

Пока он шел к ней, она сбросила с себя рубашку и протянула руки ему навстречу. Когда она дотронулась до него, он ощутил во всем теле слабость.

Глаза ее были ясными, красивое лицо обрело какой-то восточный оттенок. Когда Ники лег, она сунула ладонь ему под пижаму, провела губами по щеке.

— Обними меня, Ники, полежи, отдохни, — шептала она.

Он закрыл глаза и прижался щекой к ее груди. Потом тихо заплакал, как когда-то в далеком, сиротском детстве.

— Я, кажется, с ума сойду, Катенька. Чувствую, что рехнусь тут. Какое мерзкое чувство... кажется, на вкус его ощущаю, в глотке кисло...

Слезы текли из его глаз ей на грудь. Она взяла его голову, положила ее в ложбинку между своих грудей.

— Спи, Коленька, спи, дорогой мой. Отдохни. Все будет хорошо.

— Боже мой, что я натворил, — тихо сказал он.

— Мы вместе, Ники. А это главное.

Она спустила с него пижамные брюки до колен.

— Я тебя в сумасшедший дом привез, — пробормотал он.

Но Катя его уже не слышала. Впервые за эти недели к ним вернулось желание. С дрожью в голосе она звала его.

В голове у Ники, подчиняясь движениям ее тела, запели скрипки. Это было необыкновенно, многие месяцы он не испытывал ничего подобного. Под звуки небесных скрипок двигались ее бедра, руки, плечи. Утреннее солнце проникло в комнату, и Ники смотрел, как Катя танцует в его свете. Он закрыл глаза. Она прижала кулачки к ще-

кам и открыла рот, потом раскинула руки в стороны. Ладони ее то приближались к нему, то отдалялись.

Впервые за долгие недели Николай Зораков счастливо улыбнулся; в голове у него все играла знакомая любимая музыка.

4

Брайтон-Бич, Нью-Йорк. Май 1981

Далеко от того места, где кончался городской тротуар, высокая башня отбрасывала длинную тень на законченные жилища Кони-Айленда.

Это была парашютная вышка. Сейчас к ней двигались вереницы пожилых евреев, словно на вершине вышки некто, призывая детей израилевых вернуться домой, трубил в серебряную трубу.

Их были сотни. Некоторые шли парами, другие — группами по пять-шесть человек. Говорили они по-русски с одесским акцентом или на идише, вызывавшем у Ники содрогание.

— А ты на идише говоришь? — спросил Ники, поднимая воротник и глядя на океан. По берегу торопливо, словно наперегонки, шли люди.

— Немного научился, пока живу здесь, — ответил Юрий. Он приняхался. — А пахнет весной, что ни говори.

Два чернокожих парня лавировали на велосипедах среди пешеходов. Тот, что был впереди, дунул в свисток. Старая женщина, споткнувшись, шарахнулась в сторону.

Юрий шел в такт музыке, несущейся из самого большого радиоприемника, какой когда-либо видел Ники. Чернокожий парень со свистком вез его на плече, управляя велосипедом одной рукой.

— Неудивительно, что они берут все золотые призы, — заметил Ники.

— Они все уголовники, — сказал Юрий.

— Так уж и все?

— Все. Американские негры — это не те, что у нас. Те, что в Москве, имеют, как бы это сказать...

— Культуру? — подсказал Ники.

— Вот именно. Они — африканцы, другая публика. А в Америке — это настоящие дикари.

— Слушай, а почему ты все время носишь ковбойскую шляпу? — спросил, помолчав, Ники.

— Нравится, вот и ношу, — отрезал Юрий.

— А сапоги? И рубаша? Под ковбоя работаешь. Ковбой из Ташкента.

Юрий пожал плечами. Его лицо оставалось непроницаемым. Как и брат его, Михаил Ягодин, ювелир, Юрий пособен был на любые подлости; к тому же он, как все Ягодины, был немного психованным. В Москве Ники стался держаться от братьев подальше. Здесь, в Америке, Юрий стал его другом, без которого он не мог обойтись, иго лучшей компанией. Это угнетало.

Гораздо крупнее своего брата, Юрий был таким же мерзавым и выглядел достаточно устрашающе. Он был готов на любое преступление, поскольку не имел ни души, ни сердца, ни совести.

Взяв Ники под руку, Юрий повел его к кафе с крупной зывеской латинскими буквами: МОСКОВСКИЙ ГАСТРОНОМ. У входа сидел человек в черной кожаной куртке и маленькой серой кепочке.

— Я гляжу, тут все стены исписаны, — сказал Ники. — Их кто-нибудь когда-нибудь чистит?

— Не думаю, — ответил Юрий. Потом объяснил, что значит слово "кант". Оно было написано черными буквами внутри большого зеленого сердца на щите перед входом в пиццерию рядом с кафе. Ники засмеялся.

Петро уже поджидал их за столиком в глубине кафе. Сидел, попивая кофе с бренди и наблюдая, как толстый мальчишка терзает обшарпанный музыкальный автомат в углу.

Они сели за его столик. Спустя несколько минут появилась грузинка с большой золотой звездой Давида на груди — официантка. Ники заказал водки, а Юрий — американского пива, которое казалось Ники водой.

— О'кей, Ники. Сегодня мы познакомим тебя с нашим американским другом. Это человек, который сделает нас богатыми, — сказал Петро.

Ники кивнул.

— Ты удивишься, до чего он молод, — сказал Юрий. — Но пусть это тебя не смущает. Он очень важный человек.

Петро засмеялся:

— Посмотрел бы ты на его лицо, когда я сказал ему, что он встретится с князем Пушкинской площади.

— Который потерпел крах и нуждается в его помощи, — добавил Ники.

— Я его видел как-то. Он мне не понравился, — сказал Юрий. "Вот он, настоящий Юра", — подумал Ники.

— Сколький тип, как все итальянцы.

Петро запел "О соле мио", Юрий подхватил. Потом все трое чокнулись и дружно запели хором.

— Но он американский итальянец, — заметил Ники. — Это ведь не то, что я видел в Риме.

— Все они одинаковы, — ответил Юрий. — Скользкие, как угри.

— Ты сам увидишь, — сказал Петро. — Славный парень. А Юрке вообще никто не нравится.

— Почему? Ты вот мне нравишься. Вы оба мне нравитесь.

— За это стоит вылить, — предложил Ники. — Ты, Петро, тоже мне нравишься. — Он опрокинул рюмку в рот. Он всегда предпочитал пить залпом.

Проведя два месяца в Америке, Ники пришел к выводу, что единственный способ разбогатеть здесь — это иметь собственный большой бизнес. Больше всего его прельщало стать владельцем ночного клуба-ресторана. На Брайтон-Бич их было несколько, но у него должен быть самый большой и самый шикарный. Ники даже название придумал: "Московские ночи".

Петро познакомился с этим италом-американцем в оздоровительном клубе в Шипшед-Бэй. Его звали Сонни Ипполито, и на него произвело неизгладимое впечатление, когда Петро сидя выжал четыреста сорок фунтов. Дома, в Союзе, Петро был штангистом.

Сонни сказал Петро, что у него ужасно забавный акцент. И как-то отвез Петро домой в своей машине золотого цвета с сиденьями, обтянутыми мягкой кожей. Машина была огромной, как крейсер. Петро забыл, как называлась марка — в отличие от европейских моделей, американские машины для него были все на одно лицо.

Когда Петро высказал вслух мечту заработать столько денег, чтобы купить подобную машину, Сонни засмеялся и дал ему пол-унции кокаина. Посоветовал разделить порцию на граммы, а граммы продавать как можно дороже. Через две недели он должен вернуть ему пятьсот долларов, а навар пусть берет себе.

Петро и Юрий сумели продать эти пол-унции кокаина в русском клубе, который назывался "Чудо". Причем загнали все за каких-нибудь пару часов. На следующий день связались с Сонни и попросили целую унцию. Реализовали товар за два дня. Так и пошло. С каждой проданной унции они имели тысячу долларов. Открылась возможность разбогатеть, но на это требовалось время. Ники убеждал их, что в "Московские ночи" нужно вложить как можно больше денег. А они убедили Ники, что ему стоит потолковать с Сонни.

Сонни прибил не один. У его спутника была маленькая, словно усохшая, голова. Звали его Юниором.

Пожав руки Ники и остальным, Юниор сказал Сонни, что подождет его в машине. Ники заметил, что Юниор внимательно изучает их лица. Сам Ники воздержался от вежливых улыбок, а Юниору пожал руку еще раз. Тот кивнул ему.

Сонни был одет в джинсы необычного покроя, синий

блейзер и кремовую водолазку, на ногах — отполированные до блеска полусапожки. На шее — желтый шелковый шарф с маленькими красными птичками. Сложен он был атлетически. Ногти тщательно наманикюрены. На запястье — массивный золотой браслет. Ники не мог даже примерно представить его стоимость.

Сонни погрозил Ники пальцем, как полицейский, и сказал:

— Ты и есть тот князь, о котором мне говорил Питер?

— Какой Питер? А! Ты имеешь в виду Петро? — Ники засмеялся.

Американец посмотрел на него с грустью.

— Ты не смейся над тем, как я говорю, а я над вашим акцентом не буду смеяться. Верно, Пит? Мы ведь так договорились?

Петро кивнул с улыбкой.

— Конечно, — согласился Ники.

Юрий тоже кивнул головой.

— И давно ты здесь, Ник?

— Два месяца. — Ники невольно улыбнулся. Этот Сонни разговаривал с ним, как с мальчиком.

— Также еврей, как и Пит?

— Да, как и Пит, — ответил Ники. И тут не выдержал и расхохотался. Более того, хлопнул Сонни по спине. — Слушай! Ты мне нравишься, Сон. Мы с тобой будем друзьями. — Перестав смеяться, позвал грузинку и попросил еще бокал. Потом налил Сонни приличную порцию водки.

— Меня зовут Сонни. Можешь называть меня Сонни, но не Сон. Меня зовут Сонни.

— Я знаю, — ответил Ники. — А меня Ники зовут. Можешь называть меня Ники.

Сонни улыбнулся, поднял большой палец и сказал:

— Шах.

После двух рюмок Сонни снял свою куртку и начал расхаживать по кафе. Он осматривал блюда за стеклянной витриной, фотографии с видами Советского Союза на стенах. Повертел в руках пластинку Майи Розовой.

— Какая рыжая дама. Я бы ей посоветовал всегда ходить в шляпе. Шляпа, жемчужное ожерелье — и больше ничего. Красивый у нее рот.

— Она еще петь умеет, — добавил Петро.

Спустя немного времени Сонни вернулся к столу. Красивый парень. Ники решил, что у него внешность кинозвезды.

— О'кей, — сказал Сонни. — Я не хочу держать Юниора в машине целый день. Если он не поест, то станет еще опаснее.

— Здесь много еды, — заметил Юрий.

— Я так не считаю, — ответил Сонни, оглядывая кафе с видом полного недоумения. — Я думаю, нам с Ники надо поговорить. А когда я говорю с кем-то, я говорю только с ним. С глазу на глаз, если вы меня правильно поняли.

— То есть как?.. — начал было Юрий.

— Конечно, конечно, — перебил его Петро.

— Понятно, — сказал Ники и кивком головы предложил двум своим приятелям удалиться.

Он вдруг почувствовал себя в знакомой обстановке. Сонни внушал доверие, и Ники почувствовал, как возвращается к нему уверенность в себе. Ему казалось, он видит перед собой отражение собственной юности.

Они долго смотрели друг на друга. Сонни поджал губы, потом вдруг улыбнулся. Улыбка была вроде дружеской, но Ники от нее стало не по себе. Похоже, этот молодой человек обладает властью и самоуверенностью отнюдь не по возрасту. Юниор, с маленькой головой и громадным туловищем, был куда старше Сонни. Но кто из них босс, было очевидно.

— Могу я спросить, сколько тебе лет? — сказал Ники.

— Можешь. Задавать вопросы не возбраняется никому. Это Америка. Здесь ты можешь спрашивать все, что пожелаешь.

— Ну и?..

Сонни медленно кивнул головой, улыбнулся и сказал:

— Тебе и твоим друзьям повезло, что вы встретили меня.

Ники посмотрел в теплые карие глаза Сонни.

— Ты молод, Сонни, — сказал он.

Сонни вздохнул и сказал:

— Ага. И нет ничего такого, чего бы я не сумел добиться в этом городе. Назови, что хочешь, и я сделаю. Тебе нужно — я добуду. И скажу тебе еще одну вещь. — Он широко улыбнулся. — Ты можешь удрать от меня, но скрыться не сможешь. Повезло тебе с дружками. Вы сделали очень важное знакомство. — Сонни подмигнул.

Ники подумал, что только что услышал угрозу, но угроза эта прозвучала мягко и завуалированно.

— Мне не нравится бизнес с наркотиками, — сказал Ники. — Я думаю, для нас нашлись бы и другие дела.

— Кому-то надо и наркотиками заниматься. Они — ценнее золота. К тому же я поставляю людям то, чего они хотят. Я обслуживаю людей, Ники. Даю им то, чего они нигде не достанут.

Ники ощутил ком в горле и судорожно глотнул.

— Ты, Ники, сначала твердо реши, чего хочешь, а потом свяжись со мной. Твой дружок Петро мне нравится. Ему я доверяю. Маленькое дельце, которое мы с ним про-

вернули однажды, он сделал классно, как настоящий профессионал. Он говорит, что по ту сторону ты был большим человеком в бизнесе. Я могу помочь тебе стать большим человеком здесь.

— Я хочу стать владельцем самого большого и самого лучшего в городе русского ночного клуба и ресторана. Но не хочу ждать целую вечность, чтобы добыть деньги на это.

Сонни нахмурился.

— Ты знаешь, сколько тебе понадобится для начала?

— Тысяч двести, — ответил Ники.

На лице Сонни появилась удивленная улыбка:

— Только и всего?

Ники понятия не имел, какой начальный капитал нужен, чтобы открыть ночной клуб с рестораном. Двести тысяч — это вроде бы звучало.

— Вот чертовы русские! Вы что, думаете, у нас тут грузики башлей к вашим услугам?

Ники мало что понял из этой тирады, поскольку Сонни говорил быстро, однако на лице американца он видел дружескую улыбку. Их встреча казалась многообещающей и проходила неплохо. Неужели он приобрел нового друга со связями? Для русского это куда лучше, чем крупный вклад в банке.

— Насколько я понял, у тебя много денег и тебе нужно куда-то их вложить. Верно? — сказал Ники.

— Сколько у тебя людей? — спросил Сонни.

— Что значит — сколько людей?

— Ну ребят в твоей команде. Сколько?

— В смысле — друзей с родины? Ты это имеешь в виду?

— Ну да — люди, люди, понимаешь?

— Не очень много.

Сонни усмехнулся.

— Хитрый ты засранец, Ник. Но я скажу тебе, что намерен предпринять.

— Пожалуйста, Сонни, меня зовут Ники, Николай, но не Ник. И почему ты меня постоянно обзываешь? Что за дела?

Боязнь, что он не поймет хитрых ходов этих ньюйоркцев, снова овладела им.

— Брось, Ники, не ерепенься. Ты мне нравишься. Мы с тобой сработаемся. Конечно, понадобится некоторое время. В конце концов, ты же мне не брат, верно? Но скажу тебе, ты, кажется, потолковее его.

— Кого?

— Братана моего, кого же еще.

В двери входили и выходили посетители. Ники выпил еще, а Сонни больше не притронулся к бокалу. Улыбка,

казалось, ни на минуту не сходила с его лица. Он дал Ники листок бумаги с двумя телефонными номерами. Предупредил, чтобы тот связывался с ним в случае необходимости только через уличные автоматы. Сначала нужно было набрать первый номер. Ответит женщина. Он должен назваться Карлом и дать ей номер телефона-автомата. Потом Сонни попросил Ники внимательно посмотреть на номера и сказать, что в них особенного.

Ники посмотрел. Код оказался простым. При сложении двух номеров сумма под каждой парой цифр равнялась десяти.

— Вот видишь? Я же сказал, что ты парень с головой. Мой братан часа три ломал голову, пока догадался.

Ники рассмеялся:

— А где твой брат работает?

— У меня он работает, где же еще... Если ты хочешь оставить номер 655—2110, какой номер назовешь женщине-телефонистке?

— 455—8990. Нули, наверное, остаются?

— Ты молоток, Ники. Запомни вот что: после того как оставишь ей номер, немного подожди.

Ники игра понравилась. Он любил легкие игры.

— И сколько времени ждать?

Сонни пожал плечами.

— Немного. Не так долго, как ты думаешь.

— А для чего все это?

— У стен тоже есть уши, Ники. Легавые, они повсюду.

— Точно, как у нас. — Ники засмеялся.

— Короче, звони, если что надумаешь. Если у меня будет для тебя что-то, дам знать через Петро. А этот Юрий мне не нравится. Что он за тип?

— Он из Ташкента. Там публика немного... своеобразная, понимаешь?

— Ну да, ясно, — сказал Сонни. — Вроде тех ушлых ребят из Сицилии.

— Извини, не понял...

— Ерунда. Я понял. С Юрием все в порядке. — Сонни вдруг расхохотался, весело, от души, как ребенок. — Сам не знаю почему, но вы, чертовы русские, мне нравятся.

“Чертыхается — через слово”, — подумал Ники.

— А мне нравятся вы, чертовы американцы, — ответил он.

Месяц спустя Ники стоял у входа в Бруклинский ботанический сад. Он увидел, как Сонни вылезает из припаркованного автомобиля, и помахал ему рукой. Сонни улыбнулся и кивнул.

Обычно они начинали серьезный разговор не раньше, чем проходили через сад в розарий, туда, где розы растут концентрическими кругами: в центре — желтые, по краям — алые.

В саду было много народу. Праздная публика глазела на них. Сонни убедился, что их никто не подслушивает, и заговорил:

— Все о'кей. Проверь свой счет в банке. Ты будешь приятно удивлен.

После некоторого замешательства Ники спросил:

— Сколько?

Медленно, отчетливо, чтобы Ники сразу понял, Сонни сообщил ему, что на его банковский счет переведено двести пятьдесят тысяч долларов.

— Отлично, — сказал Ники и сам поразился своему хладнокровию.

— Отличная у меня жопа! — воскликнул Сонни. — Не забудь, когда ресторан откроется, ты будешь выплачивать десять процентов в неделю. Каждую неделю.

Ники пожал плечами и отвернулся.

— Я понял, Сонни. Я хорошо знаю арифметику, — сказал он.

— Это не шутка, мой русский друг, это дело серьезных.

— Главное, где бы нам пообедать сегодня, — сказал Ники. — Мы уже десять ресторанов посетили, а ты обещал мне двадцать пять в этом месяце.

Сонни остановился, некоторое время молча смотрел на него, потом улыбнулся.

— Ники, это не я одолжил тебе деньги, а Матти Муска. Он пошлет к тебе своего племянника Фрэнки, чтобы получить долг.

Ники только посмотрел на него.

— Ты все усек, товарищ? — спросил Сонни.

— Если я сниму со счета сразу большую сумму, у меня не возникнут проблемы?

— С этим банком проблем не будет. Лишь бы на счете было достаточно денег.

— Ну и прекрасно, — заключил Ники с улыбкой.

— Порядок, — ответил Сонни. Он ткнул Ники кулаком в плечо. — Пошли пожрем.

Глядя на Сонни, который на несколько шагов опередил его, Ники вспомнил слова Юрия в ночь прибытия в Америку: "Будешь таким же князем, как и в Москве. Здесь это даже легче".

Догнав Сонни, Ники крепко обнял его за плечи.

— Шах, — сказал Сонни и поднял большой палец. Ники счастливо рассмеялся.

5

Октябрь 1981

Матти Муска, дядя Фрэнки, был мужчина не крупный, но крепкий, с широкой костью. Выглядел он куда моложе своих пятидесяти пяти. И неудивительно: Матти Муска заботился о себе. Он состоял в дорогостоящем оздоровительном клубе, соблюдал диету, еженедельно посещал парикмахерский салон, где ему подравнивали прическу и делали маникюр. Лицо и руки его были гладкими, фигура прекрасная, нервы в полном порядке. Как, впрочем, у большинства людей преступного мира его поколения. За последние тридцать лет Матти ни разу не утруждал себя тяжелой физической работой.

В этот ясный и теплый день он вышел из жилого небоскреба на бульваре Куинз. На щеках у него играл румянец, он дышал полной грудью. Он шел от любовницы — пышнотелой девицы, двумя годами младше его старшей дочери. Теперь он шествовал вдоль бульвара, величественный, как Муссолини.

В досье нью-йоркской полиции и ФБР он значился среди главарей преступной "семьи" дона Пола Малатесты. Члены этой "семьи" были агрессивны, могущественны и богаты. Эти сведения были верны, но не исчерпывали всей истины. Действительно, Матти был главой — "капо" — одной из семи команд "семейства" Малатесты. Но ни одно досье не отмечало того факта, что Матти играл чрезвычайно важную роль в клане. Он был больше чем командир группы. Его люди — тридцать человек — были хорошо подготовленными десантниками. Это была ударная группа, настоящие боевики. Короче, Матти был карающим мечом "семьи".

Когда он подошел к тому месту, где оставил свой автомобиль с водителем, выражение его лица вдруг изменилось, живот свело судорогой. Карло исчез вместе с "бьюиком". С минуту мир казался Матти вереницей запертых дверей. Он огляделся по сторонам, сделал несколько шагов в одну, в другую сторону, остановился.

— Не может быть, — сказал он вслух, — я же его здесь оставил.

Он подошел к перекрестку, посмотрел в оба конца улицы. И вдруг ощутил мерзкий страх. Один, безоружный, словно голый, на перекрестке Куинз-стрит. Ничто не могло заставить Карло уехать, нарушив приказ. У Матти мелькнула мысль — броситься бегом обратно в квартиру Линн. Он судорожно вздохнул, глянул на часы. Ровно час дня. Чувство опасности начисто прогнало хорошее настроение. Он весь напрягся и стиснул зубы. Теперь от его

мания не ускользало ни одно движение, ни один звук улицы. Окружающий мир словно застыл, а глаза Матти метались, забежали, как у леопарда на охоте.

Он почувствовал приближение автомобиля прежде, и увидел его. Машина Папаши. Серебристый "мерседес" медленно крался вдоль бровки тротуара. Вот он равнялся с ним. Боковое стекло на электроприводе ользнуло вниз. Джон Рено, личный шофер Пола Маласты, улыбнулся и сказал:

— Эй, Матти! Что новенького?

— Привет, — отозвался Матти, надеясь, что выглядит более приятно удивленным, нежели испуганным. Он-то мал, что Папаша — в Европе, на том и строил свои расчеты. А Папаша — вот он, сидит в машине, скрестив на уди руки, слегка склонив голову, с грустной улыбкой на губах. Единственный человек на свете, который мог приказать Карло уехать. Джон Рено с ласковой укоризной качал головой. На миг время на перекрестке замерло в кидании... Впрочем, можно было ожидать чего угодно, тогда с заднего сиденья послышался голос Пола Маласты:

— Садись в машину, Матти. — Голос Папаши звучал ягко, в нем не было ни намекa на угрозу.

— Где Карло? — спросил Матти нервно, усаживаясь на жбаное сиденье "мерседеса". Пол Маласта протянул руку и коснулся плеча Джона Рено.

— Поехали, — сказал он. Потом обернулся к Матти: — отпустил Карло. Сказал, что вы увидите с ним попозве, в клубе. Не возражаешь?

— Нет-нет, что вы. Все о'кей. — Матти положил руку а подлокотник, ушипнул себя за нижнюю губу. Подумал: жк много известно Папаше? Что-то он пронюхал, в этом змнений не было.

Матти решил ликвидировать Ники Зоракова в тот момент, когда ему сообщили, что Папаша улетает в Европу. то была рулетка, выстрел вслепую, но шансы на успех ыли. В Европе у Пола будут дела поважнее, чем убийгво какого-то еврея — выходца из России. Фрэнки, лемянник, должен был обтяпать это дельце. И вот, похоже, он сел в калошу. Просто-напросто влип.

Матти начал было говорить что-то, но Пол Маласта однес указательный палец к губам и многозначительно рищурился. Матти откинулся на спинку сиденья и тяжело вздохнул.

Когда "мерседес" отъехал от бровки, Матти ощутил егкое головокружение. Видно, он малость переусердствовал с Линн в постели. Да тут еще страх за Карло. Плюс низительная ситуация, когда он должен оправдываться. Матти не очень умел давать объяснения своим поступкам.

Он сидел закрыв глаза, когда Джон Рено резко остановил машину. Матти бросило на спинку переднего сиденья, потом — обратно.

— Пристегиваться надо, — нравоучительно заметил Папаша.

Дорогу "мерседесу" перегораживал Карло.

"Вот это преданность!" — подумал Матти. Как назло Карло начал орать. Прохожие стали оборачиваться, самые любопытные даже возвращались назад — поглазеть. Матти сперва испытал удивление, потом — радость.

— Простите, сэр! Прошу прощения! — кричал Карло. Он когда-то служил в морской пехоте, воевал во Вьетнаме. Всех называл вежливо — "сэр". Пол Малатеста шумно вздохнул, взъерошил пятерней волосы.

— Ну, что дальше? — обратился он к Матти. На щеке его дернулся мускул от нервного тика. Матти пожал плечами.

— Сам не знаю, в чем дело, — ответил он.

— Какого хрена?! — заорал Джон Рено.

Карло, взглянув на заднее сиденье "мерседеса", где сидел Матти, ответил:

— Мне надо потолковать с моим боссом. Буквально одну секунду.

Матти посмотрел на Папашу. Пол Малатеста покачал головой, словно столкнулся с проблемой, суть которой ему была не совсем ясна.

— Матти, объясни дону Карло, что никаких оснований для беспокойства у него нет, — сказал он с сарказмом. — Скажи Карло, что мне надо с тобой поговорить. И поживей.

Ничего зловещего в поведении Папашы не было. Тем не менее Матти вылез из машины с чувством облегчения. Он рад был оказаться рядом с Карло.

На коленях у Карло лежал двадцатизарядный короткий автомат, его излюбленное оружие со времен Вьетнама. Он поглаживал его, как кошку.

Карло сообразил, в чем дело. Его хозяин оказался в неприятной истории.

Он говорил тихо и смотрел не на Матти, а на Джона Рено. Рено — снайпер, Карло и Матти оба это знали.

— Куда они вас везут, босс?

Матти пожал плечами.

— Я вас не оставляю, — прошептал Карло. — Если уж дело пахнет порохом, пусть все кончится прямо здесь.

— Ты что, спятил? — прошепел Матти.

— Посторонитесь, босс, я разнесу эту фашистскую тачку вдребезги, вместе с ее хозяином.

— Успокойся, — сказал Матти. — Успокойся. — Он легонько погладил Карло по щеке.

— Босс, вы моя единственная семья. Если они тронут пальцем, я даже Луну залью кровью, — ответил Карпо-итальянски. В этот момент Матти понял, что совершил роковую ошибку. "Семья" готова была сожрать са-е себя. Матти Муска достаточно хорошо знал жизнь, бы понять: возможно, он заслужил смерть.

— Карло, поезжай в клуб. Я позвоню, если ты мне по-юбишься. И еще, Карло, — добавил он медленно, — ты юшо сделал, что появился здесь. Только голову не те-и.

Уголки губ Карло дрогнули. Он бросил угрожающий ляд на Джона Рено.

— Босс, вы точно хотите, чтобы я уехал?

Матти кивнул и захлопнул дверцу автомобиля. Карло дленно отъехал.

Усевшись обратно в "мерседес", Матти хотел было за-юрить, но Папаша снова знаком велел ему молчать. тти отвернулся и стал смотреть в окно. Они пересекли ст Уайтстоун. Сотни парусных судов курсировали у бе-ов Лонг-Айленда.

Матти обернулся и встретился глазами с Полом. Папа-, чувствуя, что он хочет сказать что-то, дал глазами ять, что машина прослушивается, и вновь приложил ец к губам. Страх стиснул сердце Матти.

Называть Пола Малатесту Папашей было выражением итения и любви. В то же время был тут и некоторый аб-д: хотя Папаша был всего на несколько лет моложе тти, он был в то же время минимум лет на двадцать ложе любого из главарей нью-йоркской мафии.

Сотня боевиков, семь капо и десятки рядовых членов "мьи" называли его Папашей. Но в личном общении ше было называть его дон Пол. Только Матти при тных встречах называл его просто Пол.

Родившийся на Сицилии и унаследовавший от родите-и тесные связи с "Обществом чести", Пол Малатеста ожил адвокатом и судебным исполнителем на знамени-и Виа Веккиа. Он прислушивался к мнению своих со-ников, изредка даже принимал их рекомендации. Но оном было всегда его слово, его решение. Пол Мала-та действовал в Новом Свете, однако истоки его силы -прежнему оставались на Виа Веккиа. Он любил эле-тно одеваться, любил изысканные манеры. И все же и физическое присутствие, его облик не сразу внушали ужающим почтение. Он был невысок ростом, худ, ве-т меньше семидесяти килограммов. Тем не менее по уре он был лидером и совратителем. И мало кому уда-юсь выжить в борьбе с ним. Он был улыбчив, умел лласкать человека, умел говорить изящные комплимен-

ты. Но под этим обличьем скрывался оборотень, одержимый жадой власти и богатства, — типичный мафиози.

Сама мысль о том, что он может навлечь ярость своего дона, вызывала у Матти дрожь, в глотке словно коши скребли. А все из-за промашки с этим евреем из России. Если бы не русский заморыш, он бы не угодил в ловушку, черт бы его подрал.

Ровно в два часа Матти Муска вылез из "мерседеса" зажмурился от яркого солнца. Дул легкий ветер, отблеск солнца на воде вокруг Лонг-Айленда пробуждали в нем чувство тревоги.

Они находились на стоянке у ресторана Джино "Си Айленд". Не являясь членом "семьи", Джино был ее для него другом. Матти еще больше напрягся. Он почувствовал себя обреченным, когда Пол Малатеста взял его за руку и по узкой тропинке, заваленной отбросами, пошел к берегу. Стояла зловещая тишина, даже ветер стих. Метр в ста от берега покачивалась на якоре яхта. Пол Малатеста бросил на нее взгляд и оцепенел.

— Никуда не скроешься, — прошептал он. — Знаешь, Матти, у них есть такие штуки, которые улавливают любой звук, даже самый слабый. — Он положил руку ему на плечо и заговорил чуть слышно, почти не шевеля губами: — Они подслушивают мои разговоры. Я знаю, они следят за мной. Подслушивающие устройства есть даже в моей спальне. Сволочи...

Пол Малатеста подошел к краю парапета. Его взгляд был прикован к яхте. Рыжевато-красного цвета, стоимостью тысяч в двести долларов, она явно нуждалась в покраске. Но Матти до этого не было дела. Вся эта комедия — если это была комедия — ничуть не сняла спазма в желудке. Он был почти парализован и неподвижно стоял на берегу среди прибрежной травы и песка, не зная, что сейчас произойдет. Это было самое страшное. Но, что бы ни произошло, он не дрогнет.

Пол Малатеста долго рассматривал яхту. Матти наблюдал за ним; ему хотелось, чтобы хозяин сказал наконец что-нибудь. Но дон Пол, видимо, слишком далеко унесся в своих мыслях, Матти оставалось ждать приговора.

Наконец Пол обернулся и поднял маленькую белую ладонь.

— Все в порядке, — сказал он тихо. — На корабле никого.

Они пошли вдоль берега, на котором было больше мусора и консервных банок, чем ракушек. Когда они оказались вне видимости с яхты, Пол Малатеста тихо заговорил:

— Ну, что скажешь? — Голос у него был высокий, как

и фальцет. На лице сияла широкая улыбка неподдельного удовольствия. Матти заметил нервный тик у его глаз, который тот не мог остановить.

— А что случилось? — спросил Матти; голос его дрогнул. В голове гвоздем засела мысль: кто мог его заложить?

Пол Малатеста заметно напрягся.

— Хватит со мной финтить, — резко ответил он на сицилийском диалекте. Матти икнул. Желудок его снова зело, и он лишь мысленно пожелал себе не наделать в таны. Позади послышался шорох. Матти быстро обернулся. Трехлапая кошка играла в траве с умирающим краком.

— Может быть, черт побери, ты все-таки объяснишь не, что происходит? — Пол Малатеста остановился, крестив на груди руки. На лице его уже не было и следа улыбки. — Будешь говорить или нет?! — вдруг заорал он.

Да, оправдываться Матти не умел. Вместо этого он ступленно бил себя кулаком в грудь и повторял:

— Я... это... Я!.. Я такой! — Голос перешел на крик, спугав парящих над ними чаек; две птицы, шарахнувшись прочь, столкнулись в воздухе. — Этот еврейский звюнок насмехался надо мной! Насмехался! — вскричал Матти. — Сказал, что говорил с вами и вы ему позволили! — Ладонь у Матти была крупная, как бейсбольная перчатка. Он стиснул ее в кулак и потряс в воздухе. Пол Малатеста невольно отступил на шаг. — Когда я сказал ему, то он должен мне деньги, он рассмеялся мне в лицо. — Матти понизил голос, и взял Пола Малатесту за плечи. — Пол, он издевался надо мной. Мы же с тобой были вместе с самого начала, Пол. Ты меня знаешь. Я никогда не ойду против тебя... но этот человек смеялся надо мной.

Матти вдруг пошатнулся, его замутило. Он встряхнул зловой, но лучше ему не стало; к горлу подкатила тошнота. Почувствовав, что теряет контроль над собой, он друг расплакался, как самый заурядный трус. Вот, оказывается, как это бывает: все плачут перед смертью. Матти Луска приготовился услышать выстрел из пистолета, который вертел в руке Джон Рено. Смерть дышала ему в затылок. Слезы капали из глаз, скатывались на голубую желковую сорочку, оставляя круглые, как следы пули, ятнышки. Вдруг Матти затих; шок миновал. Он склонил олову, зажмурил глаза. Не так уж это и страшно, подумал он. Пуля в голову — и все. Он даже с некоторым доветворением подумал, что примет смерть как мужчина. Провел пальцами по волосам, вспомнил о Линн. Она-то недолго останется в одиночестве. Теперь Матти Луска в полной мере ощутил свои пятьдесят пять лет.

Рассвирелев, Малатеста ударил Матти по лицу. Тот не

стал уворачиваться, даже не прикрылся руками. Последовал новый удар, потом еще. Маленькая рука схватила Матти за грудки — четвертый удар. После этого Пол Малатеста отпустил его, толкнув в плечо, и сам отошел в сторону.

— Все-таки ты дурак, — тихо сказал он. — Из-за таких вот идиотов мы все и погибнем.

Последний раз Матти бил отец. Сейчас он попытается стараясь быть подальше от Пола Малатесты. Что-то хрустнуло под его ботинком, и он вздрогнул. Нет, сейчас ты не умрешь, сказал он себе. Это не последняя минута твоей жизни. Берег был пустынным, даже кошка-калека скрылась. Как ни странно, Джон Рено так и не всадил девятимиллиметровую пулю ему в затылок. Он все еще был жив.

Матти потер ладонью щеку, рука его дрожала. Пол Малатеста вдруг подошел и взял его за плечо.

— Ты думаешь, я собирался с тобой расправиться Матти? — спросил он.

Мышцы шеи Матти напряглись. Он поморщился, утер пот со лба, потом отвернулся.

— Я не трус, — прошептал он.

— Верно. И не дурак. Ты сделал глупость, но ты не дурак.

— Этот русский издевался надо мной... при моем племяннике.

Фраза прозвучала настолько по-детски, что даже ему самому показалась нелепой.

— Ты что, не понимаешь, что у меня есть свои соображения? И эти соображения — правильные. Нам нужен этот русский! — неожиданно выкрикнул Пол Малатеста. — Очень нужен!

— Пропади он пропадом, — буркнул Матти.

— Потом — ты понял, потом — делай с ним что хочешь, я тебе разрешаю. Но сначала он сделает для нас то, что нам нужно.

Пол Малатеста посмотрел в глаза Матти, на лице его появилась улыбка.

— Вот что, — сказал он. — Найди Фрэнки и останови его. Нам не удалось его найти.

Матти понял. Он остался в живых потому лишь, что кому-то нужно остановить Фрэнки. Почему им так важен этот еврей-иммигрант из России? — спрашивал он себя. Зачем он им?

— Найди Фрэнки и останови его, — повторил Пол. — Я на тебя рассчитываю.

Матти не удивило, что Пол Малатеста не смог найти его племянника. Он знал, что и ему вряд ли удастся разыскать Фрэнки. Однако он кивнул головой и даже попытался

и изобразить улыбку. Самым главным в этот момент было то, что он не умрет, по крайней мере сейчас и здесь, на этом грязном берегу. В то же время он понимал: прощая за то, что он сделал, ему не будет. Пол Малатеста со временем все равно до него доберется. Нет, Матти не был оптимистом. Вряд ли Пол Малатеста мог разгадать его мысли. Улыбка его становилась все шире, пока он кивал головой, как попугай.

— Вот и хорошо, — сказал Пол.

Он взял Матти под руку, как женщину, и повел вдоль берега обратно к автомобилю.

Расположившись в заднем сиденье, Матти смотрел в окно, пока "мерседес" бесшумно катил к Манхэттену. Была середина дня. Впрочем, какая разница? Движение на улицах Нью-Йорка всегда было кошмарным.

Облака закрыли солнце, небо стало серебристо-серым. Задул прохладный ветер, и люди на улицах начали одним за другим снимать воротники. Самая погода для начала войны.

Матти вышел из машины на Сорок девятой улице, у площади ООН. Впервые за многие годы Папаша оказался эпидемиологом от Малой Италии.

— Я все тебе объясню, когда вернусь из поездки, — резко произнес Пол Малатеста. — Я на тебя рассчитываю.

"Мерседес" быстро исчез в потоке машин.

Матти поймал такси, чтобы ехать домой, на Мулберри-стрит.

— Где это? — спросил водитель, улыбаясь пухлыми губами.

Матти глянул на лицензию: шофер, разумеется, оказался русским.

— Валий через центр на Гранд-стрит, а там недалеко Мулберри.

В зеркале заднего обзора Матти видел улыбку водителя.

— Я нет долго здесь, — сказал он. Во рту сверкнули жемчужные зубы и один золотой.

— По мне, так слишком долго.

Шофер явно нервничал. Он слишком резко повернул руль, пересек три полосы встречного движения. Визг тормоза автобуса, толпа прохожих шарахнулась от лап десятков таксонов.

— Вы все с ума сошли! — заорал шофер. — Свет — красный!

— Кстати, для тебя тоже! — крикнул Матти.

— Нет для меня! Для них!

— Ты все-таки постарайся вернуться домой целым и невредимым, — посоветовал Матти спокойно.

Русский засмеялся и кивнул головой.

Матти знал, что не сможет найти племянника. Стоило ему дать задание, как тот немедленно исчезал, словно ракета, неумолимо летящая в цель. Еврей наверняка уже мертв, считал Матти. Он хорошо натаскал парнишку. Раньше чем через неделю Фрэнки вряд ли объявится.

Он пожал плечами. Главное, что пока он цел. Ужас охвативший его там, на берегу, больше не вернется. Ему выпала очень скверная карта, но он все же попробует доиграть эту партию. Надо лишь заменить страх злостью. Как только еврея не станет, дон Пол, скорее всего, займется им. Что ж, давай попробуй, думал Матти. Это тебе не Палермо, это — Нью-Йорк. Законы почтения и чести здесь не действуют. В силе здесь один закон: кто кого? Матти Муска был большой мастер выживания в экстремальных ситуациях. В Нью-Йорке работало пять "семейств", еще три или четыре годами пытались перевербовать его. В данном случае, ничего не скажешь, он допустил промашку, немного ошибся. И сейчас он был очень зол на себя за глупость. И полон решимости расплатиться с доном Малатестой за полученные пощечины. Но сперва он позволит все-таки Фрэнки прикончить еврея. Он сам велел ему разорвать на клочки двадцатидолларовые бумажки и посыпать ими тело Ники. Он представил себе, как это будет выглядеть, и зрелище ему понравилось. Матти закрыл глаза и успокоился. Рывки машины больше не беспокоили его. До чего хорошо быть живым! Он подумал о Линь о ее мягких губах...

Такси резко затормозило. Они находились на перекрестке Гранд- и Мулберри-стрит. Матти был дома.

Карло выбежал из двери клуба, за ним — с полдюжины ребят. Вот они, его люди. На лицах у всех радость и облегчение, словно он воскрес из мертвых. Матти стоял перед ними, подбоченясь, вздернув подбородок. А вокруг, на перекрестке, царил обычная суета. Карло обнял его, парни обступили со всех сторон. Все вместе они вошли в клуб. Муссолини во главе своих легионеров... В общем-то, конечно, они проиграли. Но в этот момент Матти охватило ощущение победы, он шел словно триумфатор лавровым венком на голове. И не столь уж важным казалось то, что кто-то сегодня утром выдал его планы дону Малатесте. И уже забывался шок, который он испытал когда увидел Джона Рено и Пола на углу Куин-стрит.

Джон Рено взглянул на Малатесту и увидел ярость его глаз. Папаша велел ему притормозить у телефонной будки. Прошло всего пять минут с тех пор, как они расстались с Матти.

"Я всегда знал, кто мне друг, а кто — враг", — подумал Пол Малатеста. На Матти Муску полагаться больш

льзя. Он уже понял, что Матти не хочет и не станет ос-навливать своего племянника Фрэнки. Дурак. Увы, он кусил удила. И все испортит из-за какой-то вшивой оби-и. На карту были поставлены миллионы, и Пол Малате-а не имел права рисковать. Потому он и позвонил Ники-ракову.

Были небольшие проблемы со связью, но все было-елано быстро и надежно, как это умел делать Пол Ма-теста.

Он сказал Ники, чтобы тот покинул город на несколь-дней. Ответ русского ему не понравился. Ники Зораков-азал:

— Не беспокойтесь, я смогу о себе позаботиться. Ков-ии! Дурачье! — Потом засмеялся. Именно этот смех и-извал тревогу у Пола Малатесты.

Октябрьская ночь выдалась холодной. На Брайтон-аве-з, вдоль железнодорожных эстакад, завывали порывы-тра. На улице перед русским клубом под светом фо-ря собралась толпа. Слышались возбужденные хмель-ие голоса. Три часа ночи — и повсюду русские.

— Ты только посмотри на эту срань, — сказал Фрэнки.

Тони Рэд ничего не ответил. Он был сейчас далеко: го-ова его кругом шла от солидной дозы кокаина. Филли-ыкнул, кивнув головой, и ослабил рот со сверкающи-и фиксами.

— Мать их... — сказал он.

Они сидели в краденном "малибу", наискосок от клуба.крытые вереницей машин, они прекрасно видели глав-ий и боковые выходы.

Развалившись на заднем сиденье, Рэд выглядел совер-енно невменяемым. Пацан!.. Филли скрежетнул зубами:и был весь внимание, хотя тоже принял дозу. Фрэнки-рнул себя за нос и гнусаво запел что-то из старого, по-забытого рока. Пистолеты лежали на полу, под ногами.

— Ты только посмотри на них, — снова сказал Фрэнки.русские перед клубом расходились к своим машинам,ипаркованным в два и три ряда. Одеты все были шикар-и, как на большой бал: смокинги, вечерние платья у дам.здрости в кожаных штанах, сапогах и куртках оралио-то друг другу, махали руками, бегом направлялись к-томобилям. Были и совсем дети, лет восьми—десяти,которые с цветами в руках.

— В гробу я их видал, — коротко бросил Филли.

Среди русских было с пяток парней, тип которых был-рошо знаком Фрэнки. Они были пониже ростом, смуг-ие, черноволосые, с густыми усами. Фрэнки не раз бы-л в клубе, и эти ребята ему примелькались. Они, конеч-и, тоже говорили по-русски, но отличались от осталь-

ных. Очень похожи на деловых ребят с улицы. Когда их собиралось много, ему становилось не по себе.

Филли наклонил голову и в последний разок затянулся понюшкой кокаина.

Фрэнки научился предусмотрительности. Это был высший класс — войти в кайф перед самой схваткой. Травка помогает, когда надо стать психом. А то все эти слезы, мольбы о пощаде... Не по себе становится, когда видишь, как здоровенный мужик превращается в тряпку. А кокаин — он прочищает мозги и успокаивает совесть. Если ты чуток сдвинутый — убийство доставляет наслаждение. В таком сумасшедшем мире он жил.

— Спокойно, Филли, — сказал Фрэнки. — Еще немного, и ты увидишь добычу.

Спустя полчаса улица опустела. Огни ночного клуба погасли. Лишь узкая полоска света виднелась в щели под боковой дверью. Пора. Фрэнки напрягнулся, словно кошка перед прыжком. Вставив полный магазин в свой девятимиллиметровый браунинг, он расправил плечи, как матадор перед боем.

— О'кей, Филли, — сказал он. — Подкати-ка к боковой двери.

Фрэнки внимательно осмотрел улицу. Четыре часа утра, ни одного прохожего.

— Идем вместе? — спросил Рэд.

Фрэнки покачал головой. Остаток наркотического похмелья все еще гулял в голове Рэда.

— Я же сказал: иду один. Вы считаете до пяти и тоже входите. Давай, давай, подтянись.

Фрэнки начал злиться на Рэда. Предупреждал ведь его: не увлекайся кокаином. Не доглядел, не проконтролировал. Так что пусть подождет на улице. Он обратился к Рэду:

— Когда я войду, ты считаешь: раз, два, три, четыре, пять — и тожеходишь. Усек?

Рэд улыбнулся, поднял пистолет с пола, заткнул за пояс.

— Знаешь, Фрэнки, я могу всадить прямо в яблочко. Хочешь?

Они проехали полпути, когда Фрэнки увидел их. В дверях лавки возле клуба стояли двое мужчин в кожаных куртках на молниях, джинсах и сапогах. Один был в ковбойской шляпе с пером. Он пил что-то из пластмассового стаканчика. Фрэнки быстро приказал Филли ехать мимо.

— Проедешь несколько кварталов, — сказал он, — и развернешься возле кинотеатра.

Медленно, без всякой паники Филли сделал то, что требовалось, и остановился у кинотеатра "Оушиана".

Потом Фрэнки скомандовал вернуться к клубу. Двое мужчин ушли, и Филли завел машину в проулок.

— Все, — сказал Фрэнки. — Сейчас мы его сделаем.

Он вышел из машины и поднялся на несколько ступенек, к боковому входу в клуб. Дверь была не заперта. Раньше она тоже не запиралась, и он не удивился. Однако, войдя внутрь, он сразу насторожился.

“Не может быть, — подумал он. — Это мне снится”.

Клуб был погружен во мрак, лишь маленькая лампочка освещала сцену. На краю светового пятна сидел возле фортепиано Ники. В черном костюме и белой водолазке, он был похож на священника. Ники заговорил в микрофон:

— Итак, палач прибыл.

Фрэнки выстрелил.

Пятно света исчезло. Позади раздались хлопки: ровно три. Пауза, затем снова: хлопок, хлопок, хлопок. Словно африканский тамтам заговорил в проулке. Лицом вниз он нырнул во мрак. Напряженно всматриваясь туда, где должна была быть сцена, быстро пополз вперед, раздвигая столики, роняя стулья. Он знал, что Рэд и Филли убиты. Глушителей у них не было, а единственным звуком со стороны проулка были эти две серии негромких хлопков. Он приподнялся на колено позади столика. В тот же миг яркий свет залил весь клуб.

“Боже милостивый, — подумал он. — Погиб. Меня кдали”. Фрэнки вытер лоб, затаил дыхание. Страх не было. Им овладело состояние героического безумия, которое творит из человека легенду. Отшвырнув стул в одну сторону, он нырнул в другую и оказался у столика на колесиках, заставленного бутылками водки “Гордонс”, коньяка “Хеннесси” и “Самбуккой”. Притаился. Ни звука вокруг.

После долгой, томительной паузы из динамика вновь зазвучал голос с сильным акцентом — голос Ники. Фрэнки зажмурил глаза, пытаясь сосредоточиться и угадать, откуда доносится этот голос. Ему удастся сделать один, может быть, два выстрела.

— Сраный ковбой! — заорал Ники. — Безмозглый ковбойский ублюдок!

Фрэнки хихикнул, приподнялся и сделал два выстрела. Бах! Бах! Нырнул за бар и снова хихикнул.

Вокруг началось какое-то движение, непонятный шум. Сколько людей было в клубе, определить было невозможно. По крайней мере, трое стояли метрах в шести от него. Он пригнулся еще ниже. Непонятно было, чего они ждут. Никто в него не стрелял.

— Я оставляю тебя в живых, ковбой. Вставай и брось оружие.

Все тот же русский. Только голос звучал со всех сторон. Фрэнки толкнул бар на колесиках и пополз к выходу.

Раздался приглушенный выстрел. Край стола над его головой разлетелся в щепки.

— Брось пистолет, ковбой, и вали домой.

— Хрена тебе! — ответил Фрэнки.

Это была безумная бравада, поскольку вслед за его ответом раздалось подряд три выстрела, и в стене бара, как раз над его головой, появились три дырки размером с монету.

Сдаваться он не собирался. Пусть сдается кто угодно, только не он, Фрэнки Муска. Хлоп! Хлоп! Хлоп! Он скорчился так, что голова оказалась чуть ли не между ног, колени уперлись в подбородок. Стрелок был умелым. Дырки от пуль аккуратно ложились вокруг. В ушах звенело, перед мысленным взором вспыхивали кошмарные картины. Братья Ипполито, цеплявшиеся друг за друга даже после того, как он их прикончил. Смердящая грудa мусора, где он закопал их. Неделями не мог он избавиться от этого запаха... Он услышал какой-то звук, совсем рядом, справа, но боялся шевельнуться. Ему казалось, если он сделает вдох, ему тут же разнесут голову. К тому же поза не позволяла отстреливаться. К этому он не был готов. Не был готов умереть. И тогда Фрэнки Муска отшвырнул пистолет и поднялся. Черт возьми, ему же всего двадцать четыре года, жизнь только начинается. В клубе снова была тишина. Он не успел сфокусировать взгляд и бестолково озирался по сторонам. Выйдя на открытое место, крикнул:

— Ну?! — И вдруг увидел бледное лицо Ла Стреги.

Он закрыл ладонями глаза.

“Я хочу въехать в преисподнюю на белом “эльдorado” и чтоб на плечах у меня сидела шикарная блондинка. Машина с откидным верхом, сиденья из красной кожи. И пусть Би-Джис поют “Оставаясь в живых” через систему Долби”, — вот что он сказал, когда Рэд спросил его, как бы он хотел умереть.

Фрэнки Муска заплакал. Ему было только двадцать четыре... Хлопок — и тело его свело судорогой, пальцы вцепились в лицо. Некого было позвать на помощь. Фрэнки всегда был одиночкой. И он просто закричал в никуда. Две пули из короткого “узи” сотрясали его грудь, разорвали сердце в куски. Он плашмя упал на спину, по-прежнему держась за лицо. По пути в преисподнюю его сопровождал облик убийцы — улыбающаяся физиономия Ла Стреги.

6

Полицейский детектив первого класса Александр Саймон увидел в дальнем конце бара Винни Эспозито по личке Ба-Ба и незаметно кивнул ему. Винни возмущенно отвернулся; Алекс опоздал.

В Нью-Йорке стоял собачий холод, похоже было, вот-вот пойдет снег. Перед уик-эндом на улицах царила суета. Алекс знал, что в отеле будет много народу, но не до такой же степени. Форменные джунгли.

Отель "Алгонкуин" — эlegantная реликвия Нью-Йорка, маленький заповедник традиций, где официанты-греки из всех сил стараются выглядеть истыми англичанами. Они стремительно обслуживают гостей, разнося ржин-тоник и "Джим Бим" обладателям вислых щек, венчающих солидные тройки с жилетами. Отличное место для встречи с осведомителем. Алекс и Винни встречались здесь уже несколько лет.

Публика через вестибюль шла в салон, но все диваны и кресла уже были заняты. Не найдя места, люди заглядывали в Голубой бар, но там тоже все было битком набито. В полумраке интимных светильников Алекс протиснулся к Винни.

— Ни хрена себе! На полчаса опоздал! — громко возмущился Винни.

Несколько человек обернулись в его сторону.

— Не на полчаса, а на пятнадцать минут. И не надо рвать, мы не на базаре.

Ведь предупреждал его тысячу раз: говори как можно короче, только по делу, привлекай поменьше внимания. Но Винни Ба-Ба не беспокоили подобные мелочи. Типичный уличный шаромыжник, которому осторожность казалась признаком слабости. Винни давным-давно обнаружил, что чем больше ты горлопанишь, тем больше на тебя обращают внимание. И еще: если смотреть человеку прямо в глаза, он сразу чувствует себя неловко.

— Ну что, придет этот твой деятель или нет? — спросил Винни серьезно.

— Придет, — тихо ответил Алекс и осторожно опустил карман его пальто ключ от комнаты. Винни нахмурился и кивнул головой, как крайне уставший человек.

— Послушай, — сказал он. — Ты же знаешь, я кроме себя ни с кем не веду разговоры. Зачем ты настаиваешь, чтобы этот кусок говна лез в наше дело?

Алекс вздохнул. Люди за соседними столиками ерзали на стульях и озирались, мечтая куда-нибудь пересестись, но деваться было некуда. Некоторые втягивали голову в плечи, отодвигаясь подальше от Винни. Винни Ба-Ба росом был менее шести футов, весил же 297 фунтов, и вид

его не располагал к себе. Сколько Алекс помнил Винни Ба-Ба Эспозито, тот всегда выглядел так, словно вот-вот оторвет кому-нибудь башку.

Алекс услышал знакомый голос и обернулся через плечо. У входа в бар стоял главный инспектор Росс, показывая подбородком на лифт.

— Этот, что ли, говнюк? — спросил Винни.

— Ну и выраженьица, — сказал кто-то. Послышался чей-то тяжелый вздох.

— Боже мой, — прошипел Алекс. — Это же главный инспектор департамента полиции. Повеселее ты не можешь?

— Хрен ему на рыло! — отчетливо произнес Винни Ба-Ба.

Мужчина в шестисотдолларовом сером костюме фирмы "Братья Брукс" уронил бокал с мартини. Алекс поспешил положить на стойку пятидолларовую бумажку и торопливо покинул бар.

Волосы Винни Ба-Ба Эспозито были светло-каштановые — почти блондин — со множеством мелких курдей. Можно было подумать, что он специально делал завитку. Нос приплюснут. Губы толстые. Глаза серые, но иногда казались голубыми. На руках — следы уколов, оставшиеся с юных лет, когда он увлекался наркотиками. Шей у него не было.

Ба-Ба был одним из лучших осведомителей и занимался этим только потому, что любил детектива Александра Саймона. Он не был гомосексуалистом, хотя порой! Алекса возникали на этот счет сомнения. От его преданности Алексу было не по себе. Ему часто хотелось узнать что у Винни на уме.

Винни был необыкновенно силен физически. В те времена, когда он торговал на улицах наркотиками, его называли гориллой. Ему ничего не стоило отобрать товар у других наркоманов. Однажды он на руках отнес чернокожую проститутку-наркоманку, перебравшую дозу, за девять кварталов от того места, где она свалилась, в "скорую помощь". Нес он ее как ребенка.

Спустя три недели, когда проститутка опять появилась на улице, зазывая клиентов за два плюс десять (два доллара за комнату и десять — ей!), Винни отобрал всю ее ночную выручку и обозвал ее сухой.

Стол и два стула были единственной мебелью в жилище Винни после смерти его вдовой матери. Все остальное он загнал, чтобы покупать "белую леди".

Как-то в выходной день Ба-Ба после хождения по улицам вернулся домой и обнаружил мать на полу в кухне. Она умерла от сердечного приступа. Два дня он пролежал

ядом с ней. Пятеро полицейских с трудом оттащили его т тупа.

Алекс познакомился с ним на оптовом мясном рынке, то расположен на Атлантик и Флэтбуш-авеню, вдоль железной дороги. Там висели туши по сотне килограммов есом. Ба-Ба подходил, снимал с крюка тушу и уходил, нося ее на плечах. Потом продавал ее окрестным мясникам за тридцать долларов. Этой суммы ему хватало на треннее "лечение".

Как-то утром двое патрульных полицейских, ливших офе с булочками, увидели, как они рассказывали впопедствии, светловолосого кудрявого монстра, который ер на себе полкоровы. Когда они подкатили к нему, Ба-а швырнул тушу в ветровое стекло полицейской машины нырнул в толпу.

Убежать ему вряд ли удалось бы, но тут дверца проезжавшего мимо "шевроле" открылась, сидевший в машине человек крикнул:

— Прыгай сюда! Быстро!

Ба-Ба так и сделал. Машина рванулась вперед, и Ба-Ба казал:

— Слушай, друг, не знаю даже, как тебя отблагодарить. Сука буду, ты мне жизнь спас.

И тут же, закрывая лицо руками, сполз с сиденья: водитель приставил к кудрям Винни дуло полицейского истолета 38-го калибра.

— В 76-й или в 78-й участок? Какой тебя больше страивает?

Так Винни Ба-Ба познакомился с детективом департамента разведки Александром Саймоном. То, что произошло между ними в тот день, надолго определило их отношения. Александр Саймон не стал арестовывать Винни. Вместо этого они договорились встретиться вечером ого же дня. Как агент сыска, Алекс всего лишь собирал информацию и передавал ее в другие отделы своего департамента. Становиться известным, засвечиваться ему не было никакого резона. Дверцу своей машины он отрыл, подчинившись мимолетному импульсу. Пуская Винни в автомобиль, он поступал безрассудно, что с ним лучалось довольно редко.

Есть среди полицейских большие охотники сажать людей в каталажку. Александр Саймон получал удовольствие от сбора информации. Ему чем-то понравился этот умасшедший гигант с кудрявой головой. И вот благодаря ому, что он однажды поверил инстинкту и помог Винни ба-Ба, он приобрел верного осведомителя, преданного му всей душой.

В вестибюле отеля "Алгонкуин" яблоку негде было пасть. В роскошной обстановке отеля с его ажурными

антикварными столиками и изящными диванчиками люди, подобные Винни Ба-Ба Эспозито, были исключительно редкими гостями. Естественно, все перед ним расступались.

В лифте их оказалось трое: он, Алекс и инспектор. Винни смотрел на инспектора, инспектор — на Алекса, а Алекс — на свои туфли.

— Я же тебе дал ключ от номера, — сказал Алекс. — Мож бы и подождать малость, а не лезть с нами в лифт.

Винни ничего не ответил. Он продолжал смотреть на инспектора.

— А чего это у вас в сумке? — спросил он.

— Кое-какие фотографии, — ответил инспектор. — Я покажу их тебе, когда будем в номере.

Номер оказался холодной и темной комнаткой с железной кроватью, тумбочкой и одним стулом.

— На этой койке я бы с бабой не поместился, — заметил Винни.

Алекс кивнул и тут же затряс головой, увидев, что Винни собирается сесть на кровать.

— Да-да, Винни, эта койка не для тебя.

Инспектор прислонился к стене возле тумбочки, а Винни плюхнулся всеми своими тремястами фунтами на стул.

— Так! А где бабы? — спросил он.

— Ну-ка, посмотри эти снимки, — сказал инспектор Росс и протянул Винни папку.

— Фрэнки Муска! — воскликнул Винни. — Ни фиги себе! И Рэд. А вот этого чувака я не знаю.

— Их нашли на набережной Кони-Айленда, в Демпси Дампстере, — сказал Алекс.

Винни с улыбкой разглядывал снимки убитых. Он вертел снимки так и сяк, раскладывал их на кровати. Заглянул в папку и немного разочаровался, не обнаружив в ней других снимков.

— Отлично выглядят, — сказал он с усмешкой.

Винни был близок к "семейству" Колумбо, хотя и не был его членом. Колумбо на протяжении ряда лет соперничали с кланом Малатесты. Время от времени между ними разыгрывались сражения, иногда длившиеся несколько недель. По всему городу, там и сям, попадались трупы. Потом наступало затишье. Алекс считал, что эти три трупы знаменовали собой начало нового раунда.

— Из твоего ответа можно понять, что ты не испытываешь симпатии к этим трем молодцам, верно? — спросил инспектор Росс.

— Точно, — ответил Винни.

— Ну и что, по-твоему, там случилось? — спросил Алекс.

— Откуда мне знать? Эти мудаки воюют ради тренировки. Тут, на снимке, два лучших снайпера. Эти суки и еще дядя Фрэнки, Матти, убивают людей так, словно подштанники меняют. — Винни засмеялся, разглядывая снимок Фрэнки Муски. — Хорош видик у засранца. Этот гад как-то убил семидесятилетнего старика-работягу. Потом двух внуков его уколошил, когда они пришли в клуб узнать — за что. Сонни и Майки Ипполито — сопляки, он их ухлопал за просто так. А вот это — Рэд, напарник Фрэнки по мокрым делам. Хорошую парочку шлепнули. Только я вам вот что скажу: какие они ни есть гады, а до дядьки Фрэнки им далеко. Вот уж этот — совсем психованный тип.

— Матти Муска, что ли? — спросил Алекс.

Винни кивнул.

— Скоро в цветочных магазинах Бруклина работенки прибавится, много надо будет венков да букетов. На вашем месте, братцы, я сейчас взял бы отпуск, а через месяцко вернулся, остатки доскребывать. С этими сволочами хлопот не оберешься. Так что пожалейте себя и отдыхайте.

— А ты не мог бы узнать, что там у них все-таки вышло? — спросил Алекс.

— Я-то? Запросто, — ответил Винни.

— Ты бы нам здорово помог, — сказал инспектор Росс. Он укладывал фотографии в папку.

После этого инспектор объяснил Винни, что дело поручено Алексу и ему нужна помощь, поскольку они хотят остановить войну до того, как она разыграется вовсю.

— Что мы можем для тебя сделать? — спросил инспектор.

— Дайте лицензию на пистолет.

— С ума спятил, — сказал Алекс.

— Ну хорошо. Хрен с ним, с пистолетом. Дайте хоть водительские права.

— Это можно, — сказал инспектор. Алекс взял папку с фотографиями. Винни давно уже просил у него права, только ничего из этого не получалось. И вдруг — на тебе. Или инспектор шутит?

— Точно дадите права? Без балды?

— Я сказал, значит — сделаю.

— У меня в жизни не было водительских прав. Слышал, Алекс? Босс говорит, что даст права. С моей фотокарточкой и прочей херней. Так я же тогда смогу такси себе купить. Хорошие башли зашибать буду, верно, Алекс?

— Верно, — сказал инспектор. — С твоей фотографией и прочей херней.

Потом, когда Винни Ба-Ба ушел, Алекс спросил у инспектора Росса, действительно ли тот собирается выдать

права. Инспектор лишь усмехнулся: неужто Алекс такой наивный?

Сорок пять минут спустя Александр Саймон припарковал машину напротив здания суда Восточного района Нью-Йорка. Здесь располагалась федеральная служба по борьбе с мафией. В ведении службы находились сотни дел по вымогательству, распространению порнографии и наркотиков, мошенничеству, наемным убийствам, организованной преступности на предприятиях. Алекс с большим уважением относился к этой ударной силе, но работать там не пожелал: слишком много там было агентов — целых двадцать два — и слишком много начальников, был даже один из Канады. Алекс предпочитал работать в одиночку.

Сегодня, в пятницу вечером, здание уже опустело, сотрудники разошлись по домам пораньше.

Александр Саймону было тридцать семь лет. Из них пятнадцать он работал в полиции и за все это время ни разу не надел униформы. Он не увлекался полицейскими аксессуарами, вроде дубинок, свистков, автомобиля с сиреной и мигающим маячком. По окончании полицейской академии Алекс был сразу направлен в разведку, там и началась его необычная карьера. Он был образованным человеком, получил ученую степень по американской литературе и успел повидать мир, учился в колледже в Лондоне. Для полиции он был поистине находкой.

Пятнадцать лет занимался он сбором информации по организованной преступности и стал в этой области специалистом. Свою информацию он передавал только инспектору Россу. Алекс создал свою систему подслушивания, с жучками и перехватом телефонных разговоров, но никогда в жизни никого не арестовал. Этим занималась группа исполнителей, которые действовали на основе его сведений. Ему ни разу не пришлось выступить на суде. В то же время Алекс мечтал хотя бы разок, до того как уйдет в отставку, громко заявить: "Вы арестованы!" Эта мысль и сейчас вызвала в нем волнение, когда он вышел из лифта на четвертом этаже и увидел поджидавшего его коллегу из ФБР, Тома Делани. Массивная фигура агента едва вмещалась в костюм-тройку. Он молча вручил Алексу папку с бумагами.

Делани всегда приходил на помощь по первому требованию. Завидев Алекса, он широко улыбался, дружески хлопал его по спине, ерошил пальцами свои коротко подстриженные волосы, и Алексу казалось, что этому человеку вообще неведомо чувство злобы.

Для Делани гораздо важнее была Малая Лига, чем сведения о том, как члены пяти семейств проводят

уик-энд. Для Алекса — наоборот. Но ему нравился этот человек.

— Ничего, — сказал Делани. — Представь себе — у нас нет ничего. Никаких данных, что семьи собираются воввать. Это была какая-то случайная перестрелка. Ни одна из семей не собирается предпринимать ничего против Малатесты. Даже самые психованные из них.

Бойцы мафии случайно не умирают. Алекс пока не мог понять, в чем тут дело, но чувствовал: произошло нечто экстраординарное. Чем больше он думал об этом, тем более ему становилось не по себе. Неужели он проморгал что-то важное? Сомнительно. В его руках были все данные об организованной преступности. Но даже при солидной поддержке Делани ухватиться было не за что.

— А ты знаешь, кто убил братьев Ипполито?

Делани почесал в затылке.

— Нет, — сказал он. — Точных данных у нас нет. Но подозреваю, что тут замешан Матти Муска.

— Вот как? Интересно.

— Что интересно?

— То, что ты этого не знаешь.

— А ты знаешь?

— Через денек-другой сообщу точно.

Следствие по делу об убийстве братьев Ипполито все еще продолжалось. По информации Винни Ба-Ба, стреляли Фрэнки Муска и Рэд. Как и Делани, Алекс считал, что организатором убийства был Матти. Братья Ипполито жили в Бруклине. Их убийство могло быть расплатой за какие-то старые долги.

— Так что — война?

Алекс пожал плечами.

— Надеюсь, война-таки будет, — сказал Делани. — Нам бы это пришлось очень кстати. Очистили бы столы. И досье стали бы тоненькими.

— Дай мне на время эту папку, — попросил Алекс.

— Бери. Там копии донесений, в общем, ничего существенного. Ты это все и так знаешь.

— Уж если на то пошло, я тебе подбрасывал куда более интересные штучки.

— Тогда обратись к другому, — сказал Делани.

— Возможно, я так и сделаю.

В прошлом они любили по-дружески подкалывать друг друга, и никто не обижался. Сейчас, однако, шутка не получилась.

— Короче, Том... Ты от меня ничего не скрыв?

Делани бросил на него неуверенный взгляд и довольно фальшиво улыбнулся.

— Я? От тебя? Господь с тобой, Алекс!

— Послушай, Том, брось эти игры, — сухо отрезал Алекс.

Делани заморгал.

— Который час? Восемь? Восемь тридцать? Я два часа тебя ждал. Два часа бесплатно подарил государству. Я — не ты, Алекс. Будь моя воля, я бы дал этой шпане возможность перебить друг друга до последнего. И объявил бы по всей стране выходной. Мне домой хочется, посмотреть телевизор с детишками. Тебе проще, твои детишки где-то на Лонг-Айленде, с отчимом. А ты вечером забиваешься в свою берлогу, которую называешь квартирой... Два десятка типов из досье, которое я тебе передал, нынче ночью будут смотреть шоу в Атлантик-сити... Короче, Алекс, все это туман и сплошная муть. И всем на все насрать с высокой колокольни.

— Только не мне.

— Верно. Поэтому мы и торчим тут с тобой, пока твои детишки смотрят "Остров фантазий" с чужим дядей, торговцем "тойотами".

— Не "тойотами", а "хондами", — поправил Алекс.

— Один хрен.

— Послушай, Том... Что происходит? Что ты несешь? К чему этот бред?

Делани внимательно посмотрел ему в глаза.

— Вот тут мы с тобой расходимся, Алекс. То, что делаешь ты, — это бред. А то, что говорю я, — реальность.

— Ты имеешь в виду "Остров фантазий", Малую Лигу и прочую херню? Ты это называешь реальностью? Что ж, если это реальность, то я выбираю туман и муть. Я хотя бы чувствую, что это туман, и чувствую, что жив.

Делани махнул рукой, повернулся и вышел. Алекс ощутил досаду. Что-то явно происходило не так, а что именно, он не мог понять. Глянул на часы: восемь тридцать. Подумал: что сейчас делают дети? Завтра, в субботу, он увидится с ними. Но утро субботы — самое подходящее время, чтобы добраться до Матти Муски. Ничего не поделаешь, надо работать. Но что, черт подери, стряслось с Делани? Он нажал кнопку лифта и засмеялся: пора было возвращаться в "берлогу".

— Ну, что у нас новенького? — спросил Винни Ба-Ба Вилли Делюка, по кличке Пиджейс, утром, на следующий день после встречи с Алексом Саймоном и инспектором. Пиджейс сидел на табуретке у входа в пиццерию своего дяди Нино на улице Суда в Южном Бруклине, ел моллюсков и читал утреннюю газету. Страницы были испещрены страшными снимками, которые Ба-Ба видел накануне вечером.

— Ничего картинки? — сказал Пиджейс, обсасывая моллюска.

— Ясное дело: вы взяли реванш, — сказал Ба-Ба, присвистнув. Он поводил пальцем по газетной странице в поисках имени третьего человека, который был вместе с Фрэнки Муска и Рэдом.

— А вот тебе я сколько раз говорил: хоть ты всем и нравишься, но в голове у тебя фуфло. Наркотик насовсем никогда не уходит. Он разрушает эти, как их... ткани и все такое прочее в мозгах.

— Заткнись, балда. Сидит тут, чавкает на морозе. Тоже мне — умник. Если это не твой дядя Нино шлепнул тех чуваков, то жаль.

Пиджейс молча обсосал очередную ракушку, которую извлек из ведерка со льдом.

— У нас все давно с Ипполито улажено, — сказал он наконец. — Мы к этому никакого отношения не имеем. Дядя говорит, это русские сделали.

— Правда? — сказал Винни.

— Факт. Эти чуваки уже несколько дней назад убиты. Старые новости...

— Русские? — крикнул Алекс в телефонную трубку. — Какие русские?

— Не знаю, но, может, узнаю, если встречу с племянником Нино Бальзамо.

— Отлично, Винни. Узнай обязательно!

— Узнай, узнай... Вечно одно и то же. А у меня, может, свои дела есть. Я премий не получаю, как ты. Кстати, как там насчет моих водительских прав?

Алекс помолчал, потом тяжело вздохнул.

— Ну вот! Видал? — возмутился Винни. — Тебе на меня начхать. Инспектор Росс повнимательнее. Он-то мне выдаст права. А ты небось обо мне и не заикнулся, верно? Сколько я тебя просил. А ты даже не слушаешь...

— Да нет, Винни, слушаю, — сказал наконец Алекс. — Обещаю тебе, что займусь этим делом.

— Ну ладно, — сказал Винни тихо. — Ты сегодня отдыхаешь?

— Не знаю. Мне бы детишек своих повидать, а у меня денег нет.

— Брось! Детишки тебя без денег поймут. Они же скучают по тебе, Алекс. Поезжай, повидай их. Да потеплее оденься, на улице холодно.

— Винни, ты уж постарайся узнать, что там за русские, хорошо?

— Ладно. Будет сделано. Пойду работать.

Ученая степень по литературе ни в коей мере не помо-

гала Алексу в его работе. Он закончил университет настолько успешно, что вполне мог бы найти работу преподавателя английского языка. Но эту работу он ненавидел. За один год он пришел к выводу, что студентов куда приятнее арестовывать, чем учить. Как преподаватель, он не попал во Вьетнам. Кто-то, его ровесник, отправился туда вместо него. Он часто думал о том человеке, пытался представить себе, кто он, вернулся ли назад целым и невредимым.

Алекс вспомнил тот день, когда Марша не пожелала удостоить его даже взглядом. Это было воскресным утром. Он вышел купить кое-что к чаю, а также "Нью-Йорк таймс" и "Дейли ньюс"...

Когда он вернулся, кофе и чая не было, мальчики еще не встали, а Марша сидела в красном халате, который родители подарили ей ко дню рождения. Сидела она на кухне, где обычно не любила проводить время. Алекс выложил продукты на стол, поставил на плиту кофеварку, и тут Марша сказала: "Я подаю на развод. Хочу выйти замуж за Сая Олвейсса".

— Но он же твой двоюродный брат! — крикнул Алекс.

— Троюродный. Так что все законно. К тому же он владелец конторы "Хонда" на Северном бульваре.

— Это не его контора, Марша. Он делит бизнес с отцом и двумя дядьями.

— Тьфу! Ненавижу, когда ты начинаешь нести чушь. Словно только ты один что-то из себя представляешь.

Он намазывал маслом крекеры, стоя у стола, и думал: ну и черт с ней, пропади она пропадом. Марша же пристально, словно загипнотизированная, смотрела в одну точку. Он спросил ее: она окончательно это решила?

— Алекс, — сказала она. — Меня угнетает сама мысль о том, что интеллигентный человек, профессор литературы, за которого я вышла замуж, забыл свои мечты и стал шившим полицейским. Не могу я думать об этом. Хватит.

— Я не был профессором, Марша. Я был всего лишь преподавателем английского и терпеть не мог свою работу. Это была твоя мечта, а не моя. Я очень старался, но эти кровопийцы-студенты мне душу вынули... — Он не верил в свою удачу: кажется, она в самом деле хотела развестись. Наклонившись, он прошептал ей в самое ухо: — У Сая Олвейсса походка, как у утки, а задница, как у жабы. Значит, ты разводишься со мной, чтобы выйти замуж за жабозадаго Олвейсса? Я просто не могу поверить.

— Придется, Алекс, поверить. Сегодня вечером он придет к нам. И будет в выходные дни дома. Мне не надо будет просиживать целыми днями, ломая голову, почему от твоей сорочки и от ширинки пахнет дешевыми духами.

— Ты что, Марша, нюхала мою ширинку? Да ты просто

больна. Какая гадость! А как насчет сыновей? Насчет Джоша и Дэвида? Ты думаешь, Лягушачья Задница сумеет их воспитать?

— Не волнуйся, ты будешь их посещать. Мы будем жить недалеко — на Рослин Хайтс.

— Ты так враждебно говоришь со мной, Марша. Даже не верится. Я сам не заметил, как ты стала такой.

— Послушай, Алекс, ну скажи мне: как тебя угораздило стать полицейским?

— Потому что полицейские рассказывают классные истории, Марша. Ты просто никогда их не слушала.

— Ничего классного я тут не вижу, Алекс... Попробуй пережить это как мужчина, которого я когда-то в тебе видела.

Алекс помнил, каких усилий ему стоило не рассмеяться. Потом его мысли вернулись к русским и Делани. Он старался не вспоминать Джоша, Дэвида и Лягушачью Задницу.

7

— Всем известно, что Майкл Бернс обожает полицейских, верно, Алекс? Майкл Бернс — это я, помощник прокурора округа Куинз. Я — лучший друг полиции и горжусь этим. На прошлой неделе я выступал на завтраке, который наше ведомство устроило для своих сотрудников. Ты, кстати, там был?

Алекс отрицательно покачал головой.

— Ну да, это я глупость сказал. Тебя, конечно, там быть не могло. У вас ведь нет сплоченного коллектива, верно?

Алекс вновь молча покачал головой. От одного вида Бернса Алекса начинало клонить в сон.

— Я, наверное, никогда больше не получу приглашения на торжественный завтрак.

Бернс пожал плечами и улыбнулся.

— Чем я могу быть тебе полезен? Хотя постой. Попробую сам угадать. Чей-нибудь телефон собирался прослушивать? Верно?

— Точно.

— Чей?

— Одной женщины. Линн Бэкман. Она любовница Мэтью, Матти Муски.

— Он что — живет у нее?

— Нет.

— А телефон на нее записан?

— Да.

— И ты думаешь, он по этому телефону ведет деловые разговоры?

— Свой телефон он для таких разговоров не использует. Я проверял. Ни одного звонка в Нью-Йорк, а живет он в Нью-Джерси.

— Ты разве прежде его не прослушивал?

— Было дело, год назад. Я тогда прослушивал Клуб Общения Братьев. Но они вырвали телефон из стены с потрохами.

— А чем Муска занимается?

— Чем угодно. Наркотики, захват заложников, вымогательство, убийства. Мэтью Муска — крупная фигура в системе мафии.

— Верно. Но он живет не здесь, Алекс. И телефон — не его.

Алекс тяжело вздохнул. "Черт бы тебя подрал, жопа с ручкой", — подумал он. Весь уик-энд приходится от кого-то зависеть. Он скрежетал зубами от бессильной злости.

Хотя в эту субботу ему очень хотелось добраться до Матти Муски, он все же решил, что Джошу и Дэвиду обязательно нужно с ним сегодня повидаться. Точнее, жаждал увидеть их он, но, как назло, оказался в полосе безденежья, а мальчики ожидали от него по крайней мере ужина и каких-нибудь развлечений. И все равно это был его уик-энд... И он поехал к ним, в шикарный квартал, на своем потрепанном "шевроле", у которого сломался обогреватель.

Когда он позвонил в квартиру Лягушачьей Задницы, Марша, не открывая, прокричала ему, что мальчики отравились на морской парад. Она напомнила ему, что он пропустил целых два уик-энда, а поскольку он не звонил, она думала, он и на сей раз не пожалует.

Он уселся в машину и углубился в книгу "Последний выход в Бруклин". Ждать пришлось шесть часов. Когда приехали мальчики с Лягушачьей Задницей, он пригрозил, что оторвет ему голову. Тот с воплями помчался к Марше, требуя, чтобы она вызвала полицию. Алекс поехал с мальчиками в китайский ресторан, однако сцена взволновала Джоша и его стошнило прямо на официантку.

Когда они вернулись, Лягушачья Задница, Марша и двое полицейских ждали его в квартире. Снова вопли, и снова Джоша вырвало.

Приехав домой, он обнаружил записку от Винни. Его и Лиджейса арестовали за оскорбление полиции. Пришлось потратить целое воскресенье, чтобы вызволить его из-за решетки...

— Алекс, я, как обещал, зачитаю тебе последний указ шефа.

— Слушай, Майкл, не надо. Скажи коротко, в чем там дело.

— Ладно. Наша контора больше не будет давать разрешения на прослушивание телефонов, если мы не уверены точно, что это на пользу делу.

— То есть как?! — возмутился Алекс.

— А так. Никаких разрешений, пока нет уверенности, что дело результативное.

— Ты что, смеешься? Как я могу знать, результативно дело или нет, пока не прослушаю телефон?

— Это уж твоя забота.

— В прошлом году я дал пятьдесят заявок, и все были удовлетворены.

— Тем более, старина. Ты свое получил с лихвой. А из пятидесяти случаев тридцать пять оказались пустым номером. Только пятнадцать закончились арестом, но десять из них нельзя было использовать до суда. Так что всего пять железных результатов с тюремным заключением. Все. Больше разрешений не будет. Понял, Алекс? Больше никаких пустышек!

— Значит, разрешения не даешь?

— Нет. Пока не докажешь, что Муска ведет по этому телефону деловые разговоры. И не злись, я тут ни при чем. Распоряжение шефа.

— Скажи только, как мне узнать, что он обсуждает по телефону, если я не могу его подслушать?

— Сам думай. Ты парень головастый.

Когда Алекс поднимался из кресла, Бернс подмигнул ему с подловатым видом. Алекс подумал: до чего же бесполезное существо этот Майкл Бернс. Потом улыбнулся, кивнул и вышел из комнаты.

Всего пять секунд потребовалось Александру Саймону, чтобы обдумать моральные и юридические последствия того, что он задумал. Потом он заглянул в свой чемоданчик. Проверил, все ли на месте. Магнитофон, инструменты, телефонный провод. Ключи от подвала он вернет консьержу, как только удостоверится, что жучки, которые он приладит, работают. Вернет и ключ от парадного.

Алекс улыбался, шагая по бульвару и глядя на свое отражение в витринах. Было три часа ночи.

Одетый в униформу Эдисона, он был один и на улице, и в вестибюле дома. Наверняка и в подвале он будет один. Ключи подошли сразу. Он направился прямо к двери в подвал. Открыв ее, спустился на один пролет и оказался в большом помещении, забитом велосипедами и старыми холодильниками. Отсюда коридор вел к прачеч-

ной и котельной. Телефонный щит находился на стене возле прачечной. Это был большой серый металлический ящик, как обычно, незапертый. Алекс открыл передний щиток: пары были четко маркированы. Нашел квартиру 7Б, отметил ее, приклеив кусочек пластыря. Внутри ящика телефонные провода были оголены. На выходе из ящика цвет изоляции каждого провода был четко виден. Телефонные компании обычно пользуются каждая своим цветом. Наметанный глаз Алекса сразу засек белый провод, выходящий из ящика. Он проследил его до места, где изоляция была счищена. Оголенную часть он проследил до зажимов. Под зажимами была метка: "7Б".

— Ч-черт! — невольно воскликнул Алекс и сам испугался гулкому эху, которое прокатилось по подвалу.

Он продолжил осмотр. Провода уходили в кабель, потом снова отделялись от него. Под углом девяносто градусов они сворачивали к потолку, там шли по всей длине комнаты, к окнам, и уходили сквозь раму наружу.

Позади дома Алекс воспользовался фонариком, чтобы проследить дальнейший путь проводов. Они шли наверх, к крыше.

Поднимаясь в лифте, он думал: кому еще понадобилось прослушивать этот телефон? ФБР это ни к чему: у них свои подслушивающие линии на телефонных станциях, им можно действовать, не вставая из-за стола. Нет, этот провод — не ФБР. Использование провода другого цвета, чем в телефонной компании, выдавало любителя. А в ФБР работали профессионалы.

На крыше неведомый монтер подсоединил провод к кабелю телевизионной антенны. Оттуда провод был переброшен к соседнему зданию, там спускался на два этажа и входил в окно квартиры. Алекс стоял на крыше. Глянул на часы: через три часа он сможет поговорить с консьержем. Пока он — единственный человек на крыше во всем районе Куинз, и ему хочется по малой нужде. "Весь мир — сортир", — подумал он и помочился прямо на белый провод. Какой еще сукин сын вздумал лезть в его дело?

В автомобиле он завернулся в одеяло и поставил будильник наручных часов на семь утра...

— Да, я обслуживаю оба здания, — сказал Джимми Мелина, аргентинец, который прекрасно понимал, что каждый сверчок должен знать свой шесток.

Два дня назад Алекс, показав ему бляху и удостоверение, сказал, что занимается сверхсекретным делом, в которое замешаны коммунистические диверсанты, религиозные фанатики и совратители малолетних — педофилы, которые тайно встречаются в этом доме. Он сообщил Джимми, что пока не может назвать ему подозреваемых,

но делает это за день до их ареста. Джимми поморгал и ответил, что знает, о ком идет речь; ему всегда были противны эти кубинские ублюдки с шестого этажа. Ходят в белом, крестятся, когда встречают его. Алекс пожал плечами, улыбнулся и дал Джимми бутылку хорошего темного рома. Тот вручил ему ключи от здания.

— Кроме того, у тебя есть новые жильцы на четвертом этаже, в соседнем доме, — тихо подсказал ему Алекс, выразив полное одобрение его патриотизму и бдительности.

— Угу, — согласился Джимми, ничуть не удивленный осведомленностью Алекса: как-никак — тайный агент. — Там пара молодоженов-американцев поселилась. Уплатили за три месяца вперед.

— Не американцы они, а болгары, — возразил Алекс. — Болгары пытались убить папу римского. У них самые лучшие в мире школы по изучению языков, любого с толку собьют.

— Самого папу? — сказал Джимми.

Алекс кивнул.

— А выглядят как стопроцентные американцы.

— В этом они, мой друг, мастера.

Джимми сунул ключ в скважину, повернул, но дверь не открылась.

— Поганые болгары, — сказал он с досадой. — Не иначе как замок поменяли.

Минут пятнадцать Алекс работал с помощью отмычек. Владел он ими неважно. Целый месяц учился у слесаря в Бруклине и некоторые запоры насобачился открывать, но только не такие, с засовом внутри. Он улыбнулся Джимми, тот ответил улыбкой, наблюдая за его манипуляциями, как за сложной операцией на мозге. После очередной попытки засов наконец поддался, и, когда щелкнул замок двери, Джимми заплотировал, Алекс уверенно улыбался — они стали вроде бы компаньонами.

Алекс сразу прошел в дальнюю спальню, Джимми остался ждать в передней. Проследив, куда вел белый проводок из окна, Алекс раскрыл свой чемоданчик. Потом сказал Джимми, чтобы тот спустился в вестибюль и позвонил ему, если вдруг появятся хозяева квартиры. Вмонтировать в электрическую розетку микрофон с подслушивающим устройством большого труда не составило. Закончив дело, он аккуратно сложил инструменты, вышел из квартиры, закрыв за собой дверь. Снова пришлось возиться с засовом, который никак не хотел задвигаться на место. В квартире зазвенел сигнальный звонок. Алекс быстро взбежал по лестнице вверх. Добрался до чердачной площадки, вышел на крышу. Здесь у него тоже были дела.

Подсматривать, кто вошел в квартиру, не было нужды: скоро он это и так узнает.

Среди проводов, подключенных к телевизионной антенне, он сразу нашел белый провод. Очистив от изоляции один дюйм, прикрепил к нему жучок перехвата. Это маленькое устройство работало от батарейки на девять вольт, которую следовало менять раз в три дня. Передатчик в комнате питался от сети и мог служить, если не обнаружат, до второго пришествия. Закрепив жучок, Алекс подумал, что только дурак его не заметит. Но, с другой стороны, кто будет сюда залезать и разглядывать провода? Закончив работу, он перебрался на крышу дома, где жила Линн Бэкман, любовница Матти. Через чердак спустился в вестибюль, где сидел Джимми и читал газету "Ла Пренса".

— Это баба пришла, болгарка, — зашептал Джимми. — Даже не поздоровалась, стерва.

— Да, эти террористы — ужасно невоспитанные люди, особенно болгарские, — ответил Алекс. Он поблагодарил Джимми за патриотическую помощь и пообещал вскоре навестить его снова.

Из бардачка в своем "шевроле" Алекс извлек два радиоприемника с ультракоротковолновым диапазоном... Один был настроен, чтобы принимать лишь передачи от подслушивающего устройства в спальне. В этом жучке он не сомневался, а вот на проводе, если он слабо его закрепил, могут быть помехи. Включив приемник, он настроил его на отметку между 110 и 108. Послышался женский голос:

— Я скажу, чтобы он позвонил тебе.

— А то мне уже пора, — ответил мягкий, почти нежный мужской голос.

— Перезвони минут через десять. Попытаюсь его найти.

Разговор прекратился, послышалось пощелкивание набираемых цифр, гудки; кто-то поднял трубку.

— Алло!

— Ну? Что скажешь?

— Слушай, Поли хочет поговорить с тобой.

— Ладно. Он дома?

— Дома.

— Сейчас.

— Давай, а то через десять минут он мне позвонит. Если ты не позвонишь, то я скажу хотя бы, где ты?

— Нет. Я уже набираю.

— Тогда пока.

— Пока, киса.

Трубка легла на рычаг.

"Домашние дела", — подумал Алекс и мысленно по-

радовался: жучок работал отлично, запись шла на магнитофон. Однако весь день торчать тут невозможно. Он подсоединил радио к самовключающемуся от голоса магнитофону "Сони". Едва он поставил магнитофон в автоматический режим, как кассета закрутилась. Он усилил громкость; послышалась рок-музыка, на ее фоне щелчки телефонного диска. И — голос Матти, громкий, отчетливый:

— О! Этого говна мне не хватало!

— Матти! — невольно воскликнул Алекс. Где его черти носили? Две минуты назад Линн ему звонила. Видно, там еще одна квартира! Скорей всего на том же этаже, совсем рядом.

Поднята трубка.

— Алло, алло!

— Сделай потише эту гадость! — крикнул Матти.

— Алло, алло! — повторил голос на другом конце провода.

— Кто это?!

— Матти, ты, что ли?

— Да, да!

— Скажи ему, что Энтони хочет забрать свой пакет.

— Что там у тебя? Почему тяжело так дышишь?

— Ничего... это... Послушай, скажи Джонни, чтоб он позвонил Энтони.

— Ага.

— Ты слышишь?

— Когда мы увидимся?

— Зачем?

— Просто так.

— Ладно, попозже.

Подключив второй приемник к другому магнитофону, Алекс расположил все это снова в бардачке. Жучок работает отлично; радиопередатчик на крыше транслирует разговоры прямо в машину. Передатчик в квартире подключен к сети и дает мощный сигнал. Магнитофон, включаясь от звука, записывает все разговоры в комнате. Плохо лишь, что сигнал должен преодолевать стены. Алекс не знал, каков будет прием, пока в комнате не появится кто-то еще, помимо женщины.

Он ощутил радостное возбуждение, чувство, которое не смог бы описать словами. Надо взять в конторе другой автомобиль. В подземке недалеко от него оказались два парня, они громко сквернословили и задирали пассажиров. Он неодобрительно посмотрел на них. Один из них, поймав его взгляд, зарычал и двинулся к нему. Алекс сунул руку в карман и слегка вытащил рукоятку пистолета, так, чтобы парень мог увидеть ее.

Поезд остановился на Куин Плаза, двери раздвинулись, и оба парня стремительно выскочили из вагона.

Алекс подумал о Марше, о преподавании в школе, и вдруг его разобрал смех. Он сдавленно хохотал, не в силах сдержаться. Люди опасливо отодвигались от него. Он погладил рукоятку пистолета в кармане. Сейчас Александр Саймон чувствовал себя суперменом.

8

В поисках Пиджейса Винни обошел три клуба и два бара. На улице Суда он увидел Тото Делюка, брата Пиджейса, и окликнул его:

— Тото! Эй, Тото! Не видал своего брательника?

Тото ткнул пальцем, словно пистолетом, в сторону Клуба Веселых Ребят.

Винни вошел в клуб и встал на пороге. Он стоял так, словно ему было начхать на присутствующих, на все, что там происходит. Стоял с видом человека, которому крепко подгадили, хотя на самом деле ничего подобного не испытывал. Но вид у него был устрашающий. Что-что, а ярость Винни Ба-Ба Эспозито умел изобразить.

— Пиджейс! Вот он! — крикнул Джон Криспо по кличке Длинный.

Пиджейс вскочил, бросился в туалет и заперся там. Винни, взяв стул, уселся прямо напротив двери в уборную. Длинный поинтересовался, не желает ли он кофе. Винни сидел как монумент, не спуская глаз с двери. Наконец он произнес:

— Ладно, не томи, Пиджейс! Выходи, получи по морде и давай кончать с этим.

— Пошел к черту, Винни! Я ничего такого не сделал! — послышался жалобный голос Пиджейса из-за двери.

— Я выходные провел среди всякой срани и блевотины. Сам, падла, на поруки ушел, а меня бросил? Сука ты, вот ты кто, понял?

— Засранец, — ответил Пиджейс, и Винни невольно рассмеялся, услышав его голос. — Меня дядя оттуда вызволил. Я за тебя тоже просил, падла буду! Дай мне выйти спокойно.

— Слушай, Пиджейс, сколько тебе повторять? Все равно ведь придется выйти. Не будь бабой!

— Бить будешь? — жалобно спросил Пиджейс.

— Ну, пару раз, может, врежу. Ты как считаешь, Длинный? Заработал хмырь пару оплеух, а?

Джон Криспо пожал плечами:

— Хрен его знает. Это ваши дела. Мне за хлебом на-

до, а то мамаша наkostenяет. — Джон Криспо встал и направился к двери. С порога крикнул: — Пока, Пиджейс!

Спустя некоторое время Пиджейс вышел из уборной. Винни прижал его к стене.

— Я тебя пожалею, сука. Меня втянули в чужое дело, я попал в каталажку, а ты меня там бросаешь. Морду бы тебе расколошматить. Так и быть, дам тебе разок, и будем считать, что квиты.

— Ладно, — уныло согласился Пиджейс. Винни ударил его с такой силой, что старички, коротавшие за картишками дни, оставшиеся до смерти, под обсиженным мухами видом Неаполя, дружно обернулись в их сторону. Один крикнул:

— Эй!

— Чево "эй"?! — рявкнул Винни. — Занимайся своим делом. А у меня с Пиджейсом разговор!

— Эй! — снова крикнул старик. Винни обернулся и сжался, узнав папашу Бальзамо, дядю Пиджейса, из "семьи". — Балда, — сказал старик. — Снаружи играйте в ваши игры. Мешаете нам, понял? Это я вызволил племянника из-за решетки. А вот ты, мистер, сам скажи, кто тебя взял на поруки.

— Меня? За мной тетка пришла, — ответил Винни. Он питал почтение, смешанное со страхом, перед любым мафиозо, будь то хоть дряхлая развалина с полиартритом. Старый Бальзамо улыбнулся и вернулся к своей картежной игре.

— Я, как только домой пришел, — зашептал Пиджейс, — сразу забрал чековую книжку и побежал туда, а тебя там уже нет.

Винни теперь чувствовал себя не так уверенно, и это приободрило Пиджейса. Он с улыбкой обернулся к дяде и сказал громко, чтобы все слышали:

— Тебя можно вполне похвалить, Винни, за помощь, что ты мне оказал.

— За что? — спросил Винни.

— Люди знают, что ты сделал.

— Ну спасибо.

— Поверь, Винни, народ за тобой наблюдает. Они не прочь еще разок испытать тебя в деле. Ты ведь хочешь остаться в клубе? Хочешь стать своим человеком?

Когда-то он мечтал стать членом "семьи", но возможность была упущена. Это мужичье могло только использовать его, а потом выбросить псам. Кнопка — фигура серьезная, да только он не хочет служить другим кнопкой. Он сам о себе как-нибудь позаботится: можно жить и на мелочевке. А попадет за решетку, даст знать Алексу. Когда-нибудь ему подфартит, и он купит автомобиль, станет бизнесменом. Получит свою чековую книжку. А сей-

час нужно разузнать насчет русских. Вот только не знал он, как к этому подступиться.

Винни нравилось, когда Алекс улыбался, хлопал его по спине и называл его своим партнером.

— Видать, Фрэнки Муска достукался, — сказал Винни старому Бальзамо.

— Его надо было утопить в море, когда он родился, — сказал Бальзамо, перебирая карты в руке. — Пес бешеный.

— Точно, бешеная собака, — поддержал Пиджейс, кивая головой и потирая щеку.

— На этот раз он не на тех напоролся, — поспешил добавить Винни.

Бальзамо пожал плечами.

— Да, а его дядя... — начал было Пиджейс.

— Да черт с ними, с этими чокнутыми евреями с Кони-Айленда. Ты-то чего ими интересуешься? — спросил Бальзамо раздраженно. Винни занервничал.

— Просто так. Я немного знал Фрэнки. Он говно, конечно.

— Угу. Был говном, ты хочешь сказать?

— Ну да! — Винни засмеялся. — Говно и попало куда следует.

Винни снова попытался изобразить улыбку, но не получилось. Старик посмотрел на него долгим тяжелым взглядом, медленно покачал головой.

— Ну, ладно, мне пора, — сказал Винни. Он хлопнул Пиджейса по плечу: — Смотри, в следующий раз выбирай чувака, который мусоров звать не будет. А мне еще надо узнать, будет фрайер дело заводить или нет.

— Не будет, — сказал Бальзамо, и Винни поверил ему.

Выходя на улицу, Винни спиной чувствовал пристальный взгляд старика. "Старый пес", — подумал он.

В клубе Бальзамо взял Пиджейса одной рукой за грудки.

— Чую я крысу в этом жирном фрайере, — прошипел он. — Держись от него подальше, понял? Мало тебе других людей? Чтoб я этого сукина сына здесь больше не видел! Слишком много вопросов задает насчет того, что его не касается... Ты слушаешь меня?

— Слишком много вопросов задает, — повторил Пиджейс. — Любопытный, сука.

...Винни купил кусок пиццы и направился в дальний конец авеню, к телефону-автомату на Юнион-стрит. Евреи из России в Кони-Айленде пришили Фрэнки Муску. Он хихикнул, вспомнив снимки, которые показали ему инспектор Росс и Алекс. Три чувака в одном мусорном ящике.

Русские из Кони-Айленда шлепнули Фрэнки Муску.

Бери русских, вот что он скажет Алексу. То-то Алекс будет смеяться. Винни любил Алекса, ему хотелось каждый день встречаться и говорить с ним. Алекс внушал ему чувство безопасности.

Рука Винни дрожала, когда он совал монетку в автомат.

— Эй, балда! — услышал он за спиной. — Иди-ка сюда, мне надо с тобой потолковать.

Бальзамо стоял, прислонившись к стене дома, и курил свою вонючую сигару. Она выглядела как черная змея, пытающаяся выползти изо рта. На щеках Бальзамо играл нездоровый румянец, его длинные лошадиные зубы были покрыты темным налетом. Сделав вид, что польщен вниманием старика, Винни повесил трубку и подошел к нему.

— Чем могу служить? — спросил он.

— Как ты смотришь насчет небольшого заработка?

Винни пожал плечами.

— Нужны тебе башли или нет? — снова спросил Бальзамо.

— Пожалуй, нужны, — сказал Винни, стараясь изобразить энтузиазм.

— Машина есть?

— Нету.

— Ничего, Юниор тебя отвезет.

— А что нужно сделать?

— Неважно. Юниор тебе по дороге скажет.

— По дороге куда?

— Неважно.

Винни чувствовал, что его хотят наколоть. Осторожненько, но наколоть. Согласиться или отвертеться под каким-нибудь предлогом? Надо крепко подумать, как самому наколоть этого старого хорька с коричневыми зубами.

Бальзамо поднял пятерню.

— Пять, — сказал он, — устроит? Пять сотен, чтоб ты был доволен. Докажи мне, что ты не болван.

Винни засмеялся.

— Да я не болван вовсе.

— Юниор тебя подберет здесь через пару минут.

Бальзамо повернулся и пошел прочь, сильно прихрамывая. Говорили, это была старая рана — полицейская пуля, полученная лет тридцать—сорок назад. А Пиджейс говорил, что он притворяется. Винни больше верил Пиджейсу.

От Винни пахло потом. Когда он нервничал или боялся, его всегда прошибал пот, как лошадь на скачках. Зато в такие моменты он становился очень осторожным. Он вытер нос рукавом, пошмыгал. Как-нибудь после он не побоится отшить старого Бальзамо, скажет ему, чтобы

отваливал. Я, мол, занят, и все, надо кое-кого повидать, башли делать. Вали, мол, отсюда, старая вешалка, не отнимай время. Винни подтянул штаны и стал ждать Юниора.

Когда тот подкатил, он влез в машину. Сделал вид, что все это его забавляет: с чего это от него скрывают, за что он получит пятьсот долларов?

— Кого пришить? — спросил он шутя.

— Пришить? Ты что мелешь? Мы никого не пришиваем. Просто сядешь в трейлер и отгонишь его на Стейтен Айленд. Грузовик умеешь водить? Я видел, ты сидел в грузовике за рулем. Верно?

— А что за грузовик? — спросил Винни, уверенный, что ему приготовили подвох. Теперь надо было вынырнуть целым и невредимым. Эта публика считает себя шибко умной. Ясно, у них горит грузовик. А кругом, как пить дать, мусора в засаде. "Эти хитрожопые своего человека не посылают, меня хотят использовать, — подумал он, — меня, болвана. Ну, посмотрим, кто из нас самый умный".

Винни сделал вид, что чувствует себя превосходно, знает, на что идет. В дальнем конце Ред Хука он увидел восемнадцатисную махину. Юниор сунул ему ключ и сказал, что вывести трейлер надо из Ред Хука через Гамильтон-авеню. Там был выезд на скоростную магистраль, на выезде его будут ждать Тото и Бальзамо. Он поедет за ними на Стейтен Айленд. В конце Тото расплатится с ним — только и всего.

На Винни произвела впечатление артистичность, с какой Юниор его охмурял. Он внимательно вслушивался и не мог уловить подвоха. Видимо, попал-таки в историю. Добраться бы до телефона. Ах, до чего сейчас нужен Алекс! Но Юниор не выпустит его из поля зрения.

— Слышь, Юниор, — обратился к нему Винни. — Когда Бальзамо поймал меня на улице, я как раз собирался позвонить своей девчонке. Понимаешь, договорились встретиться через час. Она будет ждать меня там, на углу. Мы в кино собирались.

— Не проблема. Скажи мне ее телефон, я позвоню.

Винни хохотнул и хлопнул Юниора по спине.

— Ну, ты, бля, хитрожопый чувак! Ты и в кино, может, с ней сходишь, а? Пока я съезжу на Стейтен Айленд... Фигу тебе, а не телефон. У нее муж есть. У нас с ней своя система. Я звоню ей, она мне, потом мы встречаемся. Шахер-махер, понял? Если она узнает, что я кому-то проболтался, она взбесится.

— Она взбесится, если будет ждать там понапрасну. Как ни кинь, а беситься ей придется, потому что звонить ты никому не будешь.

— Нет. Я ей позвоню, Юниор. Хочешь сказать Бальзамо — валай.

— Винни, у нас уговор: ты поведешь машину. Если хоть раз остановишься, уговор не действует. Нарушишь уговор — я пришью тебя. — Из рта Юниора несло горячим смрадом, сдобренным чесночным запахом; слова его были остры как бритва.

Винни ухмыльнулся, вылез из машины и пошел к трейлеру. Подумал: не драпануть ли? Но тут и домов-то вокруг не было, и никаких проулков. Громадный трейлер стоял возле детской площадки, которая не использовалась годами. Качели сорваны, скамеек нет. Стена строения исписана черт-те чем. В крыше — дыра. В этой части Бруклина вся рухлядь подлежала сожжению.

В то же время засада могла укрыться тут запросто, подумал Винни. Сколько угодно легавых могли поджидать его, дурака, и сцапать вместе с грузовиком, полным бог знает чего.

Он дернул дверцу грузовика-тягача. Она была заперта. Тогда он повернулся и направился к небольшому кирпичному строению с дырой в крыше. В нос ударил смрад, плотный, почти осязаемый. Мальчишкой Винни Эспозито не раз бывал в загаженных местах, но это побило все рекорды. Год, если не больше, дом использовался как сортир. Свет, падавший сквозь дыру в потолке, придавал помещению зловещий вид, словно в нем обитали привидения наркоманов. Винни подумал, что наркотики ассоциируются у него с вонючим дерьмом. Раньше это его не беспокоило. Какой же он был дурак. Спасибо Алексу, отмыл его от этой дряни.

Он вспомнил, как принимал наркотики в подвалах, на чердаках заброшенных домов. Везде царила такая же вонь. Он туго перевязывал руку, протирал взбухшую вену, потом тыкал в нее иглой. Образы наплывали в его голове друг на друга, и смрад уже не ощущался. При одних только воспоминаниях голова у него шла кругом — до ужаса знакомое ощущение. Спящий зверь пробуждался где-то внутри, хватая за сердце когтями.

Он застал. Винни Ба-Ба снова хотел кайфа. В голове заиграла музыка, в ноздрях чудился сладкий запах "белой леди". Он попятился и на ватных ногах побежал вон из дома. Спотыкаясь, подбежал к трейлеру, быстро отпер кабину ключом. Сел за руль, завел мотор. Хрен с ними, кто бы там ни сидел в засаде; надо поскорее отсюда смыться.

На мосту Верразано его поджидали Тото и Бальзамо. Когда он заплатил за въезд, они жестом велели ему ехать за ними. В зеркальце заднего обзора он видел машину Юниора и в ней еще какого-то незнакомого парня. Винни

утер пот со лба и сосредоточился на машине Тото. Смерд все еще ощущался в ноздрах. Казалось, героин проник в глотку. Но он знал, что зверь успокоился, и чувствовал гордость.

Они проехали по магистрали до бульвара Виктори, пересекли его и по узкой дороге достигли огромного складского помещения с высокой оградой и колючей проволокой по верху. Ворота были распахнуты, и Винни проследовал за Тото внутрь склада. Ворота за ними автоматически закрылись; Винни, увидев это, вздохнул. Он остановил трейлер у огромного пресса, достаточного, чтобы раздавить танк, и заглушил мотор.

Бальзамо и Тото уже стояли возле конторы и разговаривали с толстым коротышкой. Винни как-то видел его в "Веселых ребятах"; его звали Фэт Энтони, он ездил на шикарном белом "мерседесе" с флоридским номером.

Он сидел в кабине, пока Юниор не постучал ему в стекло.

В конторе Винни плюхнулся на скамейку, обтянутую искусственной кожей. Тото и Фэт Энтони стояли рядом. Бальзамо и Юниора видно не было, но он слышал их смех. Вот он и приехал. Жаль, что Алекса нет поблизости. Когда возникали проблемы, Алекс так забавно смеялся; в трудных ситуациях он словно находил для себя развлечение. Тото вытащил из кармана пачку денег, пересчитал ее и сунул обратно.

— У меня есть для тебя кое-что получше башлей, — сказал он. Из другого кармана он вытащил пакетик с наркотиком.

— Как тебе это? Лучший товар. Освободишься — и лови кайф, верно, Энтони?

— Лучший дурик в мире, прямо из Сицилии. Сразу уходишь в рай.

У Винни дрожали руки. Он вспомнил вонь в домике, смех Алекса и сказал:

— Зачем? Я это говно больше не употребляю.

— Наркоман — всегда наркоман.

Винни покачал головой.

— Слушай, — сказал он, — машину я вам доставил. Бальзамо обещал пять сотен.

— Для тебя — мистер Бальзамо, — поправил Тото.

— Хотите нагреть меня на пять сотен? Так? Мы же соседи. А вообще — что происходит?

Тото засмеялся, Фэт Энтони зевнул. Винни улыбнулся им, потом подумал: какого черта? — и встал.

— Короче, в чем дело?! — заорал он. Когда он переходил на крик, свет в его голове отключался. Когда Винни Ба-Ба доводили до крайности, он опять становился горил-

лой. Схватив Тото одной рукой за грудки, он поднял его над полом. Тот выронил пакетик и ухватил его за плечи.

— Ой! Ой! Винни! Кончай! Кончай!

— Я тебя на крышу закину, понял?!

Краем глаза он заметил, что Фэт Энтони полез в карман и заорал:

— Ты, жирный! Только попробуй! Я его сейчас в пыль разнесу, вместе с тобой. Вы что затеяли, падлы?! Думаете, я какой-нибудь фрайер вам?! Думаете, меня можно трахать, как Пиджейса? Я вас, суки, пришибу тут!

Дверь конторы открылась, вошли Юниор, Бальзамо и незнакомец, который ехал в машине Юниора.

— Эй! — крикнул Бальзамо. — Ты что? С ума спятил?

— Отпусти меня, — попросил Тото.

— Вы, американцы, сумасшедшие, прямо как краснокожие, — сказал незнакомец, обращаясь к Бальзамо.

Винни бросил Тото на кожаную скамейку и впервые рассмотрел незнакомца типа, который говорил тоном хозяина. Это был невысокий крепкий мужчина в ковбойской шляпе с маленьким красным перышком. Винни пожал плечами и сказал:

— Ладно, объясните ради старого знакомства, братцы, что здесь происходит.

— Слишком ты много вопросов, болван, задаешь, — сказал Бальзамо.

— Точно, дурак, — поддержал Тото. — Любопытный больно.

— Это я? Слишком много вопросов? О чем?

— Скажи-ка, откуда ты знаешь, что Фрэнки Муску нашли в мусорном баке? Кто тебе сказал? Ты сегодня в клубе проговорился.

— Да вы что? — грустно сказал Винни. — Совсем того? В газете было. Я сам читал.

— Покажи, — сказал Бальзамо и протянул ему "Дейли ньюс". Бальзамо вдруг крайне заинтересовался, а коротышка в ковбойской шляпе сел на скамейку и принялся чистить ногти острием финки.

Он нашел нужное место в репортаже и вернул газету Бальзамо.

— Тут говорится, что их нашли на свалке Демпси. Свалка, как я понимаю, и есть мусорный ящик, — сказал Винни. Он подошел к Тото. — Еще раз сунешь мне фуфло, я тебе зенки выколю, — сказал он с улыбкой, которая сразу убедила всех, что он не собирался шутить.

— Тебе наука, Тото, — сказал Бальзамо.

Фэт Энтони предложил всем, кто желает, выпить. Тип в ковбойской шляпе убрал лезвие финки и представился как Юрий, потом рассмеялся. Винни показалось, что он даже смеется с акцентом, как все новые эмигранты...

Сумасшедший выдался денек, а когда дело подошло к вечеру, Винни в своей спальне преклонил колени и помолился святому Иуде, своему небесному покровителю. Он поблагодарил его за то, что тот надоумил Алекса оторвать когти у "белой леди" и помог усыпить зверя. Правда, с Иудой Винни разговаривал откровеннее, чем с Алексом: как-никак Алекс был легавый, хотя Винни и любил его.

— Ну скажи, что я такого сделал, что ты меня сегодня подверг таким испытаниям? — спрашивал он гипсовую фигурку. — Вот возьму и не поставлю тебе свечку. Или вот что я сделаю. Понял? — И он повернул статуэтку лицом к стене. — Получай, хитрожопый, считай теперь тараканов. Не хочу тебя видеть целую неделю...

День, в принципе, закончился не так уж и плохо. Пять сотен он в конце концов получил, в тот самый момент, когда уже думал, что его убьют и раздавят в той машине, которая сплющивает автомобили до размеров телевизора...

Вообще-то этот засранец в ковбойской шляпе выглядел солидно. Темный тип. Ногти любит чистить финкой. А как засмеется, эти стальные зубы... жуть!.. Алекс тоже смеялся, даже хохотал, в трубке слышно было, как он в ладоши хлопает, когда Винни все ему рассказал. "Ну ты просто умница! Ба-Ба, ты у меня лучше всех!"

Ясно, Алексу было отчего радоваться; но Винни надеялся, что он не считает его своей ручной насадкой. Он не стукач. Он просто Алексу помогал, потому что тот его уважает. И главное, Алекс помог одолеть, усыпить зверя. Ну, лекарство тоже было, метадон. А что метадон? Дерьмо. Но Винни сумел все-таки, сумел; несмотря ни на что, убил в себе привычку, хоть чуть не подох при этом.

Винни мысленно помолился святому Иуде. По щеке его скатилась слеза.

— Послушай, Иуда! Ну, пожалуйста... — сказал он вслух, — пошли Тото, Юниору, жирному Энтони и папаше Бальзамо рак в задницу, в самую дырку. Сделай это для меня, и мы с тобой снова будем друзьями.

Пиджейса он не стал поминать. Парень в общем-то неплохой, просто глупый как пень.

9

Алекс припарковал машину, не доехав квартала до здания суда в районе Бронкса. У него была назначена встреча с Томом Делани и еще некоторыми фзбээровцами на шестом этаже, в отделе уголовных преступлений.

Он опаздывал уже на пятнадцать минут, а Делани терпеть не мог ожидания. Пришлось даже побежать.

В вестибюле Алекс протиснулся сквозь толпу полицейских, юристов, жертв несправедливости и прочей публики, многие из которых могли перенести любые операции без анестезии. В лифте он ехал с двумя старичками, завсегдатаями судебных процессов, которые все время яростно спорили между собой:

— Что-то я тебя не видел там.

— А я видел, как ты ел бутерброд с ливером напротив через улицу. Я никогда не ем на улице.

— А мне нравится, особенно с грибами. Я их называю зонтиками.

— Нет, я предпочитаю есть дома. Жена у меня здорово готовит.

Один из стариков спросил Алекса, не юрист ли он случайно. Алекс покачал головой.

— Жулик, что ли?

— Нет, не жулик и не юрист. Будете дальше угадывать?

— Вы — полицейский.

Алекс кивнул.

— А я, знаете ли, вдовец. Уже тридцать лет холостякую. И неплохо живу. Вот только... приходится питаться на улице бутербродами.

Старик прокашлялся, почесал щеку, стащил с головы до предела изношенную шляпу. Под шляпой у него была голубая ермолка, судя по всему, вязанная вручную. Из-под ермолки выбивались густые седые пряди, жесткие как проволока.

— А ты еврей? — спросил он Алекса.

Алекс опять кивнул.

— А по виду можно подумать, что ты из Швеции, — сказал вдовец.

Алекс усмехнулся и спросил:

— Что нынче интересного в суде?

— Двойное убийство, на девятом этаже. Там сыщик — очень интересный свидетель.

Женатый не согласился с ним:

— Слишком часто в бумажку заглядывает, когда говорит.

— Зато, когда выступает, улыбается. Они его любят, вот что важно.

— Да откуда тебе знать?

— Как это откуда? Это уже шестисотый процесс на моем веку!

— А как ваша фамилия? — спросил Алекса женатый.

— Алекс Саймон.

— Хорошее еврейское имя. Вы патрульный! Сержант или кто?

— Сыщик первого разряда.

— Хорошо, сыщик первого разряда Саймон, я вам вот что скажу. Вот этот балбес пытается бутербродами на улице и говорит мне, что гораздо важнее улыбаться судьбе, чем знать факты по делу. Что вы на это скажете как профессионал?

Алекс пожал плечами:

— Н-ну, что я могу сказать?..

— А я вам скажу, сыщик Алекс Саймон, что этот человек просто болван. Он мой друг уже тридцать лет, но он — болван. Он вроде того полицейского сыщика, который на любой вопрос отвечает: я не помню, я забыл. Тупица!

Женатый обхватил лицо ладонями, опустил голову и сказал:

— Боже мой, Сол, ты все говоришь, говоришь и говоришь. И почему я тебя слушаю? Сам не пойму. Ну ладно, может, ты прав, я — тупица.

— Можно вам обоим задать один вопрос? — сказал Алекс.

— Спрашивайте.

— Что вам известно о русских? То есть о русских евреях?

— Спросите его, — сказал Сол. — Он родился в России.

Алекс обратился к женатому:

— Вам что-нибудь известно о евреях из России, которые прибыли сюда не так давно?

Лифт остановился на девятом этаже, двери раскрылись, и женатый, взяв Алекса под руку, вышел. Отведя его в сторонку, где их никто не мог подслушать, он заговорил, озираясь по сторонам:

— Позвольте, сыщик, сказать вам кое-что. Русские ненавидят евреев. Всегда ненавидели. Даже евреи из России ненавидят евреев. Я встречал некоторых таких эмигрантов. Моя дочь — она служащая по общественным делам — привела как-то пару русских ко мне домой. Они живут здесь, знаете — Одесса-Бич.

— Где это? — спросил Алекс.

— В Бруклине, знаете — Брайтон-Бич? Я называю это — Одесса-Бич. Потому что многие приезжают сюда из Одессы. Сплошное жулье, дерьмо собачье, дрянь. Угрозило Джимми Картера нам такое устроить.

Алекс не выдержал и засмеялся.

— Ну, вряд ли все они такие, — сказал он.

— Пожалуйста, смейтесь сколько угодно. Вы спросили, я ответил. Сахаров на Брайтон-Бич не живет.

— Ну что вы, — сказал Алекс. — Они же иммигранты, им надо где-то начинать.

Женатый скрестил руки на груди.

— А вы сами когда-нибудь встречались с этими типами?

— Пожалуй, нет, — ответил Алекс.

— Так вот, когда встретитесь, хорошенько к ним приглядитесь. Вы встречали евреев с татуировкой?

— Вы их за татуировку осуждаете?

— Евреи не носят татуировку, детектив Саймон. И позвольте заметить, в Советском Союзе нет салонов, где делают татуировку. Знаете, где ее там делают? В тюрьме.

— Послушайте, уважаемый, но ведь в Советском Союзе в тюрьму можно попасть и из-за прически.

— Вы спросили — я ответил. Не хотите — не верьте.

Евреи, подумал Алекс, порой бывают самыми большими антисемитами. Почти восемьдесят тысяч эмигрантов из России не могут все до одного быть преступниками. Этот любитель ливера встретил двоих и теперь всех считает плохими. Татуировка. Уж если кто и понимает, что это такое, так это евреи.

Парень в ковбойской шляпе с красным перышком, которого описал Винни, — фигура, кажется, интересная. Алекс решил наведаться на Одессу-Бич. Эта мысль — искать ковбоя из России с красным перышком — была Алексу чем-то приятна.

Лифты были перегружены, в холлах толпился народ. Делани ждал его, а он с головой погрузился в историю русских и евреев, которые занимались бизнесом с Нино Бальзамо и Фэтом Энтони. Винни был настоящим сокровищем. Глядя на женщин, шагающих по коридорам и холлам, Алекс подумал, что его воздержание очень уж затянулось. Месяц прошел с тех пор, как он последний раз задрал женскую юбку. Он тут же решил: хватит. Сегодня же пойдет к Гуди, к Глории Гудман, старой приятельнице, у которой был самый большой рот из всех белых женщин Запада. Когда он наконец прибыл в контору и доложил секретарше, та, не поднимая головы от кроссворда, указала ему большим пальцем на дверь.

— Они там, — сказала она.

Алекс попытался прикинуть, какова эта секретарша в постели. Ох, как затянулось воздержание! Она, возможно, сидела за этим самым столом, когда он гонялся за Глорией. Ну что ж, грех сетовать, приятные сюрпризы у него бывали. Он спросил секретаршу, как ее зовут. Она, так и не взглянув на него, еще раз махнула рукой в сторону кабинета.

— А вот и наш кабинетный гений! — приветствовал его Делани.

Он и еще два агента ФБР стояли с таким видом, словно Алекс по меньшей мере был генералом.

— Знакомься: Джим Корсо, Фрэнк Ривера.

— Рад познакомиться, — сказал Алекс. — Так это вы ответственные за то, что я оказался в зоне боевых действий?

Ривера с улыбкой пожал ему руку. Корсо уселся в кресло, помахивая папкой. Алекс вышел на середину и спросил:

— Так в чем дело?

— У нас тут кое-что есть для тебя. Хочу, чтобы ты посмотрел.

Друзья Делани выглядели слегка взволнованными и избегали его взгляда. Наконец тот, которого звали Ривера, протянул Алексу крупную черно-белую фотографию. Алекс, тоже слегка встревоженный, внимательно посмотрел на снимок.

— Что скажешь? — сказал Делани.

Алекс сел на стул и вернул снимок Делани. Тот смотрел на него сочувственно, как учитель на напроказившего любимого ученика. Смотрел так, словно все еще был его другом. Алекс мысленно присвистнул: начинается спектакль.

— А ты что скажешь? — сказал Алекс с улыбкой.

— Знаешь, что у нас в папочке? — спросил Делани.

Алекс внезапно ощутил страх. Винни, видимо, влип в историю. Сказать пока что было нечего. Ривера тоже улыбнулся:

— У вас, между прочим, репутация — что надо. Хранилище информации. Мистер Разведка.

— Ну и компашка, — подумал Алекс. — Мозг Делани плюс два уличных полицейских. Отдел сильно изменился”.

— Ваш парень влип в серьезное дело.

— Мой парень? — переспросил Алекс.

— Послушайте, я говорил с инспектором Россом. Эта горилла — ваша главная насадка. Стукач, попросту говоря.

— Я его так не называю, — сказал Алекс. — Росс должен был сообщить вам об этом. Этот парень не стукач, а мой знакомый.

— Мне понятно ваше желание защитить хорошего агента.

— Не каждый, кстати, так делает, — парировал Алекс.

— Вы его держали в большой тайне, поскольку он близок к семейству Колумбос. Очень близок, судя по картинке.

— Никто о нем не знает, — ответил Алекс. — Никто. Поэтому он и жив до сих пор.

Делани в раздумье покачал головой. Посмотрел с улыбкой на Алекса и сказал:

— Мы о нем знаем, Алекс. Должен тебя огорчить: теперь он мой.

— Ничего подобного, — возразил Алекс.

— Он попался.

Алекс пожал плечами.

— Вам попалась фотография парня, вылезавшего из грузовика на складе металлолома.

— Из украденного грузовика. Грузовик украли, а водителя убили в Нью-Джерси.

— Он — убийца. Ваш дружок — убийца, — сказал латиноамериканец.

— Что?!

— Я говорю, что эта сволочь — убийца.

— Ничего подобного!

— Когда мы с ним можем потолковать? — спросил Делани.

Алекс задумался.

— Если бы у меня была возможность, я сделал бы так, чтобы вы никогда с ним не говорили.

— Это от тебя не зависит. Видишь ли, мы могли бы ему помочь избежать тюрьмы, переселить в другой город, наставить его на путь праведный.

— Вы можете только одно — сделать так, что его убьют.

Делани засмеялся.

— Как давно тебя учили не влюбляться в осведомителей, Алекс?

Агент, которого звали Джон Корсо, сказал:

— Знаете, о чем я думаю? Мне кажется, мы делаем общее дело и должны держаться вместе.

Алекс не прореагировал.

— Влил твой Эспозито. Убийство и захват автомобиля — не шутка, Алекс.

— Чушь это, — возразил Алекс, — Винни никого не способен убить.

— Ты что, был там? — сказал Делани с отвращением. — Шпана он, вот и все. А судя по досье, еще и наркоман.

— Я отучил его от наркотиков. Он больше не колется.

— Ну, знаешь... Кто однажды стал наркоманом...

— Ошибаешься, Том. Короче, что вы собираетесь делать?

Делани доверительно наклонился к нему.

— Приведи его на встречу с нами. Нам нужен Нино Бальзамо. Я думаю, твой парень сможет помочь.

— Вы что, застукали Бальзамо? Это не он тут случайно на снимке?

— Нет, он нам нужен со всеми потрохами, с записью

на магнитофон, чтоб сам рассказал про захват грузовика, про ракет.

— Ты хочешь, чтобы Винни надел провода? Шутить, что ли?

Латиноамериканец поднялся.

— Вашему парню крышка. Мы его застукали. Либо пусть провода наденет, либо ему хана. Вы сами понимаете, мы ему, если надо, поможем. Так что нечего выступать адвокатом. Вы просто сами в дерьмо влезаете, уж извините.

— Понятно, — сказал Алекс. — Он берет магнитофон, а потом выступает свидетелем. Через полгода мы его найдем в багажнике какой-нибудь машины.

Он хотел еще сказать им, что Винни — нормальный парень, пусть не образцовый, не слишком честный, а просто обыкновенный. Единственное, чего он хочет, — получить водительские права и стать таксистом.

Делани сел и с явным нетерпением уставился на Алекса.

— Слушай, Алекс, кончай это. Можешь сам не затаскивать его в ловушку. Мы пойдем тебе навстречу, так сказать, из профессионального уважения.

— Он не будет на вас работать, если я ему не велю, — ответил Алекс решительно.

— Думаешь, мы не знаем?

Время, думал Алекс, нужно время, чтобы все обдумать. Если сказать Винни, чтобы поработал с людьми Делани, он будет работать с ними. Он сделает все, что ему скажут. Конечно, провода они на него наденут. Если он уцелеет при этом, его затем привлекут как свидетеля на следствии и на суде. Есть, конечно, способы защиты свидетелей, но для Винни они не годятся: как только его увезут из Южного Бруклина, он взбесится. Скорее всего он вернется и будет изрублен на куски. Он пытался объяснить Делани, что Винни — самый обыкновенный парень. Но ничего из этого не вышло.

— Алекс, он поможет упрятать за решетку множество уголовников, — убеждал его Делани.

— А они его рано или поздно растерзают, — возражал Алекс.

— Одним хулиганом будет меньше, — сказал Делани, и оба агента засмеялись. — Серьезно, Алекс, о чем мы спорим? — морщился Делани.

— Ладно, — ответил Алекс. — Наверное, мне все же придется потолковать с ним.

Все посерьезнели, потом Делани улыбнулся:

— Вот и хорошо, Алекс, потолкуй с ним. Объясни ему, что такое патриотический долг.

— Скажите ему, что он нужен своему дяде, дяде Сэ-

му, — добавил агент по имени Корсо. Делани гипнотизировал Алекса неподвижным взглядом.

— Да уж конечно, — устало буркнул Алекс. — Я скажу ему, что он попадет в национальные герои. Винни это понравится.

Алекс испытывал давнее предубеждение к ФБР и не доверял его людям. Видимо, поэтому он, выйдя из кабинета, остановился около секретарши. Она все еще сидела над кроссвордом и казалась довольно привлекательной. Но он не мог разглядеть, что у нее ниже талии, и решил, что там она слишком полновата. У нее было открытое круглое лицо, как у женщины, которая рекламирует по телевизору молоко. Волосы — короткие, черные, с намеком на проседь. Ее громадные груди заставили Алекса вздрогнуть.

— Уж эти мне фэбээровские супермены, верно? — сказал он без эмоций.

— По крайней мере, они лучше воспитаны, чем легавые, — ответила она.

Ого, подумал он. Надо попробовать улыбку.

— К вам сюда только такие и ходят?

— Нет, они здесь постоянно.

— Серьезно? — Он отчаянно пытался уловить что-нибудь из разговора, который шел сейчас за закрытой дверью.

— Я тут бывал уже, а вас что-то не видел, — сменил он тему.

— Неужели? — ответила она. — Я здесь два года сижу, ни дня не пропустила.

Больше говорить было не о чем, и из-за двери не доносилось ни слова.

— Должен вас предупредить, я отчаянный человек. Меня жена бросила, и я уже несколько месяцев один. Знакомства с женщинами заводить не умею. Сами понимаете, как это бывает, когда вас выбьют из колен. Не умею заигрывать...

Она показала кольцо на пальце:

— А у меня — удачный брак. Четверо детей. Так что слушаю вас, сыщик.

— Хочу предложить вам руку и сердце, только и всего.

Она развеселилась.

— Спасибо, хотя особой благодарности не испытываю.

Она совсем не рассердилась. Когда разговор не клеится, лучшее средство — комплимент.

— За попытку вы меня не осудите. А вы — удивительно красивая леди.

— Нет, вам, полицейским, надо все же учиться у ФБР. Люди там вежливые, профессионалы.

— Вы хотите сказать, они не флиртуют с женщинами? Может, они голубые?

Она, покачивая головой, встала из-за стола и направилась к шкафу с папками. Красные ноги, тугая задница — четверо детей или нет, но дамочка была потрясающая. Или в нем просто разыгралось ретивое оттого, что целый месяц жил как монах.

— Так что вам угодно, детектив?

— Хм, такая прямота, знаете ли...

— Ну, выкладывайте, а то у меня работа.

— Я хотел бы знать, что делают здесь, в Бронксе, эти сотрудники ФБР.

— Вы только что с ними беседовали. Почему не спросили?

— О! Вы же знаете этих фэбээровцев. Они к нам, городским работягам, относятся как к людям второго сорта. — Муниципальная гордость тоже могла пригодиться.

Она посмотрела на него с удивлением.

— Они настоящие джентльмены. Иногда приходят сюда и приглашают Анатолия Павловича пообедать.

— Кого?

— Анатолия Павловича. Это русский эмигрант. Его кабинет — следующий. Для нас он делает кое-какие социальные исследования.

— Серьезно?

— Между прочим, испанец, мистер Ривера, прекрасно владеет русским. Я была поражена, когда услышала, как он разговаривает с Анатолием Павловичем.

— Нет, без брехни?

— Ну вот! А от агентов ФБР я никогда не слышала вульгарностей. Особенно при женщинах. Вам, полицейским, надо еще так многому учиться у них.

10

Зазвонил телефон. Ники взглянул на часы: восемь утра. Он спал всего три часа.

— Да, — сонно сказал он в трубку.

— Учти разницу во времени. Вспомни, как я любила спать после обеда, и оцени, какую жертву я принесла ради тебя.

— Вика?

— Кто же еще?

— Как там жизнь, среди руин и скользких угрей? — спросил он.

— Для меня лично просто чудесно. Вот где тебе бы

жить. Люди красивы, женщины элегантны, а мужчины меня обожают.

— Естественно! — Ники рассмеялся.

— Ну, а ты как? Самый неотразимый москвич.

Ники посмотрел на Катю, которая продолжала спать, устроив голову на локте.

— Нормально.

— Нормально? Ты типичный русский, Ники. Чем лучше идут дела, тем скучнее ты отвечаешь.

Вика была его близким другом. Армянка, которая пробила в Москву, потому что умела падать на спину. По пути она разбила не одно сердце и, как поговаривали, сломала не один спинной хребет. Ники вспомнил: спать с Викой — все равно что с леопардом. Долго, медленно лижет, потом царапает, потом мурлыкает и, наконец, стонет от страсти. Дивная женщина, слишком грандиозная для Ники.

Вика ездила, куда хотела и когда хотела. Делала все, что только могло взбредить в ее прекрасную голову. В Москве это было нелегко, но ей удавалось.

Теперь она жила в Риме. Армянам, как и евреям, выезд за границу на постоянное жительство был относительно упрощен.

— А любовники, Вика? Как поживают твои любовники?

— У меня тут двадцатилетний мальчик завелся. Выползает из постели, говорит: грация, грация, и бегом домой, к маме. — Из-за океана донесся заразительный смех Вики.

— А другой как? — спросил Ники. — Как его здоровье?

Он не сразу решился задать этот вопрос, хотя в нем было самое главное. Здесь крылась причина того, что Пол Малатеста обращается с ним как с равным. По крайней мере, пока. На другом конце провода наступило молчание.

— Это очень важно для тебя, Ники?

— Важнее не бывает.

Вика тихо и как-то печально засмеялась.

— Князь, в какую неприятность ты влип?

Неприятность состоит в том, что он одинок, подумал Ники. Нет никого, кто соответствовал бы ему хотя бы по интеллекту. Никого, к чьему совету он мог бы прислушаться. Виктор — в Москве, а Сонни погиб. Эти американские гангстеры — все равно что марсиане, они плюют на всякое человеческое понимание.

— Мне нужна твоя помощь, Вика. — Ники услышал чутку отчаяния в своем голосе. Ему стало стыдно.

— Человек из города Виллальба в Сицилии. Мой Джон Карло и другие государственные деятели обсу-

дают с ним дела. Но он не сказал ничего такого, что тебе не было бы известно.

— Значит, он еще не сообщил?

— Нет. Я уверена в этом.

— А Джон Карло считает, что он сообщит?

— Да, но тогда, когда ему будет нужно.

— Вика, эта информация может сделать тебя очень богатой.

Снова долгая пауза, потом голос Вики:

— Это твоё дело, Ники. Мне оно не нравится, хотя я стараюсь увидеть здесь что-нибудь позитивное. Если я могу помочь своему Ники, который выручал меня бог знает сколько раз, вопросов быть не может. Сделаю. Мы, армяне, не забываем друзей и не прощаем врагов.

— Ты говоришь, как мафиозо.

Оба рассмеялись...

— Соскучился я по тебе, — сказал Ники тихо, надеясь, что она поймет. Ему показалось, что прозвучало это по-детски.

— Ты хоть осторожно себя ведёшь? — спросила она.

— Да.

— Слушай, а может, бросишь все и переедешь в Рим? — решительно предложила она.

Ники не ответил.

— Как наша красавица Катюша?

Прежде чем попроситься и положить трубку, Ники ответил ей, что Катя спит.

Вика умела всегда быть в центре внимания. Она умела рассмешить окружающих. Возьмет тебя за руку и с интимной улыбочкой скажет при всех: я согласна. Приятели Ники в Москве от нее балдели. Союз она покинула вскоре после того, как улетели Ники и Катя. Ники надеялся, что она последует за ними в Америку. Был бы там хоть один надежный друг. Но она влюбилась в Италию и осталась в Риме.

Прибыв в Штаты, Ники несколько раз пытался ее разыскать, но безуспешно. Она сама нашла его. Как-то в субботу зазвонил телефон и в трубке раздался знакомый смех. Когда он спросил, счастлива ли она, Вика ответила: пока нет, но, наверное, скоро будет. Там у нее появился знакомый — итальянский богач-чиновник по имени Джон Карло. У него была очень большая семья и очень усталая жена. Ники рассказал Вике кое-что о своих делах с итальянцами, о своем ресторане, который он назвал "Московские ночи". Они вспомнили гулянки в Москве, музыку, друзей, те времена, когда они оба были по-своему звездами.

После этого трансатлантические звонки стали регуляр-

ными, превратились в своего рода субботний ритуал. Именно во время одного такого субботнего разговора Вика сказала ему о встрече Джона Карло с крупным главарем сицилийской мафии, семья которого была расстреляна на пороге церкви в его родном городке и который знал все о бизнесе мафии как в Сицилии, так и в Америке. Она сообщила ему ценную информацию, и Ники сообразил, как ею воспользоваться.

В тот момент он много задолжал Матти Муске. Их познакомил Сонни Ипполито. Как оказалось, у Матти были мозги осла, иметь дело с ним было невозможно. Ники попросил Сонни свести его с большим шефом. Муска на роль шефа явно не тянул. Сонни засмеялся и сказал: "Ну, вы, русские засрайцы, совсем чокнутые". Но когда Ники намекнул, причем весьма туманно, на то, что ему известно, Сонни немедленно посерьезнел и сказал: "Ничего смешного, Ники, в этом нет".

Встреча с Полом Малатестой произошла в отеле "Плаза". Ники отправился туда один, на такси. Сонни никогда не водил его в такие места. Грандиозность "Плазы" поразила Ники. Они пообедали. Когда пили кофе, Ники начал удивляться: ни слова не было произнесено о деле. Только перед тем как уйти, Малатеста взглянул на него: "У вас тридцать секунд. Что вы мне собирались сказать?"

И Ники сказал: "Я должен Матти Муске двести пятьдесят тысяч долларов. Каждую неделю я выплачиваю десять процентов. Я хочу, чтобы выплата этих процентов прекратилась и мне дали время выплатить весь долг. За это я сообщу вам имя человека, который готовится уничтожить вас и всех подобных вам здесь и в Италии. Я знаю, например, одного человека, который разговаривает с ним в эту минуту. Я знаю, кто вы и что вы. Знаю, вы достаточно умны, чтобы решить, будто я сочинил всю эту историю. Думаю, у вас есть возможность проверить подобные сведения".

Пол Малатеста никак не прореагировал: не улыбнулся, не кивнул головой, не сделал никакого жеста. Просто надел пальто и вышел.

На следующий день Ники позвонили. Это был Сонни. Их разговор был последним. Красивый парень, с внешностью кинозвезды, с роскошным золотым браслетом, был уничтожен за то, что осмелился через голову Матти Муски связаться с шефом и помочь Ники. Очень серьезным тоном он сообщил Ники, что его долги оплачены.

— Целиком?

— Да, все оплачено целиком.

А когда имя и местопребывание упомянутого лица будут переданы мистеру Малатесте, на имя Ники в любой банк мира будет переведена вчетверо большая сумма. Ни-

ки был потрясен. За один день он мог стать миллионером. Ему казалось, он родился заново; перед ним открывалась новая жизнь.

Спустя неделю Матти Муска появился в ресторане. В кабинете у Ники он закатил сцену; он орал как безумный. А его племянник Фрэнки стоял в дверях. Если они ожидали, что он испугается и ударится в панику, то их надежды не оправдались. Ники предложил им поговорить с мистером Малатестой. Когда старший Муска сказал: "Здесь деньги мои. Я могу просто размазать тебя по полу за стоймость одной выпивки", Ники рассмеялся и ответил: "Не будь идиотом, поговори с боссом".

Через несколько дней Сонни, его глуповатый брат и их дядя поплатились за то, что стали виновниками позора Матти Муски. Фрэнки Муска и его дружок Рэд закопали всех троих на мусорной свалке в Куинз.

Спустя еще месяц племянник Матти с двумя друзьями, трое убийц-психопатов, добрались и до Ники. Юрий и его ребята оказались начеку. В общем, началось какое-то безумие.

Юрий потом говорил, что Ники крупно повезло: эта компания ни перед чем бы не остановилась. Слава Богу, что им удалось прикончить Фрэнки, как бешеную собаку; жаль только, что тот успел убить Сонни. Словом, на этого психопата Ники было наплевать.

Но теперь ему предстояло решить: продать ли за миллион долларов жизнь человека? Человека, которого он не знал, который потерял всю семью в другой стране от руки других психопатов.

Ники хотелось спокойствия. Хотелось слышать смех Вики, умные слова Виктора. Он соскучился по серым московским улицам.

11

В половине восьмого утра консьерж Джимми сообщил:

— Вчера этих болгар понаехало до черта. А потом дунули все из квартиры, словно пожар случился.

Алекс вручил ему бутылку темного баккарди. Это был любимый напиток Джимми.

— Как, говоришь? — спросил он.

Джимми взял бутылку и снова заговорил, громко и быстро:

— Вчера, значит, протираю я шваброй площадку, а тут они вываливаются из квартиры, меня с ног чуть не сбили. И девка одна была среди них. Один орал все. А потом

устроили такой кавардак — и в подвале, и на крыше, — и жуткая паника была. А один из них, старый говнюк, говорит мне: занимайся своим делом, работай. Он у них, видно, главный. Посмотреть на него — прямо зверь. Свиньи болгарские...

— Верно, — согласился Алекс. Он торопливо покинул здание и подошел к своему "шевроле", припаркованному напротив. Открыл шкафчик — магнитофоны были на месте.

Машина два дня стояла возле счетчика оплаты за парковку, на стекле были прилеплены две квитанции о штрафе. В районе Куинз машины не принято отбуксовывать. Учитывая выгодное положение машины, Алекс надеялся заполучить хорошие записи. Счетчики магнитофонов намотали немало. Он забеспокоился, но радостное возбуждение победило. Знакомое чувство. Разговор состоялся.

Он завел машину и уехал. Пару раз сделал не тот поворот. Ему нужен был гараж Мэйси. Пришлось остановиться и подумать, куда он в итоге завхал. После этого он направился прямо в гараж. Хотя в нижних ярусах были свободные места, он выбрал крышу. На крыше он чувствовал себя как дома.

Вытащив оборудование из шкафчика, он подумал, что батарейки ведь могли сесть. Проверил оба магнитофона — они работали нормально. Перемотал кассеты, глубоко вздохнул и включил кнопку магнитофона, записывающего разговоры в квартире.

Услышал первый голос, затем второй, третий. Вскинув руки, замотал головой и закричал:

— Ну хитрец, Делани!.. Кто бы мог предположить?.. Но ты забыл, старик, одну вещь, самую главную... Я же мастер выпендрежа, хе-хе-хе! — Он перемотал ленту и начал слушать снова.

Их было четверо, говорили все одновременно, как это бывает у полицейских, когда они включаются в подслушивание. Голоса возбужденные, что-то предвкушающие. Алекс сразу выделил низкий рокот Делани и узнал двух агентов, которых встретил в конторе в Бронксе. Четвертой была женщина.

Делани начал с вопроса, который вызвал у Алекса улыбку:

— Кто-нибудь принес кофе? Я жрать хочу!

— Мы сейчас сварим, — сказала женщина.

— Фрэнк, давай сюда машину! Посмотрим, кто это звонил нашему дорогому Матти. Слушайте, и кофе, кофе мне дайте!

— Если кто-нибудь принесет позавтракать, я сделаю кофе, — ответила женщина. — Нужно молоко и сахар. Там, через улицу, есть забегаловка.

— У тебя что, ноги к полу примерзли? — заметил агент, которого звали Ривера.

Неприятный, тяжелый тип; Алексу он не понравился сразу. Ривера был из тех агентов, которые словно напоминали всем о превосходстве людей из ФБР над простыми смертными.

— Я пью черный, — сказал Делани. — Джанис, свари, будь добра. Можешь прямо сюда включить.

— А из чего пить? — спросил Ривера.

— Мистер Делани, я принесла кофе, кофейник и стаканчики. Но все же не смотрите на меня как на домохозяйку.

“Вот именно! — сказал Алекс. — Не подчиняйся этим рабовладельцам”. Иногда он разговаривал со своими магнитофонами.

Открылся и закрылся шкафчик, снова пошли разговоры о кофе. Делани попросил прекратить болтовню, потому что хотел послушать, кто звонил Матти. Алекс с трудом различал слабый голос Матти на фоне разговоров.

Журчание водяной струи. Алекс вдруг понял, что женщина пытается подключить кофеварку к его передатчику.

— Так кто пойдет за молоком и прочим? — спросила женщина.

Никто не ответил. Последовал мощный треск электрического разряда.

— Что за черт? — сказала женщина. — Вилка не лезет в розетку.

— Почему? — спросил Делани.

Треск прошел, женщина сказала:

— Все, порядок.

— Включи в верхнюю розетку, — предложил Делани. Алекс услышал в его голосе нотки беспокойства.

— Не пойму: то ли сломана, то ли забита чем-то.

Алекс напрягся до предела. Он гладил кончиками пальцев губы и ждал.

Делани свое дело знал. В комнате воцарилась тишина. Алекс услышал сопение — Делани осматривал розетку.

— Ах, сукин сын, — слышался шепот, и Алекс улыбнулся. — Я знаю, что это ты. На сей раз удалось.

— Что там такое? — спросила женщина.

— Хочешь, чтобы мы стали врагами? — прошептал Делани в розетку. — Ты этого хочешь?

“Нет, — мысленно ответил Алекс. — Я курить хочу”. Он так давно не курил! И именно в такие моменты давала о себе знать привычка, которую он, казалось, забыл давным-давно.

— Я понял, черт тебя подери, — прошепел Делани. Голос его постепенно перешел на крик, и Алекс отодвинулся от магнитофона.

— Посмотрите на улице! — распорядился Делани. — Нет ли там Саймона. Он должен быть поблизости! Ну, лехс, — снова зашипел он, — если мы обнаружим на том паршивом жучке твои пальчики, плохи твои дела... Это же нарушение федеральных законов, идиот. Джанис! Дай-ка ножик!

— Здесь нет ножа.

— Ну, найди что-нибудь...

Дверь квартиры открылась, захлопнулась и снова распахнулась. Алекс услышал крик консьержа:

— Эй, минутку!

Передачик отключился — Делани успел его вырвать. Это пятьдесят долларов — коту под хвост.

Свои жучки Алекс купил у одного корейца в Гринвич-виллидже. Этот жучок служил ему не один год. Теперь и, как и Винни, перешел к Делани. А насчет отпечатков пальцев — это была давняя мечта Делани. Алекс был мел, даже дерзок, но дураком не был. Он покачал головой. Делани явно психанул, но в голосе его все-таки было уважение. Алексу это понравилось. Он включил второй магнитофон, тот, который записывал телефонные разговоры подружки Матти Муски.

— Алло!

— Ты где была? — голос Матти.

— Я? На окраину ездила.

— А... Я уж решил, ты со вчерашнего дня в себя не пришла.

— Нет-нет, что ты. Пришла... — Послышался смех. Тон Матти сегодня совсем другой: он разговаривал не с сол-
а-том.

Алекс чувствовал нетерпение. Матти нес всякую чушь, его любовница Линн — и того хуже.

— Ну, поздоровайся со мной! Ну, Матти! Скажи мне — здравствуй...

Алекс никак не мог сосредоточиться. Делани свое открытие сделал вчера. Что он замышляет сегодня? Официального протеста он выразить не мог: Алекса он не зас-
у-кал, отпечатков пальцев не было. Одни подозрения. Конечно, знал он все, но доказать ничего не мог. Их очеред-
а-я встреча будет, видимо, бурной.

— Нет, вы подумайте, что несет эта сучка! — голос Матти по телефону.

Линн:

— Я не сучка.

— Сучка, я тебе говорю.

— Сам ты сучка.

— Ты сейчас что делаешь? — спросил Матти.

— Ничего. Жую чипсы. А что?

— Ничего. Я еще должен ей объяснять!..

— Сам такой...

— Пошла ты!.. Все, с меня хватит. Пока!

"Великий мафиозо кокетничает, — подумал Алекс. — Бог мой!"

Линн замолчала, и Матти посерьезнел.

— Как там дела? — спросил он.

— Мы готовы, только скажи когда.

— Ладно. Буду минут через пятнадцать—двадцать. Мне надо еще позвонить. Но ты готова, верно?

— Да, да, мы готовы.

— Скоро буду. Поосторожнее там.

— Порядок.

Алекс привык подслушивать телефонные разговоры. Его не удивляло, что люди так свободно болтают: они уверены, что никто их не слышит. И все-таки иной раз, пока пытаешься из этого бреда извлечь информацию, плевать хочется... Он решил прослушать еще пару разговоров, остальное — дома. Устал все-таки, да и судьба Винни его беспокоила. Бедняга. Уж Делани в него вцепится, выместит на нем все, что не вышло с Алексом. Впрочем, на его месте Алекс поступил бы так же. Таковы правила игры.

Звонок. Тяжелое дыхание Матти — словно он перед этим пробежал целую милю.

— Доброе утро. ФБР.

— Агента Делани, пожалуйста.

"Боже милостивый! — воскликнул Алекс. — Невероятно. Делани и Муска. Муска работает на Делани. Зачем же тогда провода? Просто Делани ему не доверяет".

— Мистер Делани на объекте. Что передать?

— Да, дорогая, скажи ему, что звонил Стэнли.

"Стэнли, — повторил Алекс. — Стэнли. Вот что делает с человеком возраст".

Он выехал из гаража, чувствуя, как в нем растет возбуждение. Знакомое сложное чувство: радость игры и страх проиграть. Для Делани и Алекса это было спортом. Он глянул на свои магнитофоны, лежащие на заднем сиденье. Винни Ба-Ба — нормальный парень, которого Делани убьет без всякого злого умысла. Он остановил машину у светофора. "Прости меня, Винни", — пробормотал он. Пожал плечами, когда позади загудели клаксоны. "Какие же дрянные создания люди", — сказал, обращаясь к магнитофонам.

В тот вечер, в семь часов, Винни Эспозито сказал:

— Вы из ФБР? Только мозги мне не засирайте: вы правда фэбээровцы?

Агент Ривера и агент Корсо стояли на кухне у Винни и изучали его.

— Ты наши документы видел. Одевайся, пойдешь с нами, — сказал тот, которого звали Ривера.

Винни тщетно пытался изобразить улыбку.

— А, ну да! У вас ордер есть?

— Мы в ордерах не нуждаемся. Ты поедешь добровольно, чтобы помочь следствию.

— Ага!.. А может, поспорим: поеду я или нет?

— Слушай, парень, мы можем надеть на тебя наручники. Лучше иди как нормальный человек. Я итальянец, и ты итальянец, и я не хочу тебя позорить перед соседями, — сказал человек по имени Корсо.

— Пошел ты со своей итальянской херней знаешь куда? Когда я был мальцом, на такое дерьмо еще клевали. А вам, легавым, я верю меньше, чем кому-либо.

Ривера подошел к телефону и снял трубку.

— Вот, позвони своему другу Саймону и спроси, что тебе делать. Валяй, вызывай своего еврейского адвоката.

Этого Винни не ожидал. Что все это могло значить? Откуда эти двое знают про Алекса? Винни был совершенно сбит с толку. Он приподнялся было, потом снова сел.

— Так... А что я такого сделал?

— Никто не говорит, что ты что-то сделал. Нам надо потолковать с тобой. Поболтать малость о том о сем. Ну, давай, звони Саймону.

— И позвоню, — сказал Винни. Когда он вставал со стула, у него дрожали колени.

Никогда еще ему не было так паршиво. Алекс сказал, чтобы он пошел с ними. Пусть послушает, что они скажут. Все это было враньем. Не мог он просто взять и пойти с этими ребятами. Конечно, на агентов они были мало похожи, но они были из ФБР. Все это выглядело крайне скверно. Голос у Алекса был грустный, очень грустный. Винни стало не по себе. С другой стороны, он ничего такого не натворил, чтобы за ним охотились фэбзэровцы. Чем же тогда расстроен Алекс? Что-то явно произошло, а что — не понятно. Но хорошего ждать от этого нечего... Винни улыбнулся и склонил голову набок.

— О'кей! — сказал он. — Ведите меня к вашему боссу. — Ему это показалось смешным, но агенты не засмеялись.

Позднее, лежа в постели, Винни снова и снова думал о предложении, которое сделали ему фэбзэровцы. Они хотели, чтобы он одолжил у Бальзамо пять тысяч долларов. Хотели, чтобы он вызвал Бальзамо на разговор об условиях ссуды и о том, как тот будет выколачивать долг. Десять процентов в неделю — это он и так знал. С какой стати Бальзамо будет это ему объяснять? Ему придется таскать на себе их технику — на груди и под мышкой. Как раз там, где он больше всего потеет. Зато он надежно уса-

дит Бальзамо — вот будет смех! Фэбээрзовцы заплатят ему, он станет их агентом. И они забудут, что он был за рулем краденного грузовика. Стукачом он не будет, он будет агентом, а это — совсем другое дело.

У агентов — своя контора с флагом, с портретом президента. А может, и не президента, а ихнего главного босса. Он станет агентом с зарплатой, а водительские права, сказали они, выправят в один миг: надо лишь позвонить кой-куда — и все. Алекс не смог устроить права, он так и сказал, что не может... Винни уже испытывал гордость. Он будет работать на Соединенные Штаты Америки; секретный агент Винни Ба-Ба Эспозито. Там, глядишь, и фильм о нем сделают, а то и сам президент удостоит его награды. Жаль, что мама умерла, она бы им гордилась. Вот только почему Алекс говорил так грустно, когда разрешил ему сотрудничать с ними? Ведь и агенты ему говорили: ты работаешь для Америки, ты делаешь важное дело. Алексу бы гордиться им, а он расстроился. Может, приревновал? Глупый Алекс, он решил, что Винни бросит его ради правительства. Да никогда такого не будет, ведь он любит Алекса... Винни долго лежал, глядя в потолок и размышляя.

12

Ники сидел в своем кабинете за кулисами ночного клуба и листал какую-то газету. Казалось, он видел тех же людей, что и вчера: безумные глаза, беспокойные лица, жертвы, преступники. А ведь все они — дети Бога, подумал он.

Со смехом, подшучивая друг над другом, ввалились Петро и Василий. Петро встал у двери:

— Я приведу машину? — спросил он.

Ники отрицательно покачал головой.

— Я подвезу тебя, — быстро сказал Петро.

— Да нет, братцы, не надо. Я нынче возьму такси. Позвоните кому-нибудь из ваших знакомых, чтоб подъехал за мной.

— Ники, — резко вступил Василий, — кто-то из нас должен сопровождать тебя.

— Я поеду один. В послании сказано, чтобы я прибыл один. Я так и сделаю.

Василий озабоченно нахмурился.

— Ты уверен, что так будет о'кей? — спросил он.

Ники кивнул, хотя вообще ни в чем не был уверен. Тем более не было уверенности в том, что мог задумать Пол Малатеста. Единственное, в чем был уверен Ники, — что

латеста что-то задумал. Он получил от него послание. у предлагалось прийти на встречу в пять часов в ричном баре отеля "Плаза". Четко сказано было: йти одному.

— Нельзя ему доверять, — сказал Василий.

— Сам знаю! — раздраженно ответил Ники. — Я вооб-
никому тут не доверяю.

Василий с обиженным видом опустил голову. Петро
оветовал Ники взять отпуск.

— Какой отпуск? Петро, да мы же в самом разгаре
ины. Сейчас, в эту минуту какие-то люди разрабаты-
т план, как нас всех перебить. Ха! Отпуск...

— И все-таки тебе надо отдохнуть, Ники, — сказал Ва-
сий.

— Кстати, где Юрий? — спросил Ники.

Ни Петро, ни Василий ничего не ответили. Ники встре-
чился. Что-то вокруг него происходит. Где Юрий? Он
жен всегда знать, где кто находится...

Временами все они вели себя по-детски, дурачились,
раивали розыгрыши. В конце концов, это действитель-
была игра. Но с Юрием дело обстояло серьезно. Ники
агал — из-за кокаина. Юрий стал слишком увлекаться
аином, который замораживал мозги и остужал нос.

— Так где Юрий? — повторил он.

Петро посмотрел на Василия; тот глядел в пол. Что-то
евернулось в груди у Ники, когда Петро наконец отве-
и:

— Юра поехал в Бруклин, встретиться с итальянцами.
с ними какой-то бизнес делает.

Ники спросил, что за бизнес. Петро сказал, что речь
т о целом грузовике телевизоров. Краденых телеviso-
з. Юрий пошел на самостоятельные действия не ради
ег. Просто он полагал, что может вступить в союз с
льянцами в Бруклине, которые, как он считал, были
гами Муски.

— Почему он мне ничего не сказал? Почему вы оба
зу мне ничего не сказали? Слушайте, ты, Петро, и ты,
ся, вы же оба умные люди. И понимаете, что это вели-
ишая глупость. Мы эту публику не знаем, мы тут чужа-
Господи, да мы же для них — общий враг!

— Ты будешь встречаться с Малатестой, — сказал Ва-
сий тихо; в глазах его был страх.

— Да. Потому что знаю, что ему от меня нужно. Знаю,
я ему нужен. — Ники шумно выдохнул. — А Юрий
осто не думает.

— Он знает этих бруклинских итальянцев, — сказал
тро. — Он с ними проворачивал кокаиновый бизнес.

— Ты что, хочешь мне еще один сюрприз преподнести,

Петро? — спросил Ники. — Ты хочешь сказать, что в Юрием все еще в этом бизнесе?

— Нет-нет, что ты! Мы завязали. Ну, было дело — нам продали несколько унций. Но это было уже да! Они ненавидят людей Муски, вообще они другие. Мож ты не понял, Ники? Это совсем другие люди. Соверше независимая от Муски группа.

Ники грохнул кулаком по столу. Петро подпрыг всеми своими сотней с лишним килограммами.

— Сколько раз повторять тебе, Петро, что это мы с сем другие люди! Это мы совершенно чужие всем! Е мы о себе не позаботимся, они сотрут нас с лица зем будто нас и не было вообще! Ты можешь позвон Юрию? Как до него добраться?

— Да нет, — ответил Петро. — Ты же его знаешь, улетает, как ветер.

— Значит, он ушел, — констатировал Ники.

— С ним все будет в порядке. Юрий достаточно х и соображает, что делает, — сказал Василий.

— Дай Бог, чтоб это было так, — сказал Ники и пририл новую сигарету от той, которая еще дымилась. Черт бы его подрал, этого Юрия, — сказал он в сердц

13

Пятница, утро

Винни вышел из дома и отправился в Клуб Весел Ребят на Третьей улице. Под мышкой он прицепил маг тофон "Награ", а микрофон был приклеен к груди. Ко выбрил на его волосатой груди полянку в квадрате дюйм. От этой процедуры Винни разобрал смех. А сей его прошиб пот и жгло грудь.

Пиджейс и Тото сидели на стульчиках у входа в клу принимали солнечные ванны. Они помахали ему: деск рады видеть. Ему нужен был Тото, но никак не Пидже Предстояло разъединить их, в этом был фокус.

— Привет, Пиджейс! — сказал он и повернулся к Т Наклонившись к нему так, чтобы тот говорил прям микрофон, Винни зашептал:

— Мне надо увидеть Бальзамо. Дело есть к нему.

Тото поднялся со стула, взял его под руку и сказал:

— Пошли пройдемся.

Винни помахал Пиджейсу, тот закивал головой — димо, догадался, что им с Тото нужно поговорить нае, не. Безобидный дурак.

— Бальзамо и Юниора нету. Вернутся не раньше вече-

— Вот черт, — сказал Винни. — А мне надо потолко-
чь с ним.

— Вечером, не раньше.

— Слушай, Тото! А может, ты мне поможешь? Я, ко-
ню, извиняюсь, что запарол тогда операцию с травкой.
осто не люблю держать при себе никакого дурмана,
и все.

Тото прислонился к счетчику на стоянке машин и пос-
трел прямо в глаза Винни.

— Тебе чего надо, Ба-Ба? Что у тебя за дела с нами?

— Ты понимаешь, нужны башли. В долг.

— В долг? Пойди в банк.

— Да ладно тебе, — сказал Винни.

— Ты мне свое "да ладно" не суй. Кто тебе даст баш-
? Спятил, что ли? — Винни совсем растерялся, слова
ло — не знал, что сказать. Не ожидал он, что его
изу отошьют. Понимал, конечно, как они относятся к
лу — бывшему мелкому торговцу наркотиками. Но с
гой стороны, он когда-то делал все как положено, вы-
тнял их поручения.

— Ну достань хотя бы немного товара, а я в розницу
икану, — попросил Винни. — Башли нужны, пони-
ешь?

— Винни, ты что мне мозги тут крутишь? Зачем тебе
ьги?

— Хочу такси купить. Нужно тысяч пять.

— Для такси, Винни, нужна только лицензия.

— Мне своя машина нужна. Хочу сам бизнесом зани-
гься.

Винни понимал, что следовало действовать осторож-
Надо было показать Тото, что он будет очень ему бла-
дарен, что он сильно его уважает. На самом деле ему
елось задушить Тото на месте и бросить труп под авто-
.. Разговор получался трудный — гордость мешала.

— Послушай, Тото, — сказал он, склонив голову. — Я
шь не замаран, я давно чист. Я понимаю, ты меня счи-
шь фрайером, мол, откололся от дела. Это совсем не
. Я всегда тебе услужу, только свистни. Скажи, что сде-
ь, и я сделаю.

— Винни, тебя никто не знает. Тебя давно не видели,
ял? Где ты ошивался, что делал, с кем снюхался — мы
знаем. Надо потереться среди народа, надо показать
я. Усекаешь, Винни, о чем я?

"Падла, — подумал Винни. — Не хватало лизать жопу
му гаденышу".

— Ты босс, Тото, — ответил он. — Я верю только тебе,

Тото, и работаю на тебя. Ты толковее остальных — все знаешь, как надо делать дела.

Винни говорил тихо, почтительно опустив голову. Иногда бросал взгляд на Тото, нервно улыбался и тряс головой.

— О'кей, — сказал наконец Тото. — Я дам тебе одельце. — Он вдруг обнял Винни и коротко тиснул. Балда ты, Винни, но ты мне нравишься.

Винни прикусил язык, пытаясь изобразить улыбку. Это оказалось нелегко.

— Хорошо, Винни, хорошо. Ты мне понадобишься, сомневайся.

— Так ты поговоришь с Бальзамо?

— Это — потом. Может, тебе не понадобится идти к Бальзамо. Сделаешь для меня кое-что, а я позабочусь, чтоб ты заработал.

Винни удалось-таки изобразить улыбку.

Послышался пронзительный свист Пиджейса. Ви обернулся и увидел Бальзамо, Юниора, жирного Ф. Энтони, они направлялись к двери клуба. К бровке под тил автомобиль и остановился позади машины Фэта тони. Из него вышли два незнакомца. И вдруг, как во он узнал лицо одного из них. Он где-то видел его, мол и не лично, а на фото в газете.

— Ладно, пошли, Винни, — сказал Тото. — Держ меня и помалкивай.

Они двинулись к клубу.

Бальзамо, Юниор и Фэт Энтони сидели за столом двое, что подъехали следом за ними, стояли за спиной Бальзамо, опустив глаза. Тото остановил Винни у входа, сам подошел и сел за стол, глядя на человека, которого Винни показался знакомым. Винни прошиб пот, магнитфон "Награ" сдвинулся у него под мышкой.

Бальзамо глянул на Винни и громко сказал:

— Эй! А что тут этот придурок делает?

Тото зашептал Бальзамо на ухо. Тот решительно застал головой. Винни не двинулся с места, хотя знал, его сейчас попросят выйти вон.

Тото встал из-за стола и подошел к нему.

— Тебе придется уйти, Винни, — сказал он.

— Конечно, босс. Я подожду на углу. Может, тебе шину помыть или еще что?

Тото широко улыбнулся. Он был доволен.

— Нет, парень, мыть машины — это не для тебя. Все мы за шкуру Пиджея, пусть он моет. О'кей?

— Слушаюсь, босс, — ответил Винни, — слушаю. Ишь, какой пердила здоровый! — Он указал подбородком на крупного мужчину, стоявшего за спиной Бальзамо.

— Не болтай! Гони Пиджея мыть машину! — Тото выткнул его наружу.

На улице Пиджейс сообщил ему:

— Это Матти Муска пришел, Винни. Видел его?

Ники вылез из такси на углу Пятьдесят шестой улицы Тяттой авеню. Был час пик, и весь блеск, вся роскошь плеснулись на улицы города; кругом были модные ряды, блестели драгоценности на пальцах. Женщины ю-Йорка — самые красивые в мире, подумал Ники. Но товы бы они были без косметики, кремов, духов, шампней и теней? Каково им было бы в изнурительных московских очередях? Здесь-то все для них: оттого они такие теньные.

Женщины улыбались, взгляды их были дружелюбны, одна грациозная американская головка повернулась, звожая его взглядом, пока он шагал по Пятьдесят восьмой улице к Устричному бару. Князь Пушкинской площади шествовал к знаменитой "Плаза". Какая приятная слы!..

У самого входа в бар кто-то похлопал его по плечу. Он лниеносно обернулся, готовый ко всему. Щегольски зтый мужчина в костюме и пальто, с огромным сапфими на пальце приветливо улыбнулся и спросил:

— Николай Зораков? Ники?

Он кивнул.

— Меня зовут Джон Рено, — продолжал незнакоц. — Я личный шофер мистера Малатесты. Мне поручо отвезти вас к нему.

— Хорошо, — согласился Ники, пожав плечами.

Джон Рено открыл заднюю дверцу "мерседеса". Мана была примерно такая же, как у его напарника Юрия, то вызвало невольную улыбку у Ники.

Некоторое время они ехали молча. Потом Джон Рено хосил:

— Вам нравится Америка?

— Здесь чудесно, — спокойно ответил Ники. — Правя пока мало видел.

Джон Рено ухмыльнулся — своего рода жест безав — и кивнул головой. Ники заметил, что водитель ательно изучает его в зеркальце заднего вида. От этого у стало не по себе.

— Куда мы едем? — спросил он.

— Тут недалеко.

Ники уставился в окно и подумал, что эта публика разаривает на особом, кодированном языке, изъясняется аконченными предложениями.

— Вам бы стоило съездить в Лас-Вегас, — сказал он Рено. — Или в Атлантик-Сити. Вот там — настоя-

щая Америка. Понимаете, что я имею в виду? Нью-Йорк — это так. Надо Лас-Вегас повидать. Вот это место — Может быть, когда-нибудь побываю.

Джон Рено лихо лавировал в потоке машин, аккуратно объезжая пешеходов. Когда на перекрестке вспыхнул красный свет, он успевал проскакивать в последний момент. Улицы были переполнены, но создавалось впечатление, что "мерседес" мчится, не замедляя хода. Ники вольно восхитился мастерством вождения Джона Рено.

— Я слышал, Вермонт и Мэйн — тоже места красивые, — сказал Ники.

— Где это?

— Мэйн и Вермонт? В Новой Англии. Говорят, вся Новая Англия — красивый край.

— Нет, — возразил Джон Рено. — Ничего там нет, кроме камней да деревьев. Если вам нравится снег и лед, тогда это, может, и красиво. Но делать там нечего.

Они выбрались из тесноты улиц к мосту, и тут Джон Рено без всякого предупреждения и сигнала круто повернул влево, пересек разделительную черту и три ряда встречного движения и, не сбавляя скорости, помчался обратно. Ревели клаксоны, тормозили машины, но водитель неумолимо поглядывал в зеркальце заднего обзора. Ни он не ожидал, что сейчас появится полицейская машина, но в одной не оказалось поблизости. Джон Рено был профессионалом. На Ники этот трюк произвел впечатление, хотя на какой-то миг в груди шевельнулся страх.

— Прошу прощения, — извинился Джон Рено и продолжал как ни в чем не бывало: — Так что Вермонт и Мэйн — места скучные. Не на что посмотреть. Приличного итальянского ресторана на многие мили ни одного.

Они въехали в подземный гараж под жилым небоскребом. Подошли двое темнокожих, говорившие с карибским акцентом. Один попросил ключ от машины, второй начал выписывать квитанцию за парковку.

— Вы что, ребята, новички или кто? — бросил Джон Рено.

Он прошел мимо них и сунул ключ мрачному человеку, который немедленно сел за руль и отрегулировал сиденье поудобнее для себя, словно собирался провезти какое-то время в машине.

Джон Рено обнял Ники за плечи и провел его через дверь в вестибюль здания. Повсюду были телевизионные камеры. По крайней мере две следили за гаражом, одна просматривала коридор, ведущий в вестибюль с выходом на улицу. Под наблюдением были и лифты. Наверно, в Лубянке телекамер меньше, чем здесь.

На лифте они поднялись на восьмой этаж. В здании царил тишина. Все выглядело элегантно, полы застелены

дорогими паласами, бронза и деревянная обивка отпояваны.

Они вошли в квартиру, которая на самом деле представляла собой несколько апартаментов, соединенных чными проходами с застекленными дверями.

Ники вошел в комнату с полированным паркетным полом. В центре ее лежал бело-голубой восточный ковер. С потолка свисала хрустальная люстра тонкой работы. Стены были украшены тремя зеркалами в позолоченных рамах и туманной венецианской картиной. Два кресла и диван окружали низенький столик, в центре которого стояла фарфоровая статуэтка.

В Москве Виктор Воск научил Ники разбираться в антиквариате. Мебель в этой комнате была ценной, хотя и фактичной. Обстановка впечатляла.

Пол Малатеста, могущественнейший из могущественных, жил поистине среди лучшего из лучших.

Джон Рено предложил Ники сесть на диван и удалился из комнаты. Спустя несколько секунд появился Пол Малатеста в черных вельветовых брюках, в красном кашемировом свитере с треугольным вырезом, в домашних тапочках. Ники заметил, что туфли были надеты на босу ногу.

Пол выглядел загорелым и пышущим здоровьем. Сидя, он так, словно Ники был ему старым другом, даже родственником, и уж в любом случае — товарищем.

— Ники! Как поживаешь, мой друг? Выглядишь ты прекрасно, но, по моему, малость устал, верно?

Когда Ники поднялся с дивана, чтобы приветствовать гостя, Пол Малатеста обнял его и слегка потрепал по плечу маленькой мягкой ладошкой. Ники напрягся.

— Ты слишком много работаешь, Ники. Цвет лица у тебя — не очень. Тебе надо отдохнуть, — сказал он самым жестким тоном, садясь в высокое вольтеровское кресло с витиеватой резьбой на спинке. Ники не удивился бы, если бы в комнату вошли бы прекрасные женщины, украшенные драгоценностями, и уселись у ног донна Пола Малатесты.

На тумбочке в углу комнаты Ники разглядел французскую вазу и большую чашу для фруктов. Но пепельницы нигде не было.

— Не возражаете, если я закурю? — спросил он.

— Милости прошу, хотя курение убивает. Рано или поздно курение убьет тебя. — Пол Малатеста опять улыбнулся.

— Смерть все равно неизбежна, — ответил Ники. — Меня больше интересует — как жить, а не как умереть. — Он извлек сигарету и закурил.

дорогими паласами, бронза и деревянная обивка отпозваны.

Они вошли в квартиру, которая на самом деле представляла собой несколько апартаментов, соединенных иными проходами с застекленными дверями.

Ники вошел в комнату с полированным паркетным полом. В центре ее лежал бело-голубой восточный ковер. С потолка свисала хрустальная люстра тонкой работы. Стены были украшены тремя зеркалами в позолоченных рамах и туманной венецианской картиной. Два кресла и диван окружали низенький столик, в центре которого стояла фарфоровая статуэтка.

В Москве Виктор Воск научил Ники разбираться в антиквариате. Мебель в этой комнате была ценной, хотя и фактичной. Обстановка впечатляла.

Пол Малатеста, могущественнейший из могущественных, жил поистине среди лучшего из лучших.

Джон Рено предложил Ники сесть на диван и удалился из комнаты. Спустя несколько секунд появился Пол Малатеста в черных вельветовых брюках, в красном кашемировом свитере с треугольным вырезом, в домашних тапочках. Ники заметил, что туфли были надеты на босу ногу.

Пол выглядел загорелым и пышущим здоровьем. Сблизился он так, словно Ники был ему старым другом, даже родственником, и уж в любом случае — товарищем.

— Ники! Как поживаешь, мой друг? Выглядишь ты прекрасно, но, по-моему, малость устал, верно?

Когда Ники поднялся с дивана, чтобы приветствовать друга, Пол Малатеста обнял его и слегка потрепал по голове маленькой мягкой ладошкой. Ники напрягся.

— Ты слишком много работаешь, Ники. Цвет лица у тебя — не очень. Тебе надо отдохнуть, — сказал он самым жестким тоном, садясь в высокое вольтеровское кресло с витиеватой резьбой на спинке. Ники не удивился бы, если бы в комнату вошли бы прекрасные женщины, украшенные драгоценностями, и уселись у ног донна Пола Малатесты.

На тумбочке в углу комнаты Ники разглядел фарфоровую вазу и большую чашу для фруктов. Но пепельницы нигде не было.

— Не возражаете, если я закурю? — спросил он.

— Милости прошу, хотя курение убивает. Рано или поздно курение убьет тебя. — Пол Малатеста опять улыбнулся.

— Смерть все равно неизбежна, — ответил Ники. — Меня больше интересует — как жить, а не как умереть. — Он извлек сигарету и закурил.

Малатеста откинулся в кресле и засмеялся. Вот Джон Рено. Он нес серебряный поднос с кофе, бутербдами и бутылкой любимого бренди Ники. Расставив это на столике, Джон Рено стремительно вышел и тут вернулся с пепельницей.

В этой комнате никого не убивают, подумал Ники. Г Малатеста не позволит пачкать кровью эти апартаменты. Не было дня, чтобы Ники не вспоминал уроки, которые ему преподавал в Москве его друг из милиции Вик Воск. Смотри собеседнику в глаза, говорил ему старший милиционер, ты увидишь, что психопатство и страх все отражаются во взгляде. Трудно было лишь определить различие между тем и другим.

— Зато вы выглядите прекрасно, — сказал Ники.

— Итальянское солнце и здоровые гены — вот в секрет.

— Наверно, мне стоило бы жить там.

— В Италии?

— Да. У меня там друзья.

— Я так и понял. Но Италия не для тебя, Ники. Страна вся напичкана коммунистами, преступниками и террористами. Италия сгинула, Ники, она в руках красных. Ты понимаешь, что я имею в виду.

Ники не верил его голосу, не доверял собственному слуху. По-английски тот говорил хорошо, но некоторые слова ему не удавалось расслышать, иногда смысл сказанного не доходил до него, даже жесты сбивали с толку. Когда он высказал это вслух, Пол Малатеста выразил свое сочувствие.

— Приехать в чужую страну, играть в незнакомую игру, по новым правилам — это очень трудно, если сказать — невозможно, — ответил он. — Но ты делаешь успехи, можешь гордиться этим.

Начался спокойный, дружеский разговор. Пол Малатеста был опытным совратителем, он умел обворожить человека. Ники хотелось выпить водки. Полчасу шел разговор о жизни в Соединенных Штатах, о ночном клубе жизни в Москве. Сандвичи были вкусными, кофе — уютным; масса новых вкусовых ощущений. Бренди самого высшего качества. Оно согрело Ники, и он чуточку расслабился. Алкоголь — русский опиум... Ники чуть потерял бдительность.

— Твоя информация оказалась очень точной, — сказал наконец Пол Малатеста.

Ники кивнул и сказал:

— Рад быть полезным.

— Знаешь, ты бы мог работать на меня. Как тебе такая идея? Евреи и итальянцы прекрасно срабатываются. У

здесь, в Штатах, долгая и весьма успешная общая история.

Ники совершенно не понимал, что имеет в виду Пол Малатеста. Какая история? К тому же опять эти разговоры о евреях — тема, которая ему достаточно опротивела. Нет, никогда он не станет другом Пола Малатесты, этого скользкого угря.

Ему хотелось спросить: "За что Фрэнки Муска убил моего друга Сонни Ипполито, его брата и его дядю?" Теплый коньяк перемешал в сознании воспоминания и эмоции. Ники уже не очень доверял и самому себе. Он знал ту грань, когда его английский становился невинным. Возможно, это глупо, но сейчас он совсем не боялся Пола Малатесты. Ники готов был поклясться, что этот человек не способен собственноручно творить насилие. Он, однако, поостерегся сказать что-либо, что могло быть неправильно истолковано. Он достаточно хорошо знал изнанку жизни, чтобы чувствовать разницу между шахматной партией и дуэлью на финках. Не забывал он и о присутствии Джона Рено. Вот кто настоящий убийца, подумал он.

— Сонни Ипполито не заслужил смерти, — неожиданно для себя произнес Ники.

— Ты зря так уверен, что я имею к этому отношение. Матти Муска просто психопат, — сказал Пол Малатеста и налил Ники еще рюмку. — Тебе разве не приходилось иметь дело с неуправляемыми идиотами?

— Приходится, — согласился Ники, вспомнив Юрия. Он вдруг подумал: где сейчас может быть Юрий? Не попал ли в беду?

— Не будем тратить время на разговоры о дураках. Есть кое-что поважнее. Вот об этом стоит поговорить.

— Матти Муска собрался убить меня. Это я точно знаю, — сказал Ники.

— Поверь мне, такого шанса ему никогда не представится. — Пол Малатеста улыбнулся. — Лучше скажи мне, откуда у тебя информация насчет того человека в Италии.

— У меня в Риме есть друг, — ответил Ники.

— Твой друг оказался абсолютно прав. Мы теперь знаем, кто этот человек. Теперь нам нужно узнать, где он. За это ты заработаешь миллион долларов.

— Я не уверен, что мне удастся разузнать это, — сказал Ники.

На мгновение на лице Пола Малатесты появилась гримаса боли.

— Именно такого ответа я опасался.

— Извините, — продолжил Ники. — Но думаю, что со временем я узнаю. — Он подумал о Вике: сможет ли она выудить информацию из своего любовника.

— О! — сказал Пол Малатеста. — Это уже хорошо. Это прекрасно. Но мы должны все знать как можно скорее. Ты понимаешь почему?

Ники снова ощутил беспокойство. Он выпил еще рюмку. Не помогло. Его пробрала дрожь, и он потер грудь ладонью.

— Мне понадобится два, может, три дня, — сказал Ники.

Пол Малатеста потирал ладонью лицо. Думает, как ему выжить, решил Ники. Когда он посмотрел Ники в глаза, у него был взгляд человека, углубившегося в проблему, которую никто здесь не может решить.

— Ты знаешь... Даже два или три часа, может быть, будет слишком много, — сказал он наконец.

Впервые Ники заметил в глазах Малатесты страх. Тот человек в Риме реально мог убить его. Теперь сила была в руках Ники, он это понял. Он играл партию, имея трех ферзей. Информация имела жизненно важное значение, а Ники, как говорили его знакомые, мог стать мастером спорта по шахматам.

— Я сделаю все, что в моих силах, — сказал он. — Но что, если... — Он сделал паузу и посмотрел в глаза Малатесты. — Что, если после того, как дело будет сделано и ваша безопасность будет обеспечена, — Пол Малатеста поморщился при слове "безопасность", — я и мои друзья не будут оставлены в покое? Где гарантия, что вы не решите, будто я слишком много знаю? Что остановит вас от расправы надо мной? — Все это он высказал спокойно и тихо.

Пол Малатеста отпил кофе из чашки, сделал глоток коньяку. Потом взял Ники за плечо и слегка сжал его пальцами.

— Ты должен мне верить, Ники. Что еще я могу тебе сказать?

Похоже было, Пол Малатеста искренен, но для Ники все это было чуждым и враждебным. Он не видел ни искорки доброты в этом человеке. Пол Малатеста был бандит, какой бы мимикой ни пользовался, изображая искренность. Ники был для него аутсайдером, в этом не могло быть сомнения. Способен ли Пол Малатеста увидеть в нем личность, товарища? Или же смотрит на него как на чужака, которому ничего не ведомо о его мире, его связях, его привязанностях? Может ли Малатеста сочувственно относиться к его желанию — жить в покое? Может ли вообще такой человек с уважением относиться к другим? Он смотрел в его глаза, пытаясь найти в них ту открытость, которую нашел у своего убитого друга Сонни и его дядюшки. Увы, здесь он видел лишь скользкую тварь, которая улыбалась, сворачиваясь в кольцо в дальнем углу

ловушки. Ловушки, которая пока что не убила его, но и не давала шансов на освобождение. Используя руку дружбы, Пол Малатеста пытался нашарить ключ. Мог ли этот человек быть кому-либо другом?

Да, как-то не так пошла жизнь Пола Малатесты. Где-то он допустил ошибку. Сколько людей будет убито из-за этой одной ошибки? И когда Пол Малатеста почувствует себя наконец в безопасности? Вот он откусил кусочек сэндвича, положил его обратно на поднос. Жуя, он не спускал с Ники глаз... Не мог ли он прочесть его мысли?

— Доверие — странная штука, — сказал Ники. — Я в своей жизни доверялся по крайней мере нескольким людям, и они никогда меня не предали, не подвели. Доверие — черта русского характера. Мы, русские, верим всем подряд.

— Неужели? — удивился Пол Малатеста. — А я читал другое. Насколько мне известно, вы, русские, — самые крупные параноики в истории человечества. Хотя сам я считаю, что вы достаточно интеллигентны, чтобы быть параноиками. По крайней мере, я надеюсь, что это так. В противном случае, если я ошибся...

— Когда вы говорите о паранойе, — перебил его Ники, — вы говорите о государстве, о руководстве, не о народе. Русский народ по натуре добр и доверчив. Правительство — другое дело.

— Ну, извини, я забыл, значит, Россией правят не иначе как французы или, может, греки. Ладно, Ники, будем серьезнее.

Для Николая Зоракова, однако, все это было вполне серьезно. Все эти иностранцы, чужеземцы, американцы воображают, что они все знают о Союзе. Самонадеянные дураки.

— Ну, прежде всего это Советский Союз, а не Россия. Только в Америке любого советского называют русским, хотя там пятнадцать национальных республик. Россия — лишь часть Союза, одна из многих.

— Насколько я знаю, вы все тут — русские.

— Ошибаетесь.

— Бери сэндвич, — предложил Пол Малатеста. — Не волнуйся из-за ерунды.

— Что вы называете ерундой? — спросил Ники.

— А то, что все эти руководства и правительства — дерьмо.

— Извините, не понял.

— Ники, ты и я, мы живем в одном мире, а все остальные живут в другом. Мы достаточно смелы, чтобы взять мир за яйца и скрутить его, как нам нужно. Мы насквозь видим всех, кто врет, будь то здесь, или в России, или в Японии, или в Европе, где угодно. Люди вроде нас с то-

бой объединены невидимыми узами. Мы — смелые люди.

— Ну что ж, за полет! — предложил тост Ники и медленно поднял взгляд на Пола Малатесту. Тот широко улыбался. Ники залпом выпил рюмку бренди.

— Послушай, Ники, а сколько я смог бы продержаться в России?

Ники задумался. Вопрос был задан вполне серьезно. Станные эти американцы.

— Секунд тридцать, — ответил он. Тут алкоголь взял верх, он расслабился, засмеялся и хлопнул в ладоши. — Чтобы жить так в Союзе, вам надо было бы быть премьером, руководителем страны или еще каким-нибудь крупным деятелем.

— Тогда почему ты считаешь, что здесь все как-то иначе? — сказал Пол Малатеста. Но тут же сам засмеялся, потом взял бутылку и налил бренди в обе рюмки, расплескав его по полированной поверхности столика.

В течение часа из клуба никто не выходил. Потом вышли все разом и направились к автомобилям, перешептываясь на ходу. Тот кивком головы предложил Винни идти за ним и направился к своей машине. Он шел вразвалочку, сунув руки в карманы, курил и смотрел на трещины в асфальте.

— Винни, садись за руль, — сказал он. — Поедем, куда я скажу.

Тото выглядел чем-то расстроенным, словно получил взбучку.

Весь этот час Винни провел на улице, ломая голову над тем, как бы отключить магнитофон. Корсо сказал ему, что он может записывать непрерывно в течение девяноста минут, не больше. Винни хотелось сберечь часть пленки: жалко было расходовать ее на болтовню с Пиджейсом. Сейчас он был уверен, что пленка закончилась. Однако Корсо, опытный сотрудник ФБР, учил его ни при каких обстоятельствах не выключать магнитофон и затем снова не включать его. Сказал, что такая запись будет на суде бесполезной. Поскольку Винни теперь стал настоящим агентом, он старался строго следовать правилам. Корсо не просто нажал кнопку записи, но и заклеил ее сверху скотчем. Чтобы добраться до этой кнопки, Винни пришлось бы раздеться.

— Не надо так осторожничать, — сказал Тото, — гони быстрее.

“Сволочь, — подумал Винни, — даже не сказал, куда ехать”.

— А куда ехать-то? — спросил он.

— До здания суда, потом направо, по Четвертой улице. Дом моей сестры будет третьим от угла справа.

Он припарковал машину возле пожарного крана, неподалеку от перекрестка. Тото посмотрел на него с легкой улыбкой.

— Я убедил Бальзамо, что тебя стоит проверить на деле, — сказал он. — И знаешь — тебе с ходу повезло. У нас с тобой есть работенка. Причем дело серьезное. Там будут важные люди. Вообще ты мне нравишься, Ба-Ба. Ты вкладываешь в дело больше души, чем многие из команды.

Винни кивнул, и его тут же бросило в пот.

— Я забегу к сестре, заберу кое-что. Потом поедem к складу утиля, знаешь, где Фэт Энтони обитает. Там шлепнем того русского говнюка в ковбойской шляпе. Ты помнишь его?

Винни снова кивнул.

— Для него отсчет времени уже начался, а он об этом и не подозревает. Хе-хе. Люблю такие дела.

— А Бальзамо не возражает, если я поеду туда?

— Поедешь? Ба-Ба, ты самый счастливый человек на свете. Тебе доверили спустить курок, понял? Классное у тебя начало. Я рад за тебя, Винни, сука буду.

Винни прокашлялся и молча посмотрел на Тото. Тото кивнул и потрепал Винни по щеке, словно благословляя.

— Я всегда знал, что мне рано или поздно повезет, — сказал Винни.

— Правильно, Винни. Когда продемонстрируешь свое уважение, хорошие вещи не заставят себя ждать.

Тото приблизил лицо вплотную к Винни, и тот подумал: "Если он меня поцелует, я сдохну. Придется просто удавить этого гада".

— Добро пожаловать в братство Коза ностры, — сказал Тото торжественно.

Он вышел из машины и вперевалочку зашагал к дому своей сестры. Когда он вошел в подъезд, Винни торопливо вылез из автомобиля. "Боже милостивый, — думал он, — ты добр, ты живешь в Бруклине". Он подбежал к телефонной будке на углу, бросил четвертушку и набрал номер Алекса. "Боже милостивый, Боже всемогущий, окажись дома, Алекс, — повторял он мысленно, — будь дома, ради Бога". Послышался гудок, еще один, потом заговорил автоответчик: "Вы знаете, кто я. Подождите сигнал и сделайте ваше сообщение. Я перезвоню вам, как только буду дома".

— Алекс! Если ты мне не поможешь, я должен буду убить русского на Стэйтен Айленде, — сказал Винни. Потом закричал в трубку: — Ты слышишь?! Они хотят, чтобы

я прикончил одного из этих русских, того, что в ковбойской шляпе. Алекс, что мне делать?!

Винни успел сесть за руль к тому моменту, как Тото вышел из здания.

— Ты готов? — спросил он Винни.

— О чем речь? Поехали.

Ночь была темная — ни луны, ни звезд. Воздух, вяло текущий в Стэйтен Айленд со стороны Нью-Джерси, был тяжел от смрада. Хотя Юрий держал окна "мерседеса" закрытыми, вонь проникала в автомобиль, раздражая его чувствительный нос, который начинал кровоточить, когда он тер его.

Он перебрал кокаина, но это его не тревожило. Фары первой машины свернули на его улицу. Машина припарковалась позади него перед входом на склад Фэта Энтони.

Следом показались огни второй машины, потом третьей и, наконец, четвертой. Юрию было непонятно, почему так много людей собралось для встречи с ним. Однако ничего тревожного он в этом не усмотрел. Напротив, выходит, что он очень важен для них. В первой машине находились Фэт Энтони и Бальзамо. Кто был в остальных, его не интересовало.

Ворота на склад раскрылись со скрежетом. Бальзамо дал знак Юрию, чтобы тот въехал во двор. Остановив во дворе машину, Юрий заколебался, выходить из машины или не выходить. Грязь жуткая, потом полчаса не отчищишь ботинки. В небольшой будке вспыхнул свет: там была контора Фэта Энтони. В луче света появился Бальзамо и нетерпеливо помахал Юрию, чтобы тот поторапливался.

Юрий принял свое решение за день до этого и сразу же позвонил Бальзамо. Последние дни подтверждали его худшие опасения: отношение к нему со стороны Ники стало портиться. Петро явно его оттеснял. Юрий понял: стоит потолковать с Бальзамо и взять дела в свои руки.

Петро, как и Ники, по-настоящему не разбирался в американцах. Зато он, Юрий, видел их насквозь; он знал, как надо разговаривать с ними, как натравливать их друг на друга. Бальзамо не раз говаривал вскользь, что Матти Муска — дурак. Психованный дурак, способный на любое безрассудство. Вот Юрий и позвонил Бальзамо, чтобы организовать эту встречу. Он скажет ему, что готов пришить Матти Муску. Тогда Ники оценит его по-настоящему, ему это понравится. Они устроят хорошую гулянку в клубе, и он, Юрий Ягодин, будет почетным гостем, героем дня. Ники объявит тогда об открытии еще одного ресторана, шикарного ночного клуба, где он, Юрий, будет хозяином. Может, даже подумает насчет бизнеса с кокаином. Со-

всем немного, не так, как они шуровали с Петро и Сонни; чтобы хватало на оплату счетов. А счета, должно быть, будут высокими. Но и кокаин стоит дорого. Юрий обнаружил, что не может жить без кокаина, как без своей ковбойской шляпы.

Винни вошел в кабинет Фэта Энтони, Тото шел впереди. Станный русский крепыш в ковбойской шляпе посмотрел на него как на незваного гостя, словно здесь собрались самые близкие друзья.

У русского была темная кожа, что для Винни было совершенно неприемлемо. Он считал, что русские — сплошь блондины с голубыми глазами либо лысые и пузатые. Этот парень был невысокого роста, коренастый, с карими глазами, в блеске которых Винни усмотрел кокаиновый кайф.

Этот человек должен умереть — вот в чем Винни был твердо уверен. Но сам русский об этом не подозревал. А может, просто был чокнутый: ни намёка на страх. Придурак, видно. Да и выглядит таким.

В комнате их было шестеро. Бальзамо сел за письменный стол Фэта Энтони. Сам Фэт, Юниор и Тото расположились в креслах. Винни и русскому предложили сесть на скамейку, обитую пластиком. Бальзамо порылся в кармане и извлек одну из своих вонючих маленьких сигарильос. Винни эта тонкая сигара показалась похожей на член обезьянки. Он немало их повидал, когда бросил школу и стал промышлять наркотиками в Бронксе. С товаром в карманах он обычно ошивался в зоопарке, глядя на львов и тигров, вонючих пингвинов и на обезьяньи пенисы. "Почему мне такие мысли в голову лезут? — подумал он. — Ведь я боюсь куда больше, чем этот русский кретин с его ковбойской шляпой".

В комнате буквально висел запах смерти. Винни подумал, что этот придурочный засранец все же нервничает: он снял свою шляпу и крутил ее на пальце.

— Нам есть о чем потолковать. Ты-то чего хотел? — обратился Бальзамо к русскому, не глядя на него и вертя в пальцах сигару. При этом он смотрел в стол, словно изучал какую-то бумагу.

— В общем, так, — сказал русский. — Может, вы можете мне найти Матти Муску, а я за это окажу вам одну услугу. Бесплатно. Никаких башлей.

Бальзамо ничего не ответил. По-прежнему вертя сигару, он повернулся к Юниору, который с готовностью поднес ему горящую спичку.

— Чего ради мы будем помогать тебе найти Матти? — сказал Фэт Энтони, покачивая головой и глядя на Бальзамо.

— Матти — наш кормилец, — сказал Бальзамо.

Винни глотнул и посмотрел на Тото, который облизывал губы и глазел по сторонам.

Русский все вертел в руках свою шляпу, потом надел ее, снова снял. Это выглядело как сигнал: дверь в кабинет открылась и появился Матти Муска.

— Можно? — спросил он.

Его шумно приветствовали все присутствующие, кроме Винни и русского, который, сидя на скамье, тяжело задыхался. Винни закрыл глаза; на миг ему показалось, что он каким-то чудом может исчезнуть из этой комнаты. И очутиться там, где находится Алекс. Подумал он и об агентах ФБР: может, они уже в засаде, где-то поблизости, наблюдают за ними, переговариваются через портативные передатчики условными фразами, ждут сигнала, чтобы ворваться в дверь с золотыми бляхами в руках: "Мы из ФБР! Игра кончена!". Винни так крепко зажмурил глаза, что представил эту картину вполне реально. Послышался голос русского:

— Почему ты вечно устраиваешь неприятности? Никто не хочет здесь неприятностей. Ты сумасшедший. Ты устраиваешь слишком много неприятностей.

Матти хрипло заорал на русского и ударил себя в грудь; так он делал, когда терял контроль над собой:

— Падла! Сволочь поганая! Ты думал, эти ребята меня продадут? Такому говнюку, как ты?!

В тот же миг у всех в руках оказались пистолеты, их не было только у Винни и русского. Тото толкнул плечом Винни и попытался сунуть ему в руки оружие, но опоздал: Винни нырнул вниз и плашмя упал на пол. Захлопали выстрелы. Он увидел, как русский выдернул из своей шляпы нож. С воплем он метнул его в Матти; нож вонзился в косяк чуть повыше головы Матти.

Больше он ничего не смог увидеть, потому что уткнулся лицом в пол возле скамейки. Русский, которого, как он вспомнил, звали Юрий, упал на него, бормоча что-то. Из ран на его теле хлынула кровь.

Винни сбросил с себя тело русского, попытался вскочить, но поскользнулся в луже крови и рухнул на спину. Он ударился локтем о пол и ощутил резкую боль. Раздался крик Бальзамо:

— Это еще что за блядство?

Он повернулся и увидел магнитофон, вывалившийся из-под рубашки.

— Убить суку! — завопил Юниор. — Записывал, гад! Бей его!

— Не стрелять! — скомандовал Матти Муска. Его трясло от ярости, он оттащил от Винни тело Юрия.

— Ты понял, Тото?! — выкрикнул Бальзамо. — Ты

онял, Тото? Я говорил тебе, что он задает слишком много вопросов!

Винни, закрыв глаза, шептал: "Боже милостивый, Боже, сделай так, чтобы я исчез отсюда..." Перед глазами его возник образ Алекса. Рука онемела, он не мог пошевелить ею. В нос ударило смрадное горячее дыхание Юниора.

— Я тебя своими руками удавлю, сука жирная...

Юниор ударил Винни в лицо, размахнулся и ударил еще раз. Винни улыбнулся, и Юниор нанес ему еще один дар.

Фэт Энтони вертел в руках магнитофон, пытаясь его открыть:

— Что это за штука? — сказал он с досадой.

— А что это, по-твоему? — спросил Матти Муска.

Цепляясь за скамейку, Винни кое-как поднялся. Тото устрелил ему в плечо. Он пошатнулся, но устоял на ногах.

— Болван! Что ты делаешь?! — заорал Матти Муска и даром сбил Тото с ног, Бальзамо еле успел подхватить его на руки.

Винни сел в кресло. Вся правая сторона его тела онемела. Он сидел, раскачиваясь и оглядывая комнату в поисках шанса на спасение. Юниор и Тото выволокли тело усского. Винни услышал, как хлопнул багажник машины. Истретившись взглядом с Матти, он отвернулся. Посмотрел на Фата Энтони и Бальзамо. Старик осклабился пасудной садистской улыбкой, и Винни сосредоточил внимание на его коричневых зубах. Коричневый героин. Они привозили его из Мексики. Дрянь, конечно, по сравнению "белой леди". Сейчас "белая леди" унесла бы его далеко от этой ловушки. Винни тихо забормotal: "Святой Иуда облажался, Алекс облажался, федеральные агенты облажались. Дурак ты, Ба-Ба, какой ты балда!.."

— Ты что там мелешь? — обратился к нему Матти. — кололся, что ли, или нанюхался?

Винни покачал головой. Он посмотрел на Тото и улыбнулся. Он знал, что умрет через считанные минуты. Весь опрос — как? Матти держал в руке магнитофон. Подошел к Винни и постучал его магнитофоном по голове.

— Что тут записано? — спросил он.

Винни пожал плечами. Он вспотел, капли пота затекли рану на плече, вызывая острую боль, от которой кружилась голова.

— Ты мне все расскажешь, понял? Иначе я тебе для начала размолочу коленные чашечки. Потом кастрирую и се это в пасть тебе затолкаю. А потом... потом...

Винни кивнул головой.

— Все ясно, — сказал он. — Но сожрать меня ты не сможешь. Это будет нарушением закона.

Все рассмеялись, Винни тоже улыбнулся. Бальзамо сказал:

— Ну и придурок!

Матти Муска долго смотрел на него, словно думая, с чего начать.

14

Мелодия была латиноамериканская, простая, легко запоминающаяся. Красивая музыка — так и подмывало потанцевать. Алекс решил, что это румба, а может быть, мамбо. Он бросил взгляд на зеркальный потолок, и ему показалось, что там, меж зеркальными люстрами, танцует не меньше сотни людей. Благо, площадка была большая, места сколько угодно. Девочки и мальчики с битловыми прическами, почти дети, толпились возле эстрады. Те, что постарше, дамы с седыми прядями в волосах и матроны с золотыми прическами, танцевали на краю зала, в центре же толкалась публика помоложе и средних лет, между девятнадцатью и сорока.

Ты поцелуешь меня раз,
Я поцелую тебя два,
Ля-ля-ля, ля-ля-ля,
Ах, это парадиз...

Некоторые женщины были в кожаных брючках, сапожках и пышных шелковых кофтах. Они танцевали с мужчинами в строгих костюмах или джинсах и рубашках нараспашку. Мелькали и платья кричащих тонов, кое-кто был в бальном наряде до пола. Алекс никогда не видел ничего подобного. Свадьбы в шикарных кварталах по сравнению с этим показались бы похоронами. Пальцы сами собой отщелкивали ритм.

Ты поцелуешь меня раз,
Я поцелую тебя два,
Ля-ля-ля, ля-ля-ля,
Ах, это парадиз...

Длинные столы были сервированы как для банкета — каждый на пятнадцать—двадцать персон. Надо было иметь глаза ястреба, чтобы увидеть на скатерти хоть небольшой просвет: блюда стояли так плотно, что кое-где налезали друг на друга. Еда была незнакома Алексу. Он узнал, правда, красную икру на черном хлебе; фаршированная щука тоже вроде была ему известна. Была знакома

свекла, капуста, кабачки, белая рыба. Но массу других блюд он не мог определить.

Каждый четвертый или пятый ел жареного утенка. С многоэтажных ваз, поверх разложенных ярусами апельсинов, персиков и яблок, свисали кисти винограда. Шоколадные и прочие пирожные занимали нижние ярусы.

Официанты и официантки носились из кухни и обратно. Тащили метровые шампуры с шашлыками из ягнятины, вырезки и свинины.

Каждый стол был уставлен яствами разных советских республик. Всюду бутылки водки "Гордон", коньяка "Хеннесси". Гремела музыка, а Алекс испытывал одиночество, как путешественник в чужой стране, посторонний на чужой свадьбе.

Две гитары, синтезатор, ударник и бонго составляли музыкальный квинтет. Негритянка пела:

Ты поцелуешь меня раз,
Я поцелую тебя два,
Ля-ля-ля, ля-ля-ля,
Ах, это парадиз...

Певица встряхнула тамбурин, подняла над головой руки и запела русский рок. От перемены ритма Алекс чуть не подпрыгнул, облив водкой пиджак. Он откинулся в кресле, наблюдая эту удивительную картину.

Сюда его привело телефонное послание Винни. Обычно его послания, записанные автоответчиком, были глуповаты: короткие истории, похожие на детские, начинавшиеся словами: "Это я, Ба-Ба" и кончавшиеся неизменным: "Я работаю, партнер".

На сей раз он кричал в телефонную трубку, что отправляется, чтобы убить какого-то русского в ковбойской шляпе.

Всего Алекс насчитал пять посланий. Первое было от инспектора Росса, второе — от Делани. Росс был полицейским старой школы, который никогда не симпатизировал и не доверял федеральным агентам. В прошлом у Алекса бывали с ним разногласия по поводу совместных операций. "Ты начинаешь дело, — говорил Росс, — а потом фэбзэровцы крадут у тебя осведомителя, и все заслуги принадежат им. Они так всегда действуют, и ничего с этим не поделаешь. Так у них принято. Местная полиция для них — это так, мелкота". Алекс не соглашался: единственный путь покончить с организованной преступностью — совместные действия. Алекс всегда считал, что подобные операции придавали реальную силу и гибкость законам. Он верил в это до сих пор. Росса он нашел дома.

— Что бы ты ни выкидывал, ты отлично работаешь, — сказал Росс с ноткой гордости. — Ты заставляешь бюро

психовать. Они звонят мне каждые полчаса, все ищу тебя.

Алекс сказал, что ему и в голову не приходит, с чего вдруг такое внимание к его персоне. Росс ответил со смехом:

— Ты, главное, действуй тонко и очень-очень осторожно. У них найдется двадцать способов подставить тебе ножку.

Послание Делани было ласковым, почти душевным: "Алекс, старина, где ты? Нам надо поговорить, дружище. Очень надо. Позвони мне домой".

Два звонка от детей. Джоша стошнило прямо на Лягушачью Задницу, а Дэвид собрался убежать из дому. Обычные дела. А потом — звонок от Винни.

В кейптаунском порту
С какао на борту
"Жанетта" опраляла такелаж...

Черная певица пела отрывисто, оркестр ненавязчиво аккомпанировал ей. Алекс налил еще рюмку водки. Он сидел в одиночестве за самым маленьким столиком ночного клуба.

Когда он приехал сюда и заговорил с официантом по-английски, тот что-то забормотал, покачал головой и пожал плечами. Алекс попробовал заговорить на идише, хотя знал его не очень хорошо. Официант наморщил нос и удалился. Подошла официантка — полноватая женщина с красиво подведенными глазами. В ней было что-то очень характерное, и Алекс решил, что у всех русских женщин красивые глаза.

Он заговорил с ней на идише, сказал, что не прочь чего-нибудь поесть, попросил меню. Официантка кивнула, прибрала на его столике и ушла, не сказав ни слова. Спустя несколько минут она вернулась с графинчиком водки "Гордон" и двумя бутылочками содовой. Улыбнулась ему приветливо и снова ушла.

— Поесть! — крикнул Алекс ей вдогонку.

Звонок Винни оставлял Алексу две возможности. Первая — позвонить Делани. Может, тот скажет все-таки, что стряслось с Винни. Надели на него провода и отправили на дело? Скорее всего, Делани ничего не скажет ему, начнет подкалывать по поводу жучков. Нет, с Делани ему говорить не хотелось.

Второй вариант — попытаться найти русского в ковбойской шляпе. Алекс, как старый разведчик, умел разыскивать людей. Русский в ковбойской шляпе с перышком, играющий в азартные игры на улице, должен быть известен местной полиции. Алекс не знал, есть ли у него знако-

мые в местном полицейском участке и смогут ли они ему помочь, но особого выбора не было, попытку стоило сделать.

Шестьдесят второй участок размещался в старом просторном здании с зарешеченными камерами и залом размером со спортивный. Дежурный, маленький чернокожий сержант, попросил Алекса подождать. Персонал был весь на участке, занимался настоящим делом. Для дежурного сержанта единственная стоящая полицейская работа происходила только в пределах его округа. Когда-то Алекс склонен был считать так же.

Патруль прибыл спустя час. Детективы оказались гораздо моложе, чем ожидал Алекс. Оба болтали на том дуррацком телевизионном жаргоне из полицейских сериалов, от которого Алекса тошнило. Конечно же, они знали о всяком дерьме, которое происходило на их участке. Сначала они сказали:

— Русский в ковбойской шляпе? С пером? Шутите, что ли?

Потом один из них, которого звали Гарольд, задумался:

— Постойте! Кажется, я знаю, о ком идет речь. Он делает бизнес на коке. Точно, он из ночного клуба на Брайтон-авеню. Я на него уже капнул в отдел по наркотикам. Клуб называется "Московские ночи". Если не знаете русского, туда и соваться нечего. Разговаривать не станут. Будут делать вид, что ни слова не понимают. Будут улыбаться, пожимать плечами, и все. Дурная публика...

И вот Алекс сидел и слушал, как играет на скрипке цыган. Многие присутствующие плакали. А парня в ковбойской шляпе нигде не было видно.

— Ты в Бога веришь? — спросил Пол Малатеста.

Ники бросил на него вопросительный взгляд, покачал головой и посмотрел на часы.

— Уже восемь, — сказал он тихо. — Мне пора идти.

Он слышал, как Джон Рено прошел по комнатам, включая свет. Они разговаривали уже более двух часов. Пол Малатеста пил с ним наравне, но был бодр и сосредоточен. Это действовало на нервы.

— Джон отвезет тебя куда нужно. Вмиг доставит.

— Наш клуб открывается в девять вечера, — сказал Ники. — Но публика занимает места уже в восемь, в половине девятого. — Он подождал, как на это отреагирует Малатеста. Ему хотелось уйти, но дон Малатеста, судя по всему, пока не собирался его отпускать.

— Вы не колеблясь дадите мне всю нужную информацию, Ники?

Ники насторожился.

— С чего бы мне колебаться?

— Пожалуйста, не сделайте какой-нибудь глупости Ники, — посоветовал Малатеста.

В мозгу дна Малатесты было много разных помещений, и, как у всех, ему подобных, некоторые помещения были освещены, другие тонули во мраке. Если существует Бог, то существуют в мире и силы добра. Но обратная зависимость тоже вполне реальна, не так ли? Если зло существует в чистом виде, в облике дьявола или демона, то думал Ники, этот демон будет жить в тени Малатесты.

— Так вы верите в Бога? — снова спросил Малатеста развалившись в своем резном деревянном кресле. — Я обязательно в еврейского — любой годится.

Ники отрицательно покачал головой. Он все более нервничал. Его охватила смутная тревога: здоров ли психически сидящий напротив него человек.

— Как это можно ни во что не верить?

— У меня нет корней, — ответил Ники. Ему удалось изобразить легкий смешок. — А почему вы меня спрашиваете о религии? Я о ней никогда не думаю. Такие вещи усваиваются в детстве. Я родился евреем, но никогда не был ни в синагоге, ни в церкви. Не было никого, кто бы меня туда сводил или объяснил что-то. Поэтому религия меня не интересует. В нашей стране все это считается глупостями. У меня ничего нет, кроме себя самого, жены и друзей. А сейчас над нами нависла опасность. Вот с этим я думаю больше, чем о религии.

— А я верую в Господа, — сказал Малатеста. Он сделал паузу и налил себе еще бренди, поглядывая на Ники словно ожидая увидеть удивление на его лице. Ники опустил голову, чтобы не смотреть в эти карие глаза.

— Не сомневаюсь в этом, — сказал Ники.

Воцарилось молчание. Чем дольше оно длилось, тем тревожнее становилось Ники. Ему больше нечего было сказать этому человеку. Теперь он сидел и просто ждал. Услышал, как зазвонил телефон, как Джон Рено разговаривает с кем-то. Разобрал слово "фак", произнесенное отдельно, как ответ на некое сообщение.

Джон Рено вошел в комнату и что-то прошептал хозяйину на ухо. Ники заметил, как кровь отхлынула от лица Пола Малатесты, как сжались его челюсти. Он бросил взгляд на Ники и схватил Джона Рено за шею.

— Добудь карлика, — прошипел он, — сегодня же. Чтоб сегодня же все было выполнено! — Холодное выражение, с каким Пол Малатеста посмотрел на Ники, пробудило в его душе страх. Таким он его еще не видел. Что случилось между ним и Джоном Рено, это явно касалось Ники, потому что хозяин, прежде чем заговорит долго и неподвижно смотрел ему в глаза.

— Ваш человек, Юрий, мертв. Его убил Матти. Простите, я не знаю, как это произошло.

Алекс не замечал, как идет время. Музыка, водка, зрелище захватили его. Он поймал себя на том, что не спускает глаз с четырех мужчин, сидевших за столиком недалеко от эстрады. Заметил, что двое из них были, скорее всего, штангисты или культуристы. Один из них был рыжий и носил прическу в стиле пятидесятых годов.

Когда весь зал захохотал над шуткой, произнесенной с эстрады, ни один из них даже не улыбнулся. Народу в клубе между тем становилось все больше. Надо было сосредоточиться, если он хотел заметить типа в ковбойской шляпе. Знать хотя бы, какого он роста: могучий, как те двое, или маленький? Брюнет или блондин? Попутно он сообразил, что выпил уже три лишние рюмки. "Прекратит!" — мысленно скомандовал он себе. Здесь нужна свежая голова. А музыка становилась все зажигательней. Оказалось — до сих пор он этого как-то не замечал, — что зеркальный потолок меняет цвета. Были здесь и женщины, сидевшие в одиночестве, некоторые весьма привлекательные. Одна-две улыбнулись ему. Он почесал нос и отпил еще водки.

Время от времени Алекс поглядывал на свой карманный телефон. От Винни сообщений не было, зато дважды звонил Делани и просил связаться с ним. Вот этого Алекс делать не собирался.

Когда этот человек вошел в зал, Алекс сразу обратил на него внимание. Он шел неторопливо, раскланиваясь со знакомыми. Детектив Гарольд из полицейского участка сказал ему, что владельцем "Московских ночей" был человек по имени Николай Зораков, а парень в ковбойской шляпе был у него правой рукой.

— Этот Ники — заметный тип, — сказал он. — Высокий парень, красивый, он напоминает мне командира немецкой подлодки. И этот красавчик никогда не говорит по-английски, только улыбается и плечами пожимает.

Значит, это и был Ники Зораков. Он словно сошел с экрана бергмановского фильма. Волосы светлые, волнистые, черное кожаное пальто до колен, длинный белый шарф, свисающий с плеч. Он подошел близко к столику Алекса. Их взгляды встретились, и Алекс отвел глаза. Этот парень выглядел очень серьезно.

— Кто тот американец, что сидит за столиком в углу? — обратился Ники к Петро, Василию и двум друзьям Юрия из Ташкента.

— Он тут уже несколько часов, — ответил Василий. — Пьет, выпивает и смотрит.

— Узнайте, кто он, — приказал Ники.

— А где Юрий? — спросил Петро.

— Делайте, что я сказал, слышите? Юрий мертв, и оба виноваты в этом. Виноваты не менее, чем этот сви Муска. Идите и узнайте, что тут делает этот одино американец, который ни музыки нашей не понимает, наша кухня ему не по вкусу. Пошлите какую-нибудь чонку.

— Юрий умер?! Убит? — спросил Петро.

Ники не выдержал и дал волю своей ярости. За стол все смолкли. Гитарист глянул на них со сцены. Все ушли, как он предложил выпить за упокой души Ю. Четверо залпом осушили по полстакана водки.

Девушка кивнула ему, показав белоснежные зубы — с золотой коронкой. Спросила, не желает ли потанцевать. Музыка была прекрасная — такая неторливая баллада. Алекс ответил:

— Пока что нет. — И предложил ей присесть и выпить с ним.

— Да, эти русские — дилетанты, любители. Послать женщину потанцевать со мной, прощупать. Да уж, от меня бы не отказался, но только без танцулек. Он широко улыбнулся ей. Приятно осознавать себя профессионалом, приятно начинать гамбит там, где территория — твоя, и да весь бал — твой.

— Я — Таня, — сказала она. — Вам нравится русская музыка?

— Нравится. Я — Алекс. — Он чувствовал раскованность и уверенность в себе. Здесь он правил бал, при этом с минимальными усилиями. Дилетанты несчастные...

— Алекс... Александр, — тихо сказала она. — Александр — это Саша. — Глаза у нее были прекрасные. Высунула кончик языка.

— Хорошо. Это мне нравится. Моя бабушка называла меня Сашей.

Алекс никогда не видел своей бабушки, она умерла долго до того, как он родился. Но эта блондинка, с лицом персидской кошки и с такими соблазнительными губами, стояла небольшой лжи. Тем более что она явно пришла заданием прощупать его, завязать с ним разговор.

— О! — воскликнула она. — Так вы родом из России. Ваша семья оттуда?

— Семья? Да нет, она родом из района Куинз, — ответил он с улыбкой. — Правда, прибыла она туда из Вильямсберга из какого-то городка на Украине.

Она попыталась одновременно смеяться и отпить

водку из рюмки. Для этого ей пришлось прикрыть лицо ладонью. Она промокнула салфеткой губы.

— Вы американец. Янки дудль-дэнди. — Она хихикнула.

Ее голос напомнил ему какую-то кинозвезду прошлых лет, а кого именно — он забыл.

— Что-что, только не янки дудль-дэнди, — сказал он.

Алекс посмотрел на столик, за которым сидел Ники Зораков. Два культуриста тоже посмотрели в его сторону и отвернулись.

— И нравятся вам "Московские ночи"? — спросила она.

— Мне бы они нравились гораздо больше, если бы я нашел здесь то, что мне нужно.

Она изобразила удивление:

— И что же вам нужно? Если не видите этого, спросите у меня, может, я помогу.

По-английски она говорила с акцентом, медленно и с ошибками. На Алекса это производило впечатление. Однако никаких определенных планов у него не было — любая игра начиналась так. Главное — какие делать ходы, а не то, как их готовить.

— Я покупал тут пару раз кокаин у парня в ковбойской шляпе, — четко произнес Алекс.

Поставь приманку, подумал он, внеси в игру элемент запретного.

На ее лице появилась напряженная улыбка.

— Ковбой? Здесь?

— Ну ладно, — сказал он. — Пойдемте потанцуем.

Музыка была чудесной, водка согрела его и пробудила похоть. Ему нравилось плыть по течению событий: интересно, что будет дальше. Он позволил ей коснуться рукоятки пистолета. Именно это ей и нужно было. Возможно, половина мужчин здесь вооружены. Еще один пистолет вряд ли кого-нибудь удивит. Во время танца Таня перевела руку с его плеча к шее, потом вниз, вдоль левого бока, потом обняла его за поясницу — чисто профессиональные движения. Алексу это понравилось. Он предпочитал иметь дело с профессионалами. Таня глазом не моргнула, когда ее рука нащупала пистолет, а Алекс даже не почувствовал ее прикосновения.

Спустя немного времени она извинилась и ушла в туалет. Он проследил за ней взглядом и заметил, как она бросила взгляд в зал. Рыжий культурист поднялся и вышел следом за ней. Алекс сдержал любопытство и отвернулся. Следить за обоими — не годилось. А вот и водка. Он выпил еще рюмку и стал ждать.

Таня назад не вернулась.

— У него пистолет, — прошептал Петро. — Возможно, и бляха. Но "дура" есть, это точно.

Куда ни плюнь — везде проблемы. Ники стало казаться, что распутать все это просто невозможно. Инстинкт подсказывал ему: забудь, что этот хмырь — с пистолетом, займись тем, что задумал, найди Матти Муску и прикончи его. Однако Петро сказал, что этот парень интересовался Юрием, сказал, что когда-то покупал у него кокаин.

Ники знал, что это — чистая брехня, неуклюжая провокация. Юрий не толкал фуфло посторонним. Человек, сидевший в углу, был полицейским или осведомителем. Против этого он ничего поделать не мог. Неужели американская полиция тоже взяла его под колапак?

Он сидел, помахивая сигаретой, глядя на оркестр и не слыша музыки. Что же это за тип сидит в его ночном клубе? Ники чувствовал взгляд на своем затылке и злился от этого. Интересно, как бы вел себя в такой ситуации самоуверенный Виктор Воск. Ему так не хватало советов старого милиционера. Ладно, пора двинуть пешку, подумал он.

— Добрый вечер. Меня зовут Николай Зораков. Я владелец этого заведения. Чем могу быть полезен?

Алексу показалось, Ники вот-вот улыбнется. Но улыбки не последовало. Была в этом парне какая-то петушиная самоуверенность. Алекс протянул руку, Ники пожал ее.

— У вас хороший клуб, — сказал он.

Слабый намек на улыбку. Ники Зораков пожал плечами, кивнул головой и сел за столик.

То, что Ники здесь был главной персоной, не вызывало сомнений. Публика даже за дальними столиками следила за ними. Оркестранты тоже то и дело бросали на него взгляды.

— Я тут ищу одного человека, — сказал Алекс с приветливой улыбкой.

— Я так и понял.

— Он носит ковбойскую шляпу и часто бывает здесь.

— Неужели? Прямо-таки ковбойскую? — Ники засмеялся и отвернулся.

Водка могла согревать, успокаивать, притуплять боль сердца и души. Но она же могла воспламенять и вызывать короткое замыкание. Алекс почувствовал, как поджигаются пальцы у него на ногах. Ники смотрел куда-то в пространство.

— Так вот, — легко продолжал Алекс, — я тут бывал пару-тройку раз. Встречал этого парня в ковбойской шляпе. Правда, имя его я забыл. Да вы его знаете. Он же ваш приятель, верно?

Ники нервозно задвигался в кресле. Этот человек го-

ворил как актер, читающий роль по бумажке. Опасный актер. Виктор говорил, что хорошего милиционера сразу видно по артистическим способностям. Ники глубоко вздохнул.

— Вы из полиции, — сказал он. — И я полагаю, что вы пришли, чтобы доставить мне неприятности. Зачем — не знаю. Нелегальным бизнесом я не занимаюсь. И вообще ничем, что могло бы заинтересовать полицию. Я кормлю людей. Хорошо кормлю. Можете попробовать. Здесь музыка, танцы. Бывает, выпьют лишку. Но больше — ничего...

Свет чуть-чуть приглушили. Оркестр заиграл лирическую музыку. Алекс ощутил намек на беспокойство, но, с другой стороны, его переполняла какая-то странная гордость. Он улыбнулся и сказал:

— Значит, вы думаете, я полицейский? Почему вы так думаете?

Ники посмотрел на него в упор, поморщился и вдруг приблизил свое лицо вплотную к Алексу. Вид у него был весьма угрожающий.

— У вас в заднем кармане полицейская бляха и пистолет у пояса, — сказал он шепотом. — Вы полицейский, а может быть, некто, замаскированный под полицейского. В любом случае вы причините мне неприятности, а они мне не нужны.

Алекс посмотрел на него в раздумье. Ники не отвел взгляда.

— Ну, так как? — сказал Ники.

— Вы о чем?

— Вы полицейский, верно? И как насчет неприятностей?

Алекс скрестил руки на груди и откинулся на спинку стула.

— Зораков, — сказал он, — вы понятия не имеете, в чем заключаются неприятности.

— Ошибаетесь, мистер полицейский. Впрочем, для меня это не имеет никакого значения.

Ники встал из-за стола. Казалось, ему ни до чего нет дела. Окинул взглядом зал, пожал плечами и сказал:

— Вообще в вашем городе очень много обманщиков. Каких только врунов я тут не встречал с тех пор, как приехал. И вы, мистер полицейский, один из них.

Алекс поднял на него взгляд, пока Ники оглядывал помещение, и сказал:

— Сядьте, пожалуйста.

Полуулыбка исчезла с лица Ники. Его светлые голубые глаза уставились на Алекса. Алекс резко подался вперед, словно собрался напасть на него.

— Сядьте!.. Ну, хорошо, — сказал он. — Давайте поговорим серьезно, Зораков. Вы правы — я полицейский.

Ники снова пожал плечами и улыбнулся.

— Самая большая ошибка, которую вы сейчас можете совершить, это думать, что неприятности вас минуют, — сказал Алекс так тихо, что Ники мог его и не расслышать. — Я ищу одного человека. И пришел я не для того, чтобы пробовать рыбью кожу с начинкой.

Ники кивнул головой:

— И ищите вы не меня, верно?

Алекс взглянул на часы — время перевалило за полночь. Впрочем, время уже потеряло значение. Проверить бы автоответчик. Если Винни не позвонил до сих пор... Он почувствовал, как в душе его зарождается страх. Выпустить Винни, обмотанного проводами, означало послать его на гибель. Это он знал с самого начала. Еще одна жертва в бесконечной, безнадежной войне. Однако этот русский умник мог бы ему помочь, это как пить дать.

Он долго смотрел на Ники, потом медленно, отчетливо сказал:

— Вы именно тот, кого я ищу.

— А ваш знакомый в ковбойской шляпе? Очередная ложь, мистер полицейский?

Алексу показалось, русский говорит не столь уверенно, как пытается изобразить. Похоже, он не до конца понял смысл того, что сказал Алекс. Вот он снова нервно заерзал в кресле, закурил. Начинаем атаку, подумал Алекс.

— Это не мой знакомый, Зораков, а ваш. Ваш друг. Как Муска, как Пол Малатеста. У вас много друзей, Ники. Много хороших друзей.

Ники сидел выпрямившись, иногда поводя плечами так, словно собирался принять мяч. Бросил взгляд через зал. Таня с лицом персидской кошки улыбнулась ему, сверкнул ее золотой зуб. Он махнул ей, а когда она подошла, попросил принести еще водки. Слово "водка" Алекс понял, об остальном легко догадался.

Между тем посетители начали расходиться. Танцующих было уже не так много. А музыка играла без перерыва.

— Не хотите повесть? — предложил Ники.

Алекс покачал головой.

— Зря вы пьете водку без закуски. Это плохо.

— Зато вы хороши, верно? — сказал Алекс ровным голосом.

Ники, не ответив, ущипнул нижнюю губу и отвернулся.

— Знаете, Ники, кто вы? Вы всего лишь очередной дурак, который шагает по шоссе, а куда — сам не знает.

— Вы слишком много говорите, мистер полицейский. Да вот беда, сказать можете мало.

Алекс поднялся из-за стола, сказал, что ему нужно позвонить, и попросил Ники задержаться.

— Это мой ресторан и мой клуб, — сказал Ники решительно. — Я никуда не собираюсь уходить. Здесь мое место.

— Может быть. — Алекс вышел в вестибюль, где находился телефон-автомат. Над ним висела большая фоторепродукция: мальчик ловит сачком лягушек. Надпись указывала, что дело происходит под Харьковом. Харьков — это Украина, вспомнил Алекс. Его бабушка по линии матери родилась на Украине. Набирая номер домашнего телефона, он думал, видела ли бабушка это озеро. Дурацкая мысль. Он никогда не знал бабушку. Правда, мать часто вспоминала, какая она была отважная. Мать считала, что все иммигранты были героями.

Этот полицейский — с одной стороны, Пол Малатеста — с другой. Да еще неизвестно, с какой стороны нагрянет Матти Муска. Ники чувствовал себя мишенью на стрельбах, а часы отстукивали время до начала артиллерийского залпа.

Он посмотрел через зал в сторону вестибюля. Алекс набирал номер. Полицейские методы здесь, подумал он, немного отличались от советских: слабо завуалированы, сюрпризов маловато. Однако он испытывал тревогу: этот полицейский явно был хорошо осведомлен. Он знал про Пола Малатесту и про Матти Муску. Что еще он скрывает за пазухой? В то же время, если у него были основания арестовать его, он бы так и сделал. Когда такие основания имеются, они просто приходят и забирают тебя. Конечно, его атака во многом блеф, да и по тону ясно, что это — игра. Ники налил себе рюмку и решил, что сам говорить не станет, пусть полицейский болтает и наблюдает. А что потом? Он представил себя таким, каков он есть: одинок, уязвим, не обладает никакой властью, лишен надежных друзей и связей.

Разочарование Алекса бросалось в глаза. Он повесил трубку и в сердцах ударил ладонью по стене. Снова набрал номер. Теперь он говорил: отдельные слова, обрывки фраз, и все кивал и кивал головой. Ники внимательно наблюдал. Разговор затянулся. Ники видел, как он жестикулирует, в какой-то момент ему показалось, что он стукнул по телефонному аппарату. Разговор получился долгий.

Закончив, Алекс вернулся к столику. Весь его облик выражал полную уверенность в себе. Ники не понравился суровый взгляд, который бросил на него полицейский.

— Что я, по-вашему, еще натворил? — спросил он мрачно, когда Алекс сел за столик. Ему казалось, между ними сейчас начнется война. Он раскупорил новую бутылку водки, налил Алексу в рюмку на два пальца, а себе — на четыре. Этот щуплый американец начинает игру на своем поле, где он — хозяин.

Зал был полон табачного дыма. Музыка продолжала греметь. Ники опрокинул в рот свою рюмку, потом бутылкой чокнулся с Алексом. Это означало вызов.

15

Телефон Карла Маркса Сиракузы зазвонил часов в девять вечера. Он попросил своего племянника Филли подкинуть его к дому Пола Малатесты на Восточной семьдесят пятой улице и поставить машину в гараж. К дому Малатесте он пошел без сопровождения.

Обслуга в гараже разглядывала его с некоторым чувством превосходства. Карл привык к такому отношению. Когда он был молод, это его угнетало, теперь — ничуть. Он не обманывался дурацкими улыбочками тех, кто смотрел на него как на некое чудо-юдо. Мысленно он видел себя гигантом, ловким, как дикая кошка джунглей, и смертельно опасным. Карл Маркс был карликом. Карликом-убийцей.

В сферах преступного бизнеса в Нью-Йорке человек, если он хотел выжить, должен был принадлежать к одной из пяти "семей". Карл Маркс, однако, был исключением. Все заинтересованные лица полагали, что он не связан ни с кем и действует в одиночку, а потому угрозы не представляет. Он же имел дела со всеми, был вхож везде. Его бизнесом являлось ростовщичество и выколачивание долгов у соседей и мелких дельцов. Кроме того, он принимал ставки на спортивном тотализаторе. А его племянник Филли успешно торговал героином в Северном Гарлеме.

Будучи молодым, Карл вытягивал причитающиеся долги с помощью молотка и серпа. Это было его клеймом, которому он и обязан был своей кличкой. Люди считали, что ему нравится, когда его называют Карлом Марксом.

Лишь три человека знали, что на самом деле Карл Маркс был персональным исполнителем приговоров Пола Малатесты. Это была работа в одиночку, работа очень опасная. Карл держался особняком от "семьи", и никто, кроме дона, его шофера Джона Рено и Филли, не знал, что он был ее членом.

Как и Пол Малатеста, Карл был набожен и всей душой предан Старому Пути, истоку мафии. Никому из нынешних членов "семьи" невдомек было, насколько фанатически набожен был Карл. Он считал себя одним из немногих истинных братьев Общества Чести.

Сердце Карла Маркса учащенно забилося, когда Джон Рено привел его к дону Полу. Он начал было говорить что-то, но взгляд Малатесты заставил его умолкнуть. Карлику казалось, что перед ним — человек, отмеченный свыше, самим Небом призванный быть лидером. Опустив голову, он ждал указаний.

— Матти, его водитель Карло, старик Бальзамо и Фэт Энтони, которому принадлежит склад металлолома на Стейтен Айленде.

Дон дал ему адрес любовницы Матти в Куинз. Карл Маркс был поражен. Он думал, что нет человека ближе дону, чем Матти Муска. Но у дона были свои резоны, и они становились его резонами. Карл Маркс не задавал вопросов, и, хотя был на десять лет старше Пола Малатесты, он обращался к нему так, словно тот был его отцом.

Говорили они по-сицилийски, и разговор был кратким. Время было позднее, и Карл Маркс должен был спешить. Дон хотел, чтобы с Матти Муской было покончено немедленно, лучше всего — сегодня же вечером. Другие могут денек-другой потерпеть.

От Винни вестей больше не было. Но автоответчик записал озабоченный голос Делани и мягкую просьбу инспектора Росса позвонить ему. Алекс позвонил. Инспектор подтвердил, что фэбээровцы нацепили на Винни магнитофон и отправили его на дело. Он сообщил также, что два агента, Ривера и Корсо, которых видел Алекс, присланы из Вашингтона и организованной преступностью не занимаются. Они были частью группы, направленной в Нью-Йорк, чтобы проникнуть в колонию русских эмигрантов. Они полагали, что Винни через Бальзамо найдет выход на Матти Муску. Бюро были известны дела Матти на Брайтон-Бич. Росс сказал Алексу, что сведения эти он получил от нью-йоркского представителя службы. Представитель этот просил передать Алексу, что тот ловит рыбку на чужой территории.

Алекс понял, что Ники Зораков отнюдь не прост. Ники был человеком, который смотрит, как мир вокруг него взрывается, и в последний миг успевает ускользнуть. "Только не на сей раз, — подумал он. — На сей раз я убею веревку".

Алекс пил уже в течение двух часов, голова его начала протестовать. Тем не менее он уверенно сел против

Ники и даже налил себе еще. Из-за того, что он ничего не ел, у него появилось ощущение легкой замороженности и потерянности. Но как-никак он был полицейским. Алекс отпил из рюмки, потом еще и еще. Прикончив рюмку, помотал головой. И вдруг понял, что водка — скорее союзница Ники, а не его. Он попробовал встать — но ноги не держали. Он сел, решив подождать, когда пройдет волна слабости. Но слабость не проходила. Скорей даже нарастала. А Ники, казалось, чувствует себя все лучше. Он был, что называется, на коне.

— В общем, Зораков, дела твои неважны... Есть кое-какие проблемы, — пробормотал Алекс.

Речь его стала слегка невнятной; для Ники это было сигналом: он налил Алексу еще рюмку.

Чем больше Ники думал обо всем этом, тем мрачнее выглядели перспективы. Он любил иметь дело с фактами, а факты свидетельствовали, что полицейский этот знал гораздо больше, чем мог предполагать Ники.

— Вы продолжаете говорить загадками, — мягко запротестовал он. Даже в притушенных огнях клуба Ники видел, что водка наконец подействовала на Алекса. — Почему бы вам просто не сказать мне, в чем состоят эти проблемы? — предложил он.

Алекс поднял палец.

— Убийство, — сказал он, — всегда было для ваших друзей, Малатесты и Муски, самым эффективным способом поддерживать мир. Давайте выпьем за тех, кто убивает. Может, опрокинем залпом, Ники? А? Пусть башка треснет.

— Америка — страна жестоких сердец, — сказал Ники и лихо опрокинул рюмку.

Ники по опыту знал, что физическая собранность за столом — такое же верное средство, как прицельный выстрел в узком коридоре. Алекс тоже выпил.

— Я не очень-то знаю русских, — сказал он, — но по тому, что мне известно, Советский Союз — далеко не Диснейленд. У вас, видимо, были там неприятности. Я знаю, у вас и тут проблемы. Начинать думать о том, кто мог бы вам помочь.

— Ладно, — сказал Ники. — Бог с ними, с проблемами. Давайте-ка лучше напьемся. Может, тогда я и проблемы забуду на время, а вы, Саша, перестанете думать о том, как бы устроить мне неприятность.

Их беседа подошла к некой ледяной, скользкой горке. Алекс считал, что может и надавить посильнее, и отступить на время, а потом снова — в атаку. Да он запросто свернет голову этому русскому.

— О'кей, — согласился Алекс. — Давай выпьем за дружбу.

— За моего нового лучшего друга, — поддержал Ники и налил ему водки на четыре пальца.

— Прежде чем мы продолжим, — сказал Алекс, — я очу, чтобы ты кое-что ясно понял. — Он надолго замолал. Он хотел все высказать однозначно. Пусть Ники не умает, что у него есть хоть какая-то лазейка. — Я сейчас ахожусь на Брайтон-Бич. И я, Ники, останусь здесь до ех пор, пока не выясню все, что нужно. Когда я уйду, юда придут люди из ФБР. Когда мы с тобой закончим ела, твои дружки, Муска и Малатеста, будут смазывать истолеты, готовясь убить тебя. Ты хорошо плаваешь, ики, но в любой момент можешь камнем пйти на дно. ю все равно давай выпьем, мой новый друг. Потому что а одной из тех дверей — свет, а я держу палец на вык-ючателе. — Алекс улыбнулся. Это была гадкая улы-ючка, по крайней мере ему хотелось, чтобы она такой выглядела.

Ники Зораков пожал плечами, потом еще раз, потом ассмеялся.

— За свет! — сказал он. И тут Алексу показалось, что ики сделал какой-то фокус: его голова, рука и рюмка на гновение завибрировали. Душой Ники владел страх, и лекс не мог этого не заметить. Знаменитая покоряющая ыбка Ники застыла, как маска. Никто еще не сумел пока зставить мат князю Пушкинской площади. С этим убеж-нием он жил. Иного пути у Ники быть не могло.

Карло припарковал машину возле телефонной будки и углу. Ни огонька не светилось в окнах жилого дома. зро это не понравилось. Уж подъезд-то всегда был ос-щен, хотя бы из вестибюля.

— Хозяин, — сказал он, — может, подождете минуточ-? Я хочу проверить, в чем дело.

Карло явно трусил, и Матти это раздражало.

— Зачем? — спросил он сердито.

— Я что-то света не вижу.

— Ну и что? Этот консьерж-придурок жжет лампы углые сутки.

— Не нравится мне это, — сказал Карло, потирая моч-уха. — У меня во Вьетнаме бывало такое чувство. Слов-все эти маленькие сучата попрятались и ждут, а ты их видишь.

Матти вышел из машины, остановился на тротуаре и тянулся. Было два часа ночи, Линн наверняка спит. Ну, чего. Денек выдался что надо, подумал он. Чувствовал себя отлично. Давно ему не было так хорошо. Надо эт день завершить так же классно.

— Ладно, Карло, проверь, в чем там дело, а я позвоню инн.

Матти всегда звонил перед тем, как прийти к Линн. У них были свои секретные коды и сигналы. Если Линн скажет: "Скорей, детка, я вот-вот кончу, ожидая тебя", Матти летел к ней, как птичка. Если ласковый голос Линн произнесет: "Пошел ты к черту, сукин сын", он приводил себя в порядок, поправлял галстук и, поглаживая ширинку, степенно шел к лифту.

Он набрал номер Линн, вспоминая, как тяжело было прикончить Винни. Тот плевался, лягался, вообще черт-те что вытворял. Крепкий был парень.

Карло направился к подъезду. Он отнюдь не был уверен, что Матти прав. Верно, из-за халатности консьержа лампы в вестибюле часто перегорали. Но раньше не бывало такого, чтобы сгорели одновременно обе. Такого просто быть не могло. "В чем же тут дело?" — думал он, идя к зданию.

Подходил он медленно, осторожно. Пистолет оттягивал карман пиджака, придавая ему храбрости. Справа донесся какой-то звук. Во Вьетнаме он бы вмиг изрешетил все вокруг. Теперь же лишь стал осторожнее. Его винтовка лежала в машине, под передним сиденьем. А что, если кто-то прячется в кустах на газоне? Они с хозяином были отличной мишенью.

"Черт с ним, рано или поздно все подохнем", — сказал он мысленно. Это было их кредо во Вьетнаме. Оно оправдывало себя в джунглях, а здесь, в Куинз, ему грош цена. В джунглях смерть являлась непредсказуемо, почти случайно. Здесь, на улицах, она подстерегала именно тебя. Других она пропускала мимо. Оказавшись в вестибюле, он почувствовал себя увереннее. Лампочки не горели, никого поблизости не было. Он щелкнул по лампочке раз, другой, повернул лампочку, и она ярко вспыхнула.

"Прекрасно, — подумал он, — какой прекрасный свет". И вдруг словно вопль в голове: а ведь кто-то нарочно вывинтил лампы! Он все понял. "Вот и конец пришел, будь я проклят".

Когда Матти услышал фразу: "Пошел к черту, сукин сын", а за ней — детское хихиканье Линн, он сразу погладил ширинку.

Когда кто-то сказал рядом по-итальянски: "Привет от дона Малатесты", он стрельнул глазами направо-налево, но в первый момент никого не увидел. Затем, почувствовав чье-то присутствие, медленно развернулся. Карлик, чуть выше метра ростом, с капроновым чулком, натянутым на голову, стоял, приставив дуло обреза двуствольной винтовки к его горлу.

На какую-то долю секунды Матти ощутил слабость, но тут же откинул голову назад, словно для плевка. Бум-бум!

Две крупнокалиберные разрывные пули начисто снесли голову Матти.

Как это бывало во Вьетнаме, выстрелы, прозвучавшие неизвестно откуда, придали силу ногам Карло. Он ринулся прямо сквозь стеклянную дверь. Крупные осколки стекла посыпались на пол, стеганув его болью, как плетью. Колени задрожали. Громкий крик вырвался из груди, когда он, с маху ударившись головой об стену, свалился на пол. В волосах его были стекла, по лбу текла кровь, застила глаза. Он пытался смести осколки с лица. "Дыши глубже, — думал он. — Все позади. Ты жив".

Прошли секунды.

Он напряг ноги, пытаясь подняться, задвигал бровями, чтобы хоть что-нибудь увидеть. И тут услышал звук бегущих ног, мельком увидел сами эти ноги, крошечные, как у ребенка. С удивлением он смотрел на гротескную маленькую фигурку, пролезающую сквозь разбитую дверь прямо на него, и ничего не мог сделать.

Карло прикусил язык. Сердце его остановилось. Карлик взмахнул бритвой раз, потом еще раз.

Алекс шел по улице. Или, по крайней мере, пытался идти. Туманная изморось доносила запахи моря. Он забыл, как близко от океана находилась Брайтон-авеню. Возле русского книжного магазина, обвешанного фотографиями, он споткнулся. Водка поднялась из глубин желудка, стала жечь грудь.

Он миновал магазин, потом другой. Галантерейная лавка, деликатесы, магазин грампластинок, опять деликатесы. Он шел по кругу. Ники взял его за плечи, прислонил к стене.

— Стой на месте, — сказал он. — Не уходи никуда. Сейчас Таня подъедет на такси.

Алекс шумно вздохнул и попытался рассортировать распадающиеся в его голове обрывки мыслей. Картина чуть-чуть прояснилась. Все было в порядке. Совесть его была почти чистой: дурацкий перепой с Ники помог забыть про Винни.

Да, ему было тошно, но надрался он для собственного блага. С благодарностью Алекс ухватился за плечо Ники, когда тот повел его к такси.

— Утром поговорим, — сказал Ники. — А пока Таня о тебе позаботится. Все будет в порядке, не волнуйся.

— А как же ты? Ники, как же ты?!

— В чем я уверен, так это в том, что утром буду чувствовать себя лучше, чем ты. Спокойной ночи, Саша!

Когда Ники пошел прочь, Алекс не услышал его шагов, настолько легко тот двигался. Он лишь проводил его

взглядом. Алексу этот человек казался не знающим страха. Да, Ники умеет держаться; это — звезда. Несмотря на позерство и суперменовский выпендрей, было в нем что-то основательное и располагающее к себе. Такой парень не мог не понравиться Алексу. Но ведь он в конце-то концов был пьян.

В вестибюле дома стоял гнусный запах. Алекс сморщил нос и даже чуточку протрезвел.

— Собаки, — пояснила Таня. — Тут все жильцы держат собак.

— А где мы?

— Нельзя вам пить без закуски. Русские много едят когда пьют.

— Ну и черт с ними. Где мы? — опять спросил он.

Один лестничный марш они одолели играючи. Дальше Алексу пришлось цепляться за перила, кое-как переступая неверными ногами. Он сам был поражен, как он, оказывается, надрался.

— Не хочешь — не верь, — сказал он. — Но я вообще то не пью.

— О, я верю, — ответила она. Потом Таня порылась в сумочке в поисках ключей.

На лестничной площадке Алекс собрал все силы, что бы дойти до двери квартиры. Дверь находилась в конце длинного темного коридора. Когда она вставила ключ в замочную скважину, он снова спросил:

— Мы где?

— Это — моя квартира.

— Я понял. Где, где она, квартира? В каком городе, в с-стране, что ли... штат, штат какой? Ты понимаешь?..

— Дурачок. Я живу на Брайтон-Бич, как и все русские. Вам нравятся русские? Нет?

Очутившись в спальне, он немедленно скинул одежду и забрался под одеяло с покрывалом и простынями, такими тяжелыми, что он просто не мог под ними пошевелиться. Таня ушла. Куда — он понятия не имел.

Неожиданно она появилась в проеме дверей. Она смеялась. Ее силуэт на фоне света, падающего из кухни навел Алекса на мысль, что у нее потрясающая фигура.

— Сейчас чай приготовлю. Хотите чаю?

— Я? А, да! Конечно. Замечательно. Все хочу. Чаю, кофе, коньяку, водки, все, что там у тебя есть. Это будет классно!

У него было такое чувство, будто он несется куда-то на длинной, игривой волне. Путешествие было долгим, волна стала его раскачивать, как на качелях, которые толкал ребенок. Маленький, слабый ребенок... О, как чудесно обволакивал его бархатный сон. Он наплывал вол-

ами теплого, тропического моря — от ног к животу, к руди, к горлу, накрытому мягким сатиновым покрывалом. Он почувствовал ветерок на щеке. Это было дыхание Тани.

— Спи, — прошептала она. — Ты и так уж напился. Тром будет тебе чай.

Он улыбнулся. Она поцеловала его в губы и пощекотала губами кончик носа.

Сидя в субботу утром у телефона, Ники ожидал звонка от Вики. Иногда он клевал носом: не выспался. И с удивлением поглядывал на Катю.

Как и в Москве, она сумела отстраниться от всех его дел, связанных с бизнесом. А дела эти составляли теперь всю его жизнь. В Америке Катя быстро нашла себе место преподавателя. За восемнадцать месяцев она лишь дважды побывала в "Московских ночах": один раз — на открытии, второй — на банкете по случаю дня рождения Вики.

Он с самого начала видел, что жене не нравились его юные друзья и весь его образ жизни. На эту тему они никогда не разговаривали. И вообще в последние несколько месяцев редко беседовали друг с другом. Катя была целиком поглощена своими "парнишками", как она называла школьников.

Ее английский был безупречен. В свое время она преподавала язык. В Америке надеялась преподавать русский.

Ей дали место учительницы в бруклинском гетто. В первый же день она пришла из школы в панике. Оказывается, она будет преподавать не язык, а выполнять роль няньки в небольшой группе умственно отсталых учеников. Директор школы называл их — "чокнутые". Все дети были чернокожими. Директор заклинал ее быть с ними осторожнее. Они были неконтролируемы, неспособны к учебе, просто сумасшедшие.

Катя рассказывала Ники, что они не были никакими сумасшедшими: это были просто дети из бедных семей, нуждающиеся в помощи и заботе. Она рассказала про одного из них, по кличке Ушастый. В первое утро, когда она пришла в класс, Ушастого на месте не оказалось, хотя его вещи лежали на парте. Когда Катя спросила всех, не видели ли они Ушастого, все обернулось на платяной шкаф. Катя открыла его и увидела мальчишку висющим вниз головой. Он зацепился ногами за вешалку, руки закрестил на груди, а голова была в одном дюйме от дна шкафа. Она спросила Ушастого, почему он висел вверх тормашками в шкафу. Тот ответил, что ему так нравится, что прочищает мозги. Катя сказала, что он может висеть

так сколько хочет, а когда надоест, может присоединиться к остальным. Спустя какое-то время Ушастый вышел-таки из шкафа. Катя заключила с ним соглашение пусть висит в шкафу каждый день, но в определенное время. Ушастый сказал, что он предпочитает висеть после обеда. Каждый день, ровно в час, Катя напоминала Ушастому, что ему пора висеть. В шкаф она ставила таймер заведенный на полчаса. Когда таймер начинал звенеть Ушастый присоединялся к группе. Через неделю он бросил это занятие.

Отношения Кати с ее парнишками складывались отлично. Их сплотил мир удивительных открытий. Экзотичная Катя и уличные мальчишки из гетто изучали Нью-Йорк, его музеи, сады, зоопарки, статую Свободы. Администраторы парка просили их приходить еще. Двое парнишек покрепче вызвались быть ее телохранителями и каждый день провожали ее домой. Дети приходили к ней в гости в самые неожиданные часы дня или вечера. Она внесла в их жизнь нечто необычное, интересное, а они дали ей ощущение собственной значимости. И конечно, они дарили ей свою любовь. Ники чувствовал, что все больше и больше вытесняется из ее жизни. Безумный мир, в котором он жил, с его ужасами и предательствами, был так же чужд Кате, как и его дела в Москва. Он оберегал ее от этого мира, отказывался вводить ее в свои джунгли, населенные дикарями, с которыми он имел дело...

Суббота, утро

Телефон наконец зазвонил. Когда Ники услышал голос Вики, он устроился в кресле поудобнее и закурил сигарету.

— Ну что, Вика? Еще неделя прошла.

— Да, Ники, еще одна.

Голос ее звучал тускло, словно она устала.

— Вика, у тебя там сейчас два часа дня. А ты кажешься такой утомленной. Что там у тебя? Изматываешь очередного любовника?

На другом конце линии наступила пауза, словно она обдумывала ответ. Ники был настроен на шутливый тон. Их разговоры всегда были веселыми.

— Ах, Ники, — сказала она наконец. — Крутить любовь с женатым — это все равно что прятать лицо под подушкой: дышать невозможно.

— Ты что, влюбилась?

— Представь себе. Здесь все возможно, в этом солнечном раю у моря. — В какой-то момент Ники показа-

лось, что она всхлипнула. — Но мне иногда так одиноко, Ники...

— А что твой молодой любовник? Ну тот, которого ты прогоняла по утрам из постели и он бежал к своей мамочке.

— Когда я смотрю в его красивые карие глаза, безмятежные и удивленные, я думаю о Джоне Карло, о человеке, которого я хочу. А он где-то сидит со своей толстой женой и шестью детьми. Шестеро детей, Ники, представлешь? Господь слишком суров ко мне.

— Бога нет, Вика.

— Ошибаешься. Бог есть. И он пользуется своим могуществом, чтобы дурачить глупых людей. Есть он, есть. Причем Бог — мужчина и, как все мужики, жутко пакостный тип, обожает мучить нас, женщин.

У Ники возникло желание бросить трубку: у Вики были свои проблемы, она страдала, а он был слишком далеко, чтобы помочь ей. Вопросы, которые волновали его, ей радости не принесут.

— Я тоже мужик, Вика, но мне никакого удовольствия не доставляет кого-то мучить.

— Ты знаешь, я когда-то была в тебя по-настоящему люблена, — тихо сказала она.

— Серьезно? А я и не подозревал об этом. Ей-богу, я не знал.

Долгая пауза. Потом Вика сказала:

— У меня, кстати, есть для тебя неплохие новости. Но их и неважные.

Ники чуть подумал.

— Давай сначала плохие.

— Джон Карло уезжает из Рима. Он увозит шефа сицилийской мафии на свою семейную ферму, где-то в Калабрии. Этот тип начал ему говорить такое, что даже Джон Карло перепугался. Эти мафиози, Ники, сумасшедшие. Ты знаешь, они всю семью этого человека убили. И вообще всех его знакомых и близких. Кошмар какой-то. Утравили на свадьбе всех гостей, двадцать человек мерли...

Ники молчал. Он сидел, напряженно сжимая трубку. Ферма. Семейное поместье в Калабрии. Трудно ли Полу Малатесте найти его?

Вика все говорила, а Ники сжимал трубку... напряженно думая. Голос Вики стал тише, она заговорила спокойнее, рассудительнее:

— Джон Карло останется с этим человеком, тот ему доверяет. Если бы ты знал, какой Джон Карло потрясающий мужик, такой внимательный, все понимает. Каждого слушает и подбодрит. — Она тихо засмеялась. Этот смех вернул Ники к теме их разговора.

— Значит, ты остаешься без своего Карло? — спросил он.

— Да мне кажется, что я и так всегда без него. Важно, кто он такой, мой Джон Карло. Но ты, надеюсь, понял, что я имею в виду? Ты понял, в чем тут дело? говорит, Ники. Говорит им все. То, что я слышала об этой публике... слава Богу...

Он не слушал ее.

— А ты знаешь, где находится это поместье?

— Знаю, — тихо ответила она.

— Да, кстати, а хорошие новости? Ты сказала, что и хорошие.

— О! Отличные. Тебе весточка с родины. Помни Мишу Ягодина? Ювелира?

— Конечно. Брат Юрия.

— Так вот, он здесь, в Риме. Привез письмо для тебя.

— От кого? — спросил Ники со смехом.

— От Виктора Воска.

Словно свет вспыхнул в комнате — так тепло и приятно стало Ники. Он вспомнил: так он радовался, когда еще мальчишкой решил, что где-то на свете есть родной ему Зораков. Тогда этот свет стал быстро тускнеть, гаснуть, он знал, что по-прежнему будет один, еще бы один, чем всегда. Тяжелое было время... пока не появился Виктор.

— Ты не шутишь?

— Нет! Виктор хочет с тобой встретиться в городе "Эсперанса" в Сан-Диего! Представляешь? Он будет в воскресенье.

— Да ты что?! Завтра, в Сан-Диего?! Вика! Сан-Диего это на другом краю Америки. Бог мой! Это же у черт куличках.

— Да ладно тебе, Ники. Ты же в Америке, не в Союзе. Сел на самолет и полетел. Ты же свободный человек. Только заплати за билет — и никаких проблем.

Ники почувствовал нервную дрожь где-то в желудке, груди, потом и в горле. Знакомое чувство...

— Так ты полетишь, Ники?

— Да я в Сибирь полечу, чтобы повидать старого друга!

— Ну, Сан-Диего, слава Богу, не Сибирь. Какой ты, наконец, sentimentalный!

— Одно слово — русский.

— Это уж точно. Так оно и есть, ты сам знаешь.

— Что знаю?

— Что я тебя любила по-настоящему.

— Давно-давно, в другом мире, я, кажется, тоже любил.

— Ой, какие же вы, мужики, вруны!.. Чао, Ники!

16

Алексу показалось, что во рту у него — горящие угли, и он закрыл лицо ладонями. Губы Тани прижались к нему, она застонала, как плачущая горлица. Хотя шторы были плотно сдвинуты, Алекс заметил, что день был в разгаре. Ее голова двигалась в ритме крыльев летящей морской птицы. Он глубже втиснулся головой в подушку и подумал о Марше, о дурацком ее поведении.

— Ты только держи себя в руках. Если тебя вырвет, сам же и захлебнешься.

Ничего себе половая жизнь. Дал себе слово воздерживаться целый месяц, а тут возбудил ее и прямо затопил семенем.

Неожиданно Таня соскользнула с него, словно ее током ударило. Все железо, которое растворилось в его организме с водкой, снова собралось воедино. Таня склонилась над ним и заработала так, словно между ног у него был бенгальский огонь.

— Ну, янки, дудль-дэнди, можешь разбудить меня, можешь расшевелить? — Ее груди качались прямо перед его лицом. Кончиками пальцев она нежно рисовала кружочки на его щеках, губах, подбородке. Потом заговорила умоляюще: — Ну еще, глубже, Саша. Ты же такой хороший любовник. Самый лучший.

В комнате словно поселилось сразу несколько горлиц.

— Ну давай же, давай, Саша. Хороший любовник, самый лучший!..

"Ты прав, Ники Зораков, — подумал он. — Это город лжецов".

Таня оседлала его.

Воркующие горлицы улетели, отрывисто запела сойка. Таня мчалась верхом во всю прыть, словно для них это было привычное дело, любимая песня. Ее голова ритмично раскачивалась.

А глаза у нее красивые. Между ними, на переносице, висела капелька пота. Но Алекс уже думал о Винни, о русском ковбое и Ники Зоракове. Для Тани поездка верхом обещала быть очень и очень долгой. Часы на комодке показывали девять тридцать. Может быть, подумал Алекс, Марша тоже просит Лягушачью Задницу войти поглубже, уверяя его, что он самый лучший. Он попытался сосредоточиться на капельках пота, которые усеяли груди Тани. "Сосредоточься, сосредоточься, — внушал он себе. — Пусть получится, пусть получится". Но ничего особенного не чувствовал.

А Таня продолжала гарцевать.

Наконец он прикусил нижнюю губу и приподнял голо-

ву так, как обычно делал в финале, когда все бы по-настоящему.

Город обманщиков, нация жуликов, мир фальши и мозванцев.

Он вцепился в грудь Тани и изобразил стоны, котор могли бы позавидовать профессиональные лицедеи.

Таня обхватила его затылок, прижалась к нему.

— Я здесь, Саша! — крикнула она. — Здесь, здесь... вот... ну вот... и у тебя получилось. Все... все... ты сам лучший...

Прошло несколько минут полного молчания, потом она зашептала ему на ухо что-то по-русски, возможколыбельную песню.

Водочный туман обволакивал мозг Алекса. Взгляд и как не мог сфокусироваться. Он закрыл глаза и некоторое время лежал, зажмурившись. Потом осторожно приоткрыл их. Ему приснилось, что Винни сидит с ним в "Московских ночах". Они танцуют с ним под музыку скрипки смеются так, как смеются русские мужики. Во сне он чувствовал себя счастливым и хотел поскорее вернуться туда.

Ты поцелуешь меня раз,
Я поцелую тебя два,
Ля-ля-ля, ля-ля-ля,
Ах, это парадиз...

Дневной свет проникал сквозь желтые занавески, освещая обнаженную Таню. Она лежала рядом с ним на кровати, тихо дыша. Ее скачки верхом, похмелье и плескрипки убаюкали Алекса. "А ведь ничего нет такого уж важного, из-за чего нужно было бы вставать", — подумал он. Его взгляд обратился к часам: десять утра. Алекс увидел свой пистолет, бляху, блокнот и лениво подумал, как аккуратно они оказались сложенными на столике.

Таня вздохнула. Это был эротический вздох, и у него слегка шевельнулось в чреслах. Но тут он снова погрузился в сон.

Фэт Энтони припарковал машину и по грязной дорожке пошел на склад металлолома. Он открыл замок, нажал кнопку, и стальные ворота разъехались в стороны, маленькие колесики разбрызгивали грязь и гальку. Ему нравился этот звук. Фэт Энтони открывал занавес в магазине металлолома. На минуту он замер и огляделся по сторонам.

"Мерседес" русского был расплюснут. Два трупа, вперемешку с кожей сидений и сталью автомобиля, скоро начнут пахнуть. Ни смазка, ни масло, ни керосин, ни бен-

жизни, ни грязь склада не перебивают трупного запаха. Фэт Энтони знал это. Иной раз, буквально через несколько часов, смрад поднимался, словно в знак протеста. Ему хотелось, чтобы вырыли яму да закопали все, и дело с концом. Присыпать сверху землей, а там подгонят магнит и все уберут.

Фэт Энтони выпил кофе из термоса, откусил кусок свежего итальянского хлеба с маслом. Оснований для паники не было. Скоро следы вчерашнего исчезнут. Грузовик из плавильни в Нью-Джерси был уже в пути. Русский, этот дурак Винни и "мерседес" будут кремированы, от них останется только кучка пепла.

Фэт Энтони чувствовал себя скверно. Его сердце, сердце кладовщика, было разбито: роскошный приемник "Блаупункт" был тоже раздавлен. Он, конечно, и пальцем не пошевелил, когда это случилось. А мог бы спасти радио. Такие оптом идут по шестьсот долларов. Какой позор, какое преступление, думал он.

Он откусил еще один поряточный кусок, поперхнулся, запил его глотком сладкого кофе.

Потом Фэт Энтони стоял над спрессованным в брикет автомобилем, вздыхал, покачивая головой. Шестисотдолларовый "Блаупункт". Какое преступление! В пятидесяти метрах от него через ворота входил Карл Маркс. Фэт Энтони закурил сигарету. Когда он увидел, что к нему приближается карлик, он бросил сигарету в грязь. Сердце бешено заколотилось в груди. Что такое? Он испытал расстройственность. Карлика он знал, но почему он шел к нему так, как ковбой к лошади?

У карлика были хорошие связи, это все знали. Фэт нервно откусил еще кусок булки, которую держал в руке. Откуда появился этот поскребыш?

— Эй! — окликнул он карлика.

Фэт Энтони был влиятельным человеком, это тоже все знали. С ним шутки не выйдут. Он связан с "семьей", он "посвященный". Возможно, тут какой-то обман зрения. Маленький сукин сын держал в руке пистолет.

Фэт шагнул назад, потом еще, а карлик приближался.

Фэт Энтони поднес ко рту стаканчик кофе, но руки друг так затряслись, что он выронил стаканчик и облил им двухсотдолларовые ботинки.

А карлик неуклонно приближался.

— Что ты делаешь? Скажи хотя бы, в чем дело?! А?! Подожди! — закричал он. Изо рта брызнули крошки бутерброда.

Фэт Энтони попятился назад еще быстрее.

— Что я такого сделал, Карл? Да подожди ты, черт пори! — Он споткнулся о бампер "шевроле" и упал спиной в грязь. Тут же перекатился на живот, как тюлень.

— Полиция! — хрипло заорал он. — Полиция! — (кричал изо всех сил, как никогда в жизни не кричал.

Карл Маркс дивился на это зрелище и улыбался.

— Я от дона Малатесты, — сказал он.

Карлик говорил по-английски. Фэт Энтони был из нвой волны, он не понимал сицилийского. Он встал на колени.

— За что, ради Господа?

Карл Маркс пожал плечами.

— Ты, наверно, лучше меня знаешь.

Он посмотрел ему в глаза и выстрелил. Пуля угодила точно в середину лба, на дюйм выше переносицы. Карл Маркс никогда и ничего не оставлял на волю случая. Он извлек из кармана бритву, не спеша раскрыл ее и пошел туда, где в грязи, рядом с недоеденным бутербродом, лежал Фэт Энтони.

Для Карла Маркса это было чем-то вроде религиозного ритуала. Он перекрестился, нагнулся и перерезал Фэт Энтони глотку.

Когда Алекс проснулся снова, комната была залита дневным светом. Занавески раздвинуты. На кухне играло радио. А на краю кровати сидел Николай Зораков.

Вошла Таня с чашкой. От чашки поднимался пар.

— Вот, попейте. Хороший, крепкий чай, — сказала она.

— Доброе утро, — заговорил Ники. — Как самочувствие?

— Бывало и хуже, — соврал Алекс. Он сел и начал пить чай.

— Когда пьешь водку, надо побольше есть. Это самое главное, — сказал Ники.

— Да, слышал, слышал. Русские много едят, я знаю.

Алекс посмотрел на комод. Его пистолет и бляха лежали на месте, но бумаги исчезли.

— Итак, мой друг, детектив Александр Саймон, вы написали мое имя на листе бумаги, пришли в мой ресторан, чтобы попытаться загнать меня в ловушку. Вы пытались склонить меня на нарушение закона, чего я никогда не сделаю. Это нечестно, Александр Саймон. Просто очень непорядочно.

Алекс сделал большой глоток чаю. Зрение его окончательно прояснилось. Он взглянул на часы. Одиннадцать утра. Отвечать он не стал, но постарался многозначительно посмотреть в глаза Ники. Тот сидел на кровати, поджав ногу на ногу, сплетя на колене пальцы. Выглядел как хитрый лис на скале, наблюдающий за гончими, которые кругами бегают внизу.

— Я вижу, Зораков, самочувствие у вас неплохое.

— Зови меня просто Ники. Верно, я себя чувствую
йчас куда лучше, чем ты.

Смутно соображая, что делает, Алекс вылез из постели, оделся. Сунул полицейскую бляху в карман, нацепил
пистолет на пояс.

— Хороший пистолет, — сказал Ники. — В Нью-Йорке
всех есть оружие.

— У нас и у местных преступников — навалом. Да еще
давно прибывшие подключаются. Знаешь, что я имею в
ду, Зораков?

Ники улыбнулся и поднял руки вверх: дескать, сдаюсь.

Алекс прошел из спальни на кухню, поискал Таню. Он
м не знал, беспокоиться по этому поводу или нет. Во
этом случае, ее не было.

— Она пошла за покупками, — сказал Ники. — Вер-
нется не раньше чем через час.

— Славная женщина, — заметил Алекс.

— Отличная. Добрая душа. На родине ей много при-
шлось пережить, а здесь довелось хлебнуть и похлеще.

— Ты уже сколько времени в Штатах?

— Два года. Чуть меньше.

— У тебя хороший английский.

— Спасибо.

Алекс стоял в двери, смотрел на Ники, который все
еще сидел на постели и вспоминал ночь и утро с Таней.
И, верно, добрая душа. И — страстная любовница.

— Прекрасная женщина. Ты прав, Зораков. Добрая —
подходящее слово для Тани.

— Она считает себя поэтессой. Все поэты — добрые
люди, — сказал Ники с улыбкой.

— И видимо, все русские — поэты.

— Поэты из "империи зла". Так, детектив Саймон?

— Называй меня просто Алекс.

— Нет, лучше — Саша. Саша — подходит? Хорошее
имя.

— Лишь бы тебе нравилось, Зораков. Но я тебе все же
скажу. Я думаю, дерьма в тебе многовато.

Ники показалось, что ему влепили пощечину. Тем не
менее он сохранил на лице улыбку.

— Ты так считаешь?

Алекс был, видимо, доволен своим точным определе-
нием.

— У меня, Зораков, расклад — флэш, как говорят в по-
лицейском. Ты — самый настоящий уголовник. По моим расче-
там, ты замешан в убийстве по меньшей мере трех чело-
век. А вышагиваешь по ресторану, как царь. Только на де-
лу у тебя кокаин.

— Что еще? — спросил Ники.

— Что? Ты — деревенщина.

Ники удивила такая вспышка эмоций. Он считал, совместная пьянка как-то охладила пыл Алекса. Увы, димо, нет. И это вызвало у него разочарование. Ему хотелось подружиться с этим человеком. Что-то было в нем от Виктора Воска. Не только то, что оба были блюстителями порядка. Может, полет? У Виктора были в душе походы и отвага. И у этого американского детектива вроде бы тоже. Пришел в клуб один, один против всех. Смелый и жик. Ники таких уважал.

— Слушай, — сказал Ники. — Мы тут с тобой одни, и ворим с глазу на глаз. Давай попробуем понять друг друга. Прежде всего я не уголовник, не убийца и наркотики не промышляю. Вся твоя информация обо мне невинна. Как я могу убедить тебя в этом?

Алекс смотрел на него с удивлением.

— Попробуй ответить на вопрос, что я задал тебе вчера. Только говори правду.

— Вчера ты просил достать тебе кокаина. С тех пор ничего не переменялось. Я к наркотикам отношения имею.

— А твой друг в ковбойской шляпе?

— Я же сказал тебе, что уволил его. Его больше нет.

— Как его звали?

— Если он так важен, как же ты не знаешь его по имени? — Ники попытался улыбнуться.

— Черт тебя подери! Обещал говорить начистоту, сам опять какие-то па-де-де устраиваешь.

— Я думаю, у тебя есть какие-то соображения в отношении меня и него. Скажи просто, что ты хочешь узнать, — предложил Ники. — Вот ты про убийства начинаешь. Какие убийства? И что насчет Муски и Малатесты?

Алекс смотрел на него подозрительно. Полицейские везде одним миром мазаны.

— Скажи мне имя человека в ковбойской шляпе. И не забудь про него.

— Юрий его зовут.

— Хорошо, хорошо. Видишь? Это совсем нетрудно. Правду легко говорить, когда совесть чиста.

Алекс выключил радио, сел на кровать рядом с Ники.

— Где он живет?

— На Брайтон-Бич.

— Где именно? — спросил Алекс деловым тоном.

— Адреса я не знаю, — соврал Ники. Правда — не в водка, с ней легко переборщить, подумал он.

— Позвони ему. Он на тебя работал. Если хочешь, чтобы я тебе верил, позвони ему.

Ники не хотел делать необдуманных шагов. Алекс ему нравился, но доверять ему резона не было. Идея звонить покойнику была хуже, чем сам факт его гибели. Юрий

эр. Почему же этот детектив так заинтересован в том, бы найти его? Ему не нравилась игра, где он не мог инировать собственные ходы.

— Ладно. Ты пока собирайся с духом, а я позвоню по им делам, — сказал Алекс.

— А чего мне собираться с духом? Могу позвонить, ии хочешь.

— Хочу. Только минуточку подожди. Времени оказа- ь больше, чем я думал. Надо звякнуть кое-кому.

Набирая номер своей квартиры, он был уверен, что час услышит по автоответчику глупый и милый голос нии. Он церемонно извлек из кармана считывающее роЙство. Оно затрещало, как сверчок. Алекс слышал, : перематывалась пленка: либо было одно длинное по- ние, либо несколько маленьких. Процесс оказался до- ьно долгим, и Алекс забеспокоился.

Наконец... Делани. Пошел он к черту, подумал Алекс и юмотал пленку на следующее сообщение. Инспектор :с. Стало еще тревожнее. Не нравился ему тон, каким юрил инспектор. Очень не нравился.

— Я звоню из 113-го участка в Куинз, — сказал :с. — Сейчас десять утра. Пока буду здесь.

Алекс нажал на рычажок и набрал номер участка. По- жил дежурного соединить его с оперативной бригадой ать инспектора Росса.

— Ты где находишься?

— В Бруклине. Что случилось?

— Кто-то убрал Матти Муску. Ему снесли голову.

Алекс посмотрел в спальню. Ники сидел на кровати, тал журнал.

— Когда? — спросил он.

— Есть свидетель. Точнее, не совсем свидетель. Он ни- о не видел, но слышал выстрелы. Ночью, в два часа. В два часа он был с Ники. Юрия в ковбойской шляпе и не было.

— И вот еще что, Алекс, — сказал Росс. — У Муски в мане оказалось подслушивающее оборудование.

— Муска надел провода?

— Да нет.

— А что же тогда?

— У него в кармане была "Награ", нательный магнито- н. Да ты знаешь.

— Знаю.

— Твой парень, Винни Эспозито, носил его на себе. и еще был пластырь. К нему прилипли рыжие волоски.

— О Боже!

На другом конце провода — тишина. Потом инспектор :с со вздохом сказал:

— Вот так...

— Может, мне позвонить Делани? — Алекс задав вопрос скорее себе, чем инспектору.

Он решил все же подождать. Снова набрал и своего телефона, прослушал остальные звонки. Сосний от Винни не было.

— Все, — крикнул он Ники. — Я закончил. Позвоню моему другу Юрию.

Ники вышел на кухню, вздохнул и покачал головой.

Если страх и безумие гнездятся в глазах человека, бывало, говорил Виктор, то и гнев — тоже, и Ники увидел его в глазах Алекса. Тот стоял, прислонившись к столу около телефона, скрестив руки на груди. Голова его была склонена набок, он грыз изнутри щеку.

— Ты все еще на меня злишься. Считаешь, что я ступник, гангстер или что-нибудь в этом роде?

— Хватит меня подкалывать. Давай звони, Ники.

— Чем подкалывать? — спросил Ники. Он взял трубку и набрал телефон Юрия.

— Не везет, — сказал он вскоре. — Никто не отвечает.

— Странно. Такого я не предполагал. — Алекс глухо вздохнул и медленно-медленно выдохнул. — В общем слушай, Ники. Есть неприятная новость. Во время телефонного разговора, который у меня был сейчас, я узнал, что твой близкий друг скоропостижно скончался этой ночью.

“Значит, он знает про Юрия”, — подумал Ники.

— Он умер от болезни, которая называется дырка в лбу. Поражена голова. Вернее, снесена начисто. Видно наследственная болезнь. Семейная. Месяц или два назад от той же болезни умер его племянник. Насколько понимаю, ты — разносчик этой болезни. Этой чумы.

Ники молчал.

— А что, подробности тебя не интересуют?

— Извините, детектив Саймон, я что-то с трудом понимаю.

— А почему не Алекс? Не Саша? Мы что, Зора опять перешли на официальный тон?

— Ну ладно, Алекс. Ты что, разыгрываешь меня?

— Ничего себе розыгрыш! Я сообщаю о трагической кончине человека, а ты даже имени его не спрашиваешь. Какие же вы, русские, черствые люди!..

— Ну ладно... Кто это?

— Твой дорогой друг и покровитель Матти Муска покинул нас сегодня, ранним утром.

— Отлично! — Ники не смог удержать улыбки.

— Феноменально. Ники Зораков становится искренним человеком. — Алекс подмигнул, и на лице его тоже расплылась широкая улыбка.

Оба расхохотались. Ники сперва лишь несмело хи-

нул, потом рассмеялся по-русски, от всей души. Смех Алекса был открытым, свободным, как у мальчишки.

— Ну ты, Ники, даешь... Впрочем, настоящим мастером выпендрежа все-таки остаюсь я. Ха-ха-ха! Не ври больше! Доверься мне, и я тебе помогу.

Алекс говорил все это смеясь, но в общем-то вполне серьезно. Оборвав смех, он посмотрел на телефон, который безмолвно висел на стене. Забытая было мысль вновь осенила его.

Напряжение между ними исчезло. Ники чувствовал себя так, словно уцелел после жуткого шторма. А может, он и вправду нашел себе нового друга, человека, которому мог доверять? Товарища...

— Нью-Йорк — город зла, верно, Саша?

— Как тебе сказать? На самом деле городов или стран зла не бывает, Ники. А бывают бессердечные и безмозглые люди.

— Слушай, ты по-прежнему подозреваешь, что я гангстер, убийца и торговец наркотиками? — спросил Ники так, словно ответ Алекса был ему очень важен.

— Может, подозреваю, а может, и нет. Я тебя не до конца понимаю, Ники.

Ники засмеялся:

— Кто знает, может быть, скоро я сам себя пойму до конца, и тогда...

— Ладно, — сказал Алекс, поднимаясь и подходя к телефону. — Я понимаю, в какой обстановке ты живешь и работаешь. Ты парень что надо, Ники.

Ники улыбался. Он почесал в затылке, пожал плечами.

— Ты только помни, что тюрьмы и кладбища во всем мире полны людей, о которых говорили: он парень что надо...

Алекс приник к телефону, про себя молясь, чтобы наконец услышать слова: это я, Ба-Ба...

17

Полицейская машина 122-го участка переваливалась и прыгала на ухабах, способных сломать позвоночник любому пассажиру. Она вовремя увертывалась от брошенных среди улицы стиральных машин, лихо объезжала сгоревшие холодильники, телевизоры, сломанные стулья, столы без верха, зеленые мешки с мусором и с гнилыми арбузными корками, помидорами, кошачьим дерьмом и прочим.

— О-ох!!! Слушай, сбавь хоть до пятидесяти, дорогая,

прежде чем окончательно доломаешь машину, — сказал сержант Курт Мюллер водительнице — офицеру Мэри Энн Скотт.

— Вам же сказали: убийство, сержант, убийство. И не попрекайте меня, я и так слишком взволнованна.

— Они сказали — тело, Скотт, тело. И выключи к черту динамики, у меня в голове гудит.

Неожиданно сержант Мюллер подпрыгнул и стукнулся головой о верх. Офицер полиции Скотт резко свернула влево и въехала на склад Фэта Энтони.

Сержант Мюллер поступил в департамент еще до Вьетнама, до того как спалили Гарлем и Южный Бронкс. Он приближался к четвертой сотне убийств. Для офицера Мэри Энн Скотт это было первое подобное дело. Добравшись до объекта в рекордное время, она вышла из машины с дубинкой в руке. Прежде чем сержант Мюллер успел почесать голову, она снова уселась за руль.

— Он мертв, это ясно. Застрелен, зарезан, а может, отравлен. Там изо рта у него что-то белое вывалилось.

— Я не хочу выглядеть брюзгой, Скотт, но не думаешь ли ты, что следует осмотреть место преступления?

Офицер полиции Скотт дрожащей рукой потерла себе подбородок.

— Н-н-ну... что ж... если надо...

— Иди посмотри, что там, Скотт. Я присоединюсь, как только желудок на место опустится.

— А может... я подожду вас, сержант? Он ведь никуда не убежит.

— Когда пройдет дрожь в руках, возьми папку и ступай за мной. Через пару минут подъедет лейтенант, а может, капитан. Давай пойдем вместе. Может, сумеем их убедить, что мы тут огромную работу проделали.

— Н-н-ну ладно...

— Пошли, Скотт, пошли.

Спустя пять минут офицер полиции Мэри Энн Скотт издала такой вопль, что собаки в трех кварталах от склада бросились прятаться кто куда.

— Боже! Боже мой! Господи!..

Если сержант Курт Мюллер будет служить в полиции еще тридцать лет, он не устанет вспоминать свой четырехсотый выезд. Из спрессованного брикета, бывшего когда-то автомобилем, сочилось и капало. Из него торчали ошметки мяса, обломки костей, человеческие внутренности прилипли к коже и хромированным деталям. И не только это. В будущем сержант Мюллер попытается рассказать, что почувствовал, увидев торчащую руку, вцепившуюся в ковбойскую шляпу...

Суббота, день

Нино Бальзамо сказал Юниору, что пойдет малость вздремнуть. Он жил на верхнем этаже четырехэтажного дома на Четвертой улице. Дом принадлежал ему; ему же принадлежал и соседний дом с пиццерией, где работали три брата, прибывшие год назад из Палермо. Эти братья тоже успели купить три кирпичных дома, на две семьи каждый, на Стейтен Айленде.

Каждые шесть недель братья получали двадцать галлонов второсортного оливкового масла, а с ним — десять полукилограммовых пакетов девяностосемипроцентного героина, произведенного старым французским методом немецкими химиками и доведенного до ослепительной белизны.

— Поднимусь к себе, вздремну малость, — сказал Бальзамо. — Напомни мне, когда спущусь, — я обещал старикам сыграть с ними в клубе в семь с половиной.

Юниор спросил, можно ли ему прихватить Тото и погулять.

— Валий, — ответил Бальзамо. — Через час возвращайся.

Нино Бальзамо было семьдесят лет. До того как его зубы покрыл коричневый налет, он обвораживал женщин старомодными манерами и скатанными в трубочку пятидесятидолларовыми ассигнациями.

Анжелина Молина, шестидесятичетырехлетняя вдова, жила на первом этаже дома Бальзамо бесплатно. У нее была громадная рекламная банка из-под майонеза Хеллмана, наполненная трубочками из купюр достоинством в пятьдесят долларов.

Каждый полдень, кроме воскресенья, Бальзамо сидел на кухне, курил и пил густое бургундское вино, пока Анжелина колдовала у плиты. Затем они вместе ели фриттату. Бальзамо выпивал два стакана вина. Он спал целый час. Иногда просыпался с эрекцией. Анжелина определяла это по тому, как натягивались его штаны: Бальзамо всегда спал на спине. Она тихонько свистела ему на ухо и с некоторой гордостью подготавливала себя с помощью вазелина на кончике пальца.

На его лице появлялась характерная злодейская улыбка, и он расстегивал штаны. Она влезала на него, что-то шепча и мурлыкая.

Когда все заканчивалось, они вспоминали времена, когда Бальзамо ложился вздремнуть таким способом три, а иной раз и четыре раза в день.

— Ты святой человек, Анжелина, — говорил он, на что она отвечала:

— Ты самый лучший, Нино Бальзамо.

На протяжении многих лет жена Бальзамо сидела на верху у окна. Она наблюдала, как он приходит и как уходит. Ни разу она не осмелилась даже намекнуть, что ей известно, что происходит за этим окном. Когда-нибудь придет день возмездия: супруга Бальзамо была уверена в этом. Придет час истины. Тогда Нино Бальзамо заплатит за годы унижений и кошмаров, которые мучили ее по ночам.

Наружная дверь была открыта, но чтобы войти в вестибюль, Бальзамо воспользовался ключом. Он постоял неподвижно внизу, надеясь уловить запах фриттаты с кухни Анжелины. Посмотрел вверх, на лестницу. В доме царил тишина и запах фриттаты.

Под лестницей была ниша с дверью, ведущей в подвал. В той части вестибюля всегда было темно. Когда Бальзамо проходил мимо ниши, оттуда выступил карлик и выстрелил. Он убил Бальзамо одним выстрелом из девятимиллиметровой "беретты" с глушителем. Пистолет он держал обеими руками. Бальзамо упал, в сумраке сверкнуло лезвие бритвы.

Выйдя наружу, Карл Маркс, сам не зная почему, обернулся и посмотрел вверх. В окне четвертого этажа сидела женщина. Карлу показалось, что она улыбается. Карлик потрогал рукой золотой рог, висевший на шее, и на всякий случай дважды перекрестился. Потом он поцеловал большой палец и поднял его в сторону женщины, сидевшей в окне.

Они сидели в одном из боксов, над которыми во всю длину стены шла надпись: "Двери Дублина". Делани сначала предложил встретиться с ФБР, на площади Фоли. "Ни за что на свете", — ответил Алекс.

Они выбрали тихий ресторанчик в Вест-Сайде, на Эмералд Айл. Алекс чувствовал себя в этом заведении своим. Здесь любили собираться полицейские, и здесь он мог открыто высказать Делани все, что он думает о Федеральном бюро расследований. "Они перехватывают твои дела и крадут твоих осведомителей", — неустанно повторял ему Росс. А кто-то другой сказал: "Мы учимся на наших ошибках".

Было два часа дня. Когда Алекс подошел к боксу, где сидели фэбээровцы, те сразу замолчали. "Будь осторожен, — сказал себе Алекс. — Большинство людей в думающем мире умнее тебя. Хоть ты и мастер выпендрежа, будь начеку".

Агенты Корсо и Ривера, говорившие по-русски и напоминавшие командиров команды, исполняющей смертные приговоры, сидели молча. Делани встал, протянул Алексу руку. Тот пожал ее и подмигнул. Делани улыбнулся. Они

звно знали друг друга. Так давно, что их знакомство, казалось, уходило в историю. Неужто они сообща не выпустятся из нынешней дерьмовой ситуации?.. Алекс почувствовал себя лучше.

— Вид у тебя помятый, — заметил Делани. — Что ты им затеял? Я уйму времени потерял, пытаюсь тебя разыскать.

— Дела. Занят был, — ответил Алекс. И тут же сам откинул пробный шар, обратившись к остальным двум: — вы оба выглядите классно. Ваш шеф в Вашингтоне может гордиться вами.

Контратака. Ривера улыбнулся и покачал головой:

— Сядь-ка, Саймон. Мы не агенты дьявола, сам знаешь. Некоторые даже считают, что мы выполняем важную работу.

— Да я когда-то и сам был вашим поклонником, — ответил Алекс. Он сел рядом с Делани, напротив Риверы. Корсо сидел неподвижно и молча гладел на него.

— Послушай, а ты когда-нибудь ощущал себя игроком команды? — спросил Ривера.

— Это он-то? — Делани ухмыльнулся.

— Слушайте, я пришел сюда по просьбе Делани. Я рад буду работать с вами, ребята. Из вас выйдет команда, объединенная одной целью: искоренить зло в этом городе. Давайте приступим к делу. Только сначала скажите мне о-нибудь, где мой осведомитель. Нам его помощь очень понадобится. — Алекс внимательно посмотрел им в глаза, и каждый из них отвел взгляд в сторону.

Корсо заявил, что хочет пива. Делани — тоже. Ривера, идущий ближе всех к бару, поднялся, но Корсо первый мыкнул мимо него к стойке.

— Мы его не видели со вчерашнего вечера, — тихо ответил Делани.

— А вчера вечером где вы его видели? — спросил текс.

— В Бруклине. Мы нацепили на него провода и отправили на дело. Я сказал ему, чтобы он надел передатчик, а агнитофон использовал только для подстраховки. Если он надел передатчик, мы бы держали его в поле зрения и всегда бы подстраховали. А он ни в какую. Винни Э-Ба не согласился. Он сказал, они засекут передатчик через минуту.

К тому моменту, как Делани закончил свои объяснения, Корсо вернулся с пивом. Поставил кружку перед Делани, другую — перед Риверой.

— А моя где? — спросил Алекс.

Корсо извинился и вернулся к бару.

— Они нашли Муску с "Нагрой", знаешь?

Голос Алекса так дрожал, что Ривера вздохнул и сказал:

— Ты, надеюсь, не нас обвиняешь в этом?

Алекс пожал плечами.

— Сейчас не до обвинений. Я просто хочу узнать, где он. Только и всего.

Корсо принес пиво Алексу и сел рядом с Риверой.

— Послушай, Саймон, — сказал он, жестикулируя обеими руками. — Фрэнк Ривера и я, мы не из сектора организованной преступности. Я, например, собираюсь поставить на карту свою удачу, пойти на нарушение правил бюро, черт бы их подрал. Том Делани за тебя ручается, и мы с Фрэнком ручаемся за Делани. — Корсо отпил глоток из кружки и вытер рот тыльной стороной ладони. — Ты говоришь, что не понимаешь нас. А мы сюда прибыли вовсе не для того, чтобы тебе нагадить, перехватить твоего осведомителя и тому подобное. Нам нравится то, что мы о тебе знаем. Мы знаем, что ты искусный техник, куда лучше, чем некоторые наши штатные. В Куинз мы это поняли.

— Я не знаю, о чем вы говорите. Что там было, в Куинз?

Делани засмеялся.

— Подожди, Том, — перебил его Корсо. Он продолжал, глядя в глаза Алексу так, словно то, что он собирался сделать, было чрезвычайно опасным, и Алекс должен был это понять. — Слушайте, я хочу выпить. Вам принести еще по кружке?

Все промолчали, и Корсо пошел к бару.

Потом он объяснил, что они с Риверой прибыли из Вашингтона и приписаны к отделению в Нью-Йорке с одним заданием: вербовка. Они ищут агентов, вернее, одного агента, а еще точнее, не агента, а осведомителя.

— Ты знаешь, что мы завербовали Муску? — спросил Корсо.

Алекс не ответил. Он предпочитал помалкивать.

— Но нас Муска или Бальзамо не интересуют. Нам нужно застукать Пола Малатесту. Да и кому не хотелось бы? Муска стал нашим человеком. Думаю, со временем он выдал бы нам Малатесту. Я верю в это, но опять-таки я мало знаю об организованной преступности. Тут Делани разбирается лучше. Так вот, Алекс, я надеюсь и молю Бога, чтобы ты понял, что мы — на войне. Это война со стрельбой, настоящая. Куда ни глянь — они по всем фронтам наступают, они добиваются до нашей глотки.

Алекс обернулся к Делани:

— О ком он говорит?

— Ты слушай, Алекс, — ответил Делани.

Корсо продолжал:

— Годами мы чувствовали себя на нашем полушарии в езопасности. Те времена прошли. Все, Алекс. Кончи-юсь... — Корсо посмотрел на свои руки так, будто они жимали последний меч на баррикадах.

— Это шутка, да? — прошептал Алекс на ухо Делани. — Этот парень меня разыгрывает, Том? Первоапрельская шутка ФБР...

— Другие агентства занимаются делом на других континентах. А наша работа, работа нашей секции, моей группы — защищать наш дом.

Алекс положил подбородок на кулаки и наклонился перед.

— Есть люди, которые считают все это шуткой, Алекс. Поверь мне, тут совсем не до шуток. Ты знаешь, сколько кубинцев, гаитян, вьетнамцев и русских мы пустили в трану за последние пять лет? — Корсо взял Алекса за запястье. — Кубинцы нас заглотили до сих пор. — Он провел ладонью по запястью Алекса. — Гаитяне — посю-да. — Он чиркнул по локтю. Потом протянул руку и лопнул Алекса по плечу. — А если мы позволим такое, о русские заглотят нас по плечи. Их тут теперь почти сто тысяч. И все — недавно прибывшие. Сколько они нам юда агентов заслали? Ты знаешь?

Алекс поднял глаза к потолку и покачал головой. Делани отвернулся и тяжело вздохнул.

— Никто не знает, — сказал Корсо. — Никто, кроме наших врагов в Кремле. Они-то знают, потому что сами их засылают. — Корсо выпил и погрустнел.

— Русские — параноики, — заметил Ривера. — Они всегда такими были.

— Слышал я такое. Паранойя — заразная штука, — сказал Алекс так тихо, что даже Делани, сидевший рядом, едва расслышал его. Затем Алекс спросил, какое отношение та лекция имеет к нему и к его информатору Винни.

— Мы находимся в состоянии войны, Алекс. В войне возможны потери. Ты знаешь, что Арафат побывал в Манагуа? И Кастро тоже? Оба они заявили там: "Ваши враги — это наши враги". Эти люди объединяются, Алекс, и то для них общий враг? — Корсо наклонился к нему через стол и ткнул ему в грудь пальцем. — Ты знаешь, Алекс, сколько евреев осталось в Манагуа?

— Не надо говорить со мной тоном учителя, Корсо. Я азеты читаю. Ты мне скажи одно: какое отношение все, то ты тут наговорил, имеет к Матти Муске, Полу Малаесте или Винни Эспозито?

Корсо откинулся на спинку стула и расхохотался, качая оловой.

— Ты безнадежен! Ну неужели ты не видишь, что они лезут к нам через стены? Выползают из канализационных

люков, спускаются с неба; приземляются на наши пляжи а у тебя главная забота — какая-то вшивая мафия. Мы знаем мафию, Алекс. У нас они все под колпаком. Мы знаем, когда какой-нибудь их босс идет в сортир. Мы знаем о них все, что нам нужно, Алекс. В Мафияленде ничего нового нет. А вот о настоящем враге мы ничего не знаем. Вот тут мы и начинаем присматриваться к этим людям. Команда Матти Муски, Бальзамо, Малатесты, — вся эта шайка снюхалась с шайкой русских, Алекс. И мы хотим пробраться туда. Мы хотим знать, чем живет их колония, что там происходит. Нам нужна информация, Алекс. Нужен хороший, интеллигентный информатор. Мы хотим получить этого парня — Зоракова. Но сперва требуется на него компромат. Ну, рычаг. Тут нам и требуется твоя помощь.

— Хотите знать мое личное мнение? — спросил Алекс

— Конечно, — сказал Делани.

— Я думаю, ребята, что вы слишком загнули. Нет-нет не волнуйтесь, я на патриотизм ваш не посягаю, не собираюсь обзывать вас правыми. Если вы верите, что коммунистическая угроза родилась на мосту Верразано, то, пожалуйста, идите и хватайте их. Как американский налоговый платательщик я это буду приветствовать. Что касается меня то для меня и мафия — нечто выше моих сил. А насчет международной угрозы я вот что тебе скажу, Корсо. Организованная преступность в этой стране погубила больше молодых людей, чем было убито во всех войнах, в которых участвовала Америка. Наркотики, по моему скромному разумению, угроза куда более страшная, чем все марксистско-ленинские революции, вместе взятые. Коммунизм — это обман, трагический обман, и любой недомом понимает, что он потерпел крах. Это — самая крупная катастрофа двадцатого века. Коммунистической угрозы я не боюсь. Но меня до смерти пугают наркотики, в частности героин и кокаин. Вот они-то и есть реальная угроза.

Алекс услышал, как зазвонил телефон, услышал, как бармен снял трубку и выкрикнул его имя:

— Алекс Саймон! Есть тут Алекс Саймон?

— Я попросил инспектора Росса позвонить сюда.

— Саймон, — сказал Ривера. — Мы согласны с тем, что ты говоришь, но проблема гораздо сложнее.

Алекс поднялся из-за стола и пожал плечами:

— Может быть, и так, — сказал он.

Он поговорил по телефону и вернулся, однако за стол не сел. Он стоял и долгим взглядом смотрел на Делани. Наконец протянул руку, взял кружку и допил свое пиво. Делани он показался расстроенным.

— Что-нибудь случилось, Алекс? — спросил тот.

Алекс кивнул и медленно выдохнул. Плечи его ссутулились. Ривера и Корсо бесстрастно наблюдали за ним.

— Вы знаете, — сказал он, постукав пальцем по виску, — я не дурак, мой интеллект, в общем, выше среднего уровня, как мне сказали. Я точно знаю: когда вы заставляете человека делать то, что чуждо его натуре, то готовите крах, неудачу. С самого начала я знал, что Винни с этим делом не справится. Я знал, но ничего не сделал, чтобы остановить его. Просто не хотел портить отношений с тобой, Том. А Винни? Он пошел на это, чтобы сделать мне приятное.

Агенты Ривера и Корсо сидели, притворившись глухими.

— Его нашли? — спросил Делани.

— Нашли.

— Глупый он парень был, Алекс. Он был глуп, — сказал Ривера. — А как насчет Ники Зоракова? Ты сможешь захомутать его?

Алекс не ответил ему. Он тяжело вздохнул, повернулся и медленно направился к выходу. Когда Делани окликнул его, он остановился, обернулся через плечо и сказал:

— Вы скоро узнаете, что Зораков — это вам не Винни.

— Что ты имеешь в виду? — крикнул Корсо.

— Он понимает, — ответил Алекс. — Он все это понимает.

День шел к вечеру, когда Ники увидел, как Алекс, нарушив правила, развернулся на улице и припарковал машину.

— Ты едешь на свой шабаш или будешь торчать здесь, пока корни не пустишь? — заорал Алекс из машины.

Никто из всех, кого Ники знал, не доставлял ему столько трудностей с языком. Алекс говорил слишком быстро. Даже итальянцев с их кодированными, незаконченными фразами было легче понять. Алекс сказал ему, что это диалект Куинз. Если Ники не вслушивался, половину слов он просто упускал.

Он сказал Алексу, хлопнув ладонью по сиденью, что его машина грязная. Алекс не ответил, лишь посмотрел на него невидящим взглядом. После трех попыток мотор завелся. Алекс нажал на клаксон и отъехал. С десятков голубей шарахнулись из-под колес, когда он сделал поворот, опять в нарушение всех правил. Чудом не сбил старика и двух малышей. Старик в длинном пальто замер на середине улицы, прижав к себе мальчиков.

— Осторожней! — крикнул Ники.

— Чихать я хотел! Надо на перекрестке улицу переходить. Эти люди думают, что могут взглядом остановить машину. Удивляюсь, как их всех не передавило еще.

Ники обернулся и посмотрел в заднее окно. Старик стоял все так же неподвижно, а дети закрыли лица ладошками.

— Ты напугал этих людей. Смотри, как напугал. Ты же полицейский. Почему ты водишь машину, как сумасшедший? — в сердцах закричал Ники.

— Потому что я полицейский. Успокойся, Ники. Я же их не задел. Кроме того, я сказал тебе, что они верят в магию. Они не боятся автомашин. Если не веришь, покайся по их кварталам в субботу и посмотри, как они себя ведут.

Ники покачал головой и закурил сигарету.

— Евреи — странная публика, — заметил он.

— Да, мы такие. И в этом секрет нашего обаяния.

— Александр Саймон? Ну, конечно. ты ведь тоже еврей!

— А разве не все люди — евреи? — Алекс рассмеялся коротким смешком. Ники понял, что он в очень скверном настроении. Он едва знал этого человека, тем не менее между ними уже установилось взаимопонимание, какое-то необъяснимое чувство товарищества. Ему нравилось называть его Сашей.

— В Нью-Йорке, похоже, все. Верно? — сказал Ники.

— В Нью-Йорке евреев больше, чем в Тель-Авиве, — ответил Алекс.

— А итальянцев, слышал я, больше, чем в Риме, — добавил Ники, глядя в окно и удивляясь, почему они несутся так быстро.

Когда они проезжали мимо стоянки, Алекс, глядя на дорогу, сказал:

— Если мы будем неосторожны, русских здесь скоро будет больше, чем в Афганистане.

— Вот уж нет! — возразил Ники. — В Афганистане больше русских, чем когда-нибудь их будет в Нью-Йорке.

— Ни хрена.

— Что? Не понял, — сказал Ники с досадой и вздохнул. — Это шутка была?

— Ага. Наверно, нехорошая.

— Нет, почему же? Очень хорошая шутка. Забавная. Только вот у меня нелады с языком.

— Мой дедушка жил здесь шестьдесят пять лет, но ты по сравнению с ним изъясняешься, как Алистер Кук.

— Кто?

— Не важно...

— Куда мы едем, Алекс? Ты мне велел подождать тебя. Я ждал. А ты даже не говоришь, куда мы едем. Надеюсь, не в тюрьму?

— Нет, Ники, не в тюрьму. Мы едем повидать твоего друга Юрия.

За пятнадцать минут они достигли моста Верразано. Алекс выглядел очень нервным, да и Ники курил сигарету за сигаретой.

Пол Малатеста сообщил ему, что Юрий погиб, что убит Матти Муска. Так куда же Алекс везет его? Все это не вязалось одно с другим. Вопросы он задавать не решался. Когда они пересекли мост, он попытался-таки спросить, зачем им нужно видеть Юрия? Но Алекс глянул на него с каменным лицом и ничего не ответил.

Они свернули на ухабистую дорогу, усыпанную мусором. Он предположил, что Алекс везет его к труп Юрия. Но что это даст?

По обе стороны дороги стояли полицейские машины, возле них — мужчины и женщины в униформе. Были люди и в штатском, которых Ники тоже отнес к полиции. У ворот огромного, заваленного искореженными автомобилями и их обломками двора тоже стояли полицейские.

— Юрий здесь? — спросил Ники шепотом.

— Это вы мне скажете, мистер, — ответил Алекс.

Не останавливая машину, он проехал на территорию склада. Ники решил, что выходить нет смысла, и остался сидеть, в то время как Алекс буквально выскочил из машины и вступил в разговор с группой из трех человек. Все трое были в штатском, они по очереди посмотрели на Ники. Тот подумал: "Конечно, я тоже могу выйти и побродить". Команды "ждать" от Алекса не было, но это как бы подразумевалось. Однако ничего особенного не происходило. Сунув руки в карманы, полицейские о чем-то переговаривались. Алекс кивал головой, пожимал плечами. Ники сидел и ждал.

Минут десять спустя Алекс подошел к машине, открыл дверцу:

— Пошли. Я тебе кое-что покажу.

Ярко светило солнце. Было начало апреля — веяло летним теплом. Но что-то ужасное было в воздухе. Ники сразу это почувствовал, даже еще не приняв хавшись. Ему показалось: все, кто был на площадке, смотрят на него. Он готов был к тому, что ему предложат сигарету и завяжут глаза черной тряпкой.

Следуя за Алексом, он подошел к троим в костюмах. Один из них, с лицом фермера и с усталым выражением глаз, отделился от остальных и сказал:

— Хочу вас предупредить, Зоракон: зрелище тут не для слабонервных.

Ники ничего не ответил, только вздохнул тяжело. И окликнул Алекса, который шел впереди него:

— Саша! Минутку! Скажи хоть, что мы тут делаем.

Алекс остановился у грязной лужи и обернулся к нему.

— Видишь вон ту штуку? — Он указал на большой спрессованный брикет, который некогда был автомобилем. Там было много таких, но тот, на который указал Алекс, лежал отдельно, похожий на какую-то модернистскую скульптуру, брошенную в грязь. — Здесь находятся два трупа.

Теперь все, кто был на складе, начали сходиться к ним. Они смотрели на Ники, и он почувствовал панику.

— Мне не хочется смотреть на мертвых, — сказал он мрачно.

Алекс подошел, взял его под руку и подвел к спрессованным останкам автомашины. Это была машина Юрия — сомнений не было. Узнать ее было довольно легко. Задавая следующий вопрос, Ники попытался придать голосу гневный оттенок, но чувствовал, что английские слова не приходят на память.

— Могу я спросить: зачем ты все это устроил?

— Зачем? Чтобы показать, в какие игры играют люди, которых ты выбрал себе в друзья.

— Понятно...

Ники почувствовал слабость, ноги его задрожали. Алекс положил руку ему на плечо и заставил нагнуться.

— Смотри, — сказал он. — Смотри на своего друга.

Трудно было ему противиться, хотя он и пытался.

Обычно перед тем как поместить машину под пресс, из нее убирают двигатель и сиденья. Остальное легко сжимается до размеров обычного телевизора. Из "мерседеса" Юрия сиденья не были убраны, мотор тоже остался на месте. Внутри была пустота, в которой горела лампочка. Ники без труда опознал изуродованный труп своего ташкентского друга. Было там и другое тело, еще более изуродованное, но лицо сохранилось в целости — в широко раскрытых глазах навеки застыл ужас.

Ники отшатнулся и сел прямо в лужу. Ему было тошно и страшно. Но тут же в груди поднялась волна гнева.

— Боже мой... Ну и сука же ты, Алекс!

— Бог тут ни при чем, — ответил тот. В голосе Алекса было такое же негодование и отвращение.

Ники повернул голову и посмотрел Алексу прямо в глаза. В них он увидел слезы, щеки его были влажны.

— Один мой приятель разделил с твоим другом эту могилу, — прошептал Алекс.

— Бедный Юра, — сказал Ники.

— Да, — согласился Алекс. — А теперь, мой русский друг, ты должен сказать мне, почему твой партнер оказался здесь. И что у тебя за дела с Муской и Малатес-той? — К удивлению Ники, Алекс рванул его за грудки и с силой встряхнул. Ники ударил его по руке и высвобо-

дился. — Все, Ники! С тобой кончено! Теперь твой черед сидеть в таком ящике! — крикнул Алекс.

Ники саркастически развел руками.

— Мне бы следовало натравить на тебя всех этих полицейских, чтобы они из тебя душу вытряхнули. Может, тогда ты очнешься...

— Только давай без угроз! Плевать я на них хотел! Я достаточно битый, запугать меня не так-то легко.

“Вот это характер, — подумал Алекс, отступая от Ники, чтобы дать ему возможность выйти из лужи. — Сильный парень, ничего не скажешь”. Алекс невольно испытал к нему уважение: русский мог за себя постоять даже в одиночку.

Они молча кивнули полицейским и сели в машину Алекса. Пока они ехали обратно в Бруклин, Алекс сообщил ему, что за последние двадцать четыре часа были убиты шесть человек. Если в эту компанию включить Фрэнки Муску и двух его напарников, получалось все девять. Девять убитых, и все они так или иначе связаны с Ники.

— Давай вон туда, — попросил Ники. — Останови там.

Эта стоянка была за мостом, на самой окраине Бруклина. Алекс остановил машину и выключил двигатель.

— Я тебя слушаю.

— Есть еще три жертвы, — сказал Ники. — Итого: двенадцать.

— Кого ты имеешь в виду?

— Семью Ипполито — двоих братьев и их дядю. Их убил Фрэнки Муска. Они пытались мне помочь в моем бизнесе. Муска разозлился и убил их. Эти Муски — мразь и подонки.

— Ты думаешь, Пол Малатеста лучше?

— Конечно, нет, — ответил Ники. — Малатеста гораздо хуже, чем Муска. Он интеллигентен, умен и, думаю, психически болен.

Ники сделал последнюю попытку убедить себя быть осторожнее, не раскрываться до конца. Никогда не говори слишком много — сколько раз предостерегал его Виктор! Всегда остается завтрашний день. И все-таки тут он сорвался.

Ники рассказал Алексу всю историю, начиная с Виктора и кончая ночным клубом и Малатестой. Все оказалось так просто, все складывалось в законченную картину. Раз или два он отклонился от темы, упомянул Катю и свою жизнь в Москве. Как по-другому все было здесь, какой жестокой оказалась жизнь! С какой гордостью он говорил о своем авторитете в Москве, о том, как устраивал дела других людей и никогда в жизни не прибег к насилию! И вот всего восемнадцать месяцев он в Нью-Йорке, а на не-

го уже можно навесить двенадцать убийств, он за них ответствен.

— Ответствен? — сказал Алекс. — Слишком много ты на себя берешь.

На лице Алекса было суровое выражение, и Ники испугался, не наговорил ли он лишнего. С этим полицейским он чувствовал себя чересчур свободно, и это могло сыграть роковую роль. Ведь фактически он отдавал свою судьбу в руки почти незнакомого человека. Наконец он сказал:

— Я не злодей. Но в какой-то мере я, может быть, отвечаю за это безумие.

Алекс завел машину и поехал дальше. По пути он обдумывал, как ему вести себя. В какой-то момент он решил было позвонить Делани. Вполне возможно, они могли завербовать Ники сейчас же и сделать из него штатного информатора. Вполне возможно. Но он испытал облегчение и был доволен собой, когда отбросил эту идею. Фэбзэровцам он больше не доверял.

Но если все сказанное Ники — правда, а Алекс в этом не сомневался, то он мог арестовать его за соучастие в тройном убийстве. Его ссылка на самозащиту и все остальное могут интересовать суд, но не его. Нет. Он пришел к решению. Он использует Ники, но не арестует его. Например, он может нацепить на него провода и отправить к Малатесте. Потрясающее могло бы завариться дело. Делани за такой вариант отдал бы месячную зарплату.

— Малатеста будет еще говорить с тобой? — спросил он. — Он не скажет тебе что-нибудь насчет своих планов в отношении того парня в Италии?

— Думаю, да. А что?

— Да так... размышляю вслух.

Вот это дело! Колоссально, подумал он.

Движение было не слишком напряженным. Алекс быстро проскочил Кони Айленд, проехал мимо залива Шипсхед. Впереди был Оушн Парквэй. Посмотрев на Ники, он улыбнулся ему. Ники ответил улыбкой и покачал головой.

Алекс подумал, что понял его наконец, нашел, кажется, способ, как обращаться с этим русским. Но видел он не Ники. Перед ним опять появился Винни, его широко раскрытые глаза, полные ужаса от понимания того, что произошло. Может быть, в самый последний миг, перед смертью, озарение наступает даже у таких, как Винни...

Алекс затормозил и поставил машину у бровки напротив синагоги. Верующие, придерживая руками поля шляп, торопились на богослужение. Дом, где жил Ники, находился на углу.

— Расскажи мне еще про ту женщину в Риме, — попросил Алекс.

— Чего там рассказывать? — быстро ответил Ники. — Вику я знаю еще по Москве. Ну, такая... кошка, если понимаешь, что я имею в виду. Умная баба, очень деловая и к тому же красавица. Действует всегда осторожно. Короче, она живет теперь в Риме и имеет связи с итальянским магистратом. По чистой случайности ее хахаль — в контакте с осведомителем мафии. За такую информацию Малатеста готов отдать все, а я могу ее добыть через Вику.

— Ясно. И ты все сказал Малатесте? — спросил Алекс.

— Н-ну, кое-что сказал. Если бы я не сделал этого, меня бы сейчас не было здесь. Может, я был бы там же, где Юрий и твой друг.

— У тебя есть шанс выйти из этой истории целым и невредимым, — сказал Алекс. Не потому, что верил в это, а потому, что хотел верить. — Малатеста нуждается в твоей информации, а ты ее имеешь. Он подождет. Не станет тебя убирать, пока не получит ее всю.

Ники заметил, что Алекс слушает его очень внимательно и даже взгляд его как будто потеплел. Может быть, он все-таки нашел человека, которому можно доверять.

— И как тебя угораздило связаться с такой публикой, — устало сказал Алекс. — В стране всего каких-то полтора года, а водишься с самыми жуткими людьми, каких только можно себе представить. Впрочем, черт его знает, — Алекс вздохнул, — может, они не хуже тебя.

Он отвернулся и стал смотреть на улицу, размышляя. "Мне в руки попало такое крупное дело, — думал он, — самое крупное, какое только может быть в любой полицейской карьере. Оно прямо здесь, у меня в машине. Ники Зораков говорит о главаре самой сильной мафиозной "семьи" Америки, говорит так легко и спокойно. Смелый мужик... и умный". По мнению Алекса, смелость была настоящей, редкостной добродетелью. Винни Ба-Ба Эспозито в глазах Алекса был добродетельным человеком. Сейчас встает тот же вопрос, что и для Винни: есть ли у Ники шансы выжить? Он самым подлым образом подвел Винни, он никогда не простит себе этого... Как там Делани говорил: только дилетант влюбляется в своего информатора? Какая чушь!

Ники чувствовал, что надо было объяснить все попроще. Но Алекс все-таки полицейский. Он мог просто отказаться понять его.

— Так вот все и случилось, — сказал Ники и тут же пожалел: Алекс рассмеялся. — Слушай, Саша, — сказал он. — Чтобы открыть ресторан, мне нужны были деньги. Много денег. Я взял в долг, с негласной договорен-

ностью. Думал, все будет в порядке. И вдруг оказывается, мне нужен другой кредит, чтобы оплачивать проценты по первому. Это было глупо. Но благодаря информации от Вики я смог наконец вздохнуть. Понятия не имею, кто кому о чем сказал. Я только обнаружил, что меня пришли убивать.

— Ты стал жертвой, — сказал Алекс с улыбкой. — Только вот беда: сейчас трудно выяснить, кто чьей был жертвой.

Сидя в машине, они долго смотрели друг на друга. Наконец Ники спросил:

— Так как же мне теперь быть, Саша?

— Прежде всего — не давай никакой информации Малатесте.

— Я, собственно, так и решил некоторое время тому назад. От меня он информации не получит. А потом?

Алекс снова завел машину.

— Знаешь, мне нужно это как следует обмозговать, Ники. Дай мне денек-другой. Я с тобой свяжусь. А пока вот возьми мой телефон. Если что-то возникнет, захочешь поговорить со мной, звони. В любое время дня и ночи. Я буду дома. А если нет, диктуй свое послание на автоответчик. О'кей?

Ники кивнул. Алекс дал ему визитную карточку и написал на обороте номер домашнего телефона.

Ники подумал, сказать ли Алексу, что он собирается лететь в Сан-Диего. Решил — не стоит. И так слишком много наговорил.

— Знаешь, я тебе так благодарен за желание мне помочь, — сказал он.

— Ну, бирка с ценой тут всегда подвешена, — тихо заметил Алекс.

— Денег-то у меня не так много. — Ники засмеялся.

— Твои деньги мне не нужны, — сказал Алекс. — В отличие от тебя я не ищу легких путей. Мне платят за мою работу. Нет, Ники, цена будет, но не в деньгах.

— Если не деньги, то что ты с меня возьмешь?

— Информацию, Ники. Побольше хорошей информации.

— Нет, Саша, извини, ты не понял меня. Я не осведомитель. Это для меня не подходит.

— Ники, это ты не понял. Ты уже стал осведомителем. Следующий шаг будет легче.

— Невозможно. Это претит моей натуре. Я не стукач.

— У тебя нет выбора, Ники. Позвони мне на днях, мы еще потолкуем. Я просто не верю, что ты так предан Малатесте.

— Разумеется, нет. Но поймать его — это твоя работа, а не моя.

Ники медленно открыл дверцу автомобиля. Некоторое время он стоял на тротуаре, смотрел на Алекса. Когда он повернулся, Алекс окликнул его.

— Либо ты информатор, либо покойник, Ники. — И после паузы добавил: — Теперь твой ход.

— Стукачу нет места в жизни, Саша, — резко ответил Ники. — Лучше я буду покойником.

18

"Боинг-747" прорезал слой облаков. Ники всматривался в иллюминатор, пытаясь увидеть сверху самый великолепный городской пейзаж в мире. Но облака были плотными, темными. Не на что было смотреть.

Внезапно салон озарился ярким солнечным светом, и ему пришлось прикрыть глаза ладонью. Катя тихо ахнула, а Ники показалось на время, что Бог в самом деле есть. Он устал и испытывал тревогу. Заснуть будет сейчас нелегко. Десять миллиграммов валиума и тройная доза водки помогли наконец. Где-то над Огайо он заснул.

Никаких споров не было. Он сказал Кате, что летит в Сан-Диего встретиться с Виктором Воском, дня на два, на три. Катя решила, что это будет чудесно, и упаковала свою сумку.

Смесь валиума и водки аннулирует сновидения. В самолете Ники спал, будто на пороге смерти, сон его был глубокий, но нездоровый. Катя толкнула его раз, другой, похлопала по щеке.

— Проснись, Ники. Посмотри, какая красота.

Простор темно-синего океана, могучие волны, оставляющие молочно-белые следы. Волны шли чередой, набегая на узкую полоску пляжа, который в дальнем конце завершался аккуратной завитушкой, убегающей в море. За пляжем располагались каскадами зеленые холмы, на которых раскинулся город. В этом городе находился отель "Эсперанца" и Виктор.

— Да, красиво, — согласился он.

— Там тепло, — сказала Катя, улыбаясь.

Из самолета они вышли в чудесное лето. Ясное, безоблачное небо, разлитый в воздухе аромат, который Ники, кажется, ощущал на вкус.

Сначала он решил, что это все валиум, потом подумал, что смесь валиума и водки сыграла, конечно, роль, но в общем тут что-то другое... Может, морская болезнь в самолете или переход от скорости к неподвижности? Они прошли сквозь стеклянные двери аэропорта, и ощущение

это усилилось настолько, что он вынужден был остановиться.

— Катя, я что-то странно себя чувствую. Нет, я здоров, просто что-то не то... что-то не так... Все по-иному...

— Выглядишь ты прекрасно, — сказала Катя. — Прислушайся, осмотришься вокруг, Ники. Здесь так тихо.

Верно, вокруг царило спокойствие, люди улыбались. Куда ни глянь — все довольны и веселы. У него слегка закружилась голова. У них была всего лишь большая сумка, которую Ники держал в руке. Однако таксист настойчиво забрал ее у него. Это был молодой блондин с волосами до плеч. На нем была тенниска и белые брюки, обрезанные чуть выше колен.

Водитель открыл перед Катей дверцу. Ники, привычно заколебавшись, уселся на заднее сиденье: московские привычки были живучи, возможно, он их никогда не утратит. По странной иронии, такси вызывали в нем воспоминания о доме.

— Куда поедем, ребята?

— В Сан-Диего, отель "Эсперанца", — ответил Ники.

— Отлично. Говорите — отель "Эсперанца"?

— Да, да. "Эсперанца", в Сан-Диего.

Водитель полез в шкафчик, извлек маленькую зеленую книжку.

— А я думал, что знаю в городе все отели, — сказал он. — Этот, видимо, новый. Тут новые отели растут как грибы после дождя. Впрочем, дожди тут редкость...

Водитель, листая книжку, с улыбкой глянул на них.

— Вы откуда? Я слышу акцент...

— Из Нью-Йорка, — ответила Катя, а Ники добавил:

— Точнее, из Москвы. — Все дружно засмеялись.

— Так откуда все-таки? — спросил шофер.

— Мой муж правду сказал, мы из Москвы. Просто теперь живем в Нью-Йорке.

— А! Старое Большое Яблоко. — И водитель тут же добавил: — В Сан-Диего отеля "Эсперанца" нет. Есть такой отель в Эсинитасе, милях в двадцати к югу, на побережье. Очень симпатичный городок на берегу океана. Он вам понравится.

Спустя несколько секунд они выехали с территории аэропорта. Водитель тихо насвистывал, а Катя положила голову на плечо Ники. Ее рука чертила маленькие круги на его бедре, и Ники вновь по уши влюбился в нее.

Прибрежное шоссе бежало мимо зеленых холмов, похожих на неподвижные волны. Тихий океан ослепительно сверкал, простираясь до самого горизонта.

В номере Катя переоделась в шорты и шлепанцы.

— Побежали на берег, — предложила она.

Спустя час они сидели на скале и наблюдали за морем. Одинокий парусник медленно плыл по ветру метрах в ста от берега. В воде у скал резвились морские львы. Катя погрузилась в раздумье.

— О чем задумалась? — спросил Ники.

— О том, как мы далеко от дома. До чего же далеко, Ники!..

— А может, и не очень, — возразил он, и Катя улыбнулась.

Они молча пошли по пляжу, напротив отеля остановились. Из песка торчал валун, громадный, как вулкан.

— Я тоже должна бояться? — спросила Катя, облокотившись о валун.

— Бояться? Чего? — спросил Ники. — Здесь просто рай, видишь?

— Тебя мафия убьет, как Юрия?

— Катя, я с мафией дел не имею. С чего ты вдруг задаешь такие вопросы?

— Я твоя жена и имею право знать это.

— Потому что ты моя жена?

— Нет. Потому что люблю тебя.

Он видел, как она пытается улыбаться.

— Катя... Ну? Я не хочу, чтобы ты волновалась из-за подобных вещей. У меня с мафией никаких дел нет. Юрий — тот действительно связался... Да с кем он только не путался. Но это было его личное дело. Ко мне оно никакого отношения не имеет.

— Понятно, — сказала она. — Тогда скажи мне, что мы делаем здесь, в Калифорнии, в Сан-Диего?

— Мы должны здесь повидать Виктора. Я же тебе говорил, он дал мне знать через Вику. Хочет, чтобы я с ним встретился в этом отеле.

— Но почему Сан-Диего, Ники? Почему не Нью-Йорк?

Ники посмотрел в сторону отеля и увидел Виктора. Тот стоял, скрестив руки на груди. Стоял на балконе их номера. Какой-то человек, бежавший мимо трусдой, замедлил бег и тоже посмотрел в ту сторону. "Виктор", — тихо сказал Ники. Он зашагал к отелю. Виктор замахал рукой, и Ники побежал, сначала трусдой, потом со всех ног, как бегал, бывало, мальчишкой, удирая от милиционеров.

Два подростка, загорелые, как индейцы, уступили ему дорогу. Он взлетел по ступенькам, как сын, торопящийся к отцу, к отцу, который вернулся наконец домой, вернулся, когда он как раз крайне нужен. Глаза Ники увлажнились, ему даже стало немного стыдно. Впрочем, что в этом такого? Дети же плачут по своим отцам. Во всем мире сыновья плачут по отцам.

Виктор встретил его на верху лестницы, они обнялись.

Слегка одурев от счастья, Ники смотрел на старого милиционера. Им овладело чувство, которое испокон веку испытывал человек: чувство сына к отцу, ученика к учителю, новичка к мудрецу. Широко раскрыв глаза, он слушал голос с родины.

Катя подошла сзади, тронула его за плечо. Ники обернулся к ней и сказал:

— Ты посмотри, Катя! Это же Виктор.

— А выглядите вы хорошо, — сказала она. — Словно лет на десять помолодели.

Она была права. Ники глазам своим не верил. Лицо Виктора стало суше и строже, никакой обрюзглости, желтизны, глаза светились бодростью. Он поубавил в весе, был гладко выбрит. Исчезли волосы, торчавшие из ноздрей и ушей. Виктор Воск стал другим человеком, здоровым и бодрым.

— А я вас обоих долго ждал на балконе. Вы были как влюбленные подростки где-нибудь в парке Горького, а не как супружеская пара.

Они все стояли на балконе, смотрели друг другу в глаза, улыбались. Катя принесла из комнаты стулья, водку и две рюмки.

— Нам о многом надо потолковать, — сказал Ники.

Виктор некоторое время молча смотрел на Катю. Улыбнулся и сказал:

— Давай, Катерина, присоединяйся. У меня есть новости с родины, а вы мне расскажете о ваших приключениях в городе небоскребов.

Даже для Ники слова Виктора прозвучали неубедительно. Он говорил с Катей как со школьницей. Она грустно улыбнулась, взглянула на Ники и покачала головой.

— Нет, — сказала она. — Я, пожалуй, пойду. Посмотрю на морских львов.

— Оставайся. Чего ты? Не хочешь послушать новости из Москвы? — сказал Ники.

Катя пошла к лестнице, Ники проводил ее.

— Ты можешь остаться, — тихо предложил он.

— Я этому человеку не верю, — ответила она шепотом. — И никогда не верила.

Ники стало не по себе.

— Послушай, Виктор для меня как отец. Он и есть для меня отец.

— Ты помни, что я люблю тебя, Ники. — Катя стояла на ступеньку ниже его, оба они не двигались.

— Ники! Ты где там?! — позвал Виктор. — Я жду, когда ты мне расскажешь про чудеса Америки.

— Я на часок, — сказала Катя. — Вернусь, когда понадобится тебе.

Спустя минуту Ники и Виктор хохотали и тискали друг друга в объятиях. Катя же подошла к самой кромке воды. Она стояла спиной к морю и смотрела на них.

— Ну, давай рассказывай, — сказал Ники. — Я весь в нетерпении. Что тебя привело в Америку? Тоже драпанул? Эмигрировал? Рассказывай, старый бык, как ты сюда попал.

Виктор потянулся за бутылкой.

— Я теперь пью мало. Но пью, — сказал он.

— Давай! Первый тост за дружбу, за наши бывшие похождения.

Оба радостно смеялись, пока Ники наполнял рюмки.

— Лучше ты начинай, — предложил Виктор. — Расскажи, как у тебя дела. Как тут житуха? Два года ведь прошло.

— Восемнадцать месяцев и две недели, — подсчитал Ники и опрокинул рюмку.

Водка была ледяной. Катя держала ее в холодильнике. Вкус — что надо. Водка, как доброе вино, подумал Ники, становится лучше, когда пьешь с хорошим другом. Глянул на пустую рюмку, потом на Виктора. Тот все улыбался.

— Как мне тебя тут не хватало, Виктор! Боже мой, как ты мне был нужен!..

Начался разговор. Два часа Ники описывал свои приключения. Виктор не перебивал, только кивал головой и вставлял междометия. Ники настолько увлекся, что не заметил, как Катя вернулась, постояла в нерешительности на лестнице и пошла обратно на берег.

— Да... Ничего себе, — резюмировал Виктор. — Подумать только. Такая громадная страна и не может наладить работу полиции, а хочет лепить весь мир по своему образу и подобию. Распространять безумие, о котором ты мне рассказал, по всей планете. Мужики выглядят как бабы, бабы ведут себя как мужики, а пацаны — не поймешь что, нечто среднее. Да еще все чокнутые от наркотиков. Когда я смотрю на Америку, Ники, я вижу большой комфорт и грязь. Да! Грязные люди живут с удобствами и комфортом. Я уж не говорю о грязных улицах, о немытых людях, хотя и того и другого тут навалом. Ты посмотрел бы на Лос-Анджелес, Ники, на Сан-Франциско... Ни морали, ни порядка. Ведут себя, понимаешь, как ковбои дикие в ихних фильмах. Полиция — совсем не в счет. Впечатление, что полицейские здесь вообще ни хрена не делают. Ей-богу, просто дурдом, где окна и двери настежь и никакой охраны. Вот уж действительно кошмар двадцатого века.

Ничего себе речь, подумал Ники. Однако засмеялся.

— Ты с каких пор, Витя, стал таким политиканом?

Прямо совсем другой человек. — Он встал со стула и потянулся. Разговор вышел долгий. А где же Катя? Уже темнеет. Море выглядело тихим и неподвижным в сумеречной дымке. Ники перегнулся через перила балкона, искал взглядом жену. Ее нигде не было видно.

— А я тебе скажу, Ники, это не шутка, — сказал за его спиной Виктор. — Ничего я тут смешного не вижу.

— Слушай, а где Катя? — спросил Ники с беспокойством. — Ты ее не видел?

Судя по времени, она отсутствовала уже три часа.

— Она там на камне сидит, — сказал Виктор. — Левее смотри.

— Ка-а-тя-а!!! — закричал он. Ответа не последовало, хотя он заметил фигуру на небольшой скале. Он позвал ее снова.

До него лишь теперь дошло, что все это время она сидела в одиночестве. Быстро темнело, а она была далеко-далеко. Лишь после того как он позвал ее в третий раз, она помахала рукой. Ники помахал ей в ответ и повернулся к Виктору.

— А я бы сказал, что все не так плохо, — возразил он.

— Что неплохо?

— Штаты.

Виктор хмыкнул.

— Ты хоть себя-то не обманывай, Ники. От них же вся эта гадость идет.

— Вить! Что это на тебя нашло? Такой политик стал!.. Там, в Союзе, ты был революционером. Это что, загнивающий капитализм в тебе такую сознательность пробудил? Чудесно загнивает, кстати.

Ники рассмеялся. Он ни в какую не хотел принимать Виктора всерьез. Тот всегда был таким аполитичным. Может, он его разыгрывает? Станные шутки. Виктор поднялся и подошел к перилам балкона.

— Я всегда поддерживал революцию. И с политикой всегда был в ладах. Просто не орал об этом. А ты на это внимания не обращаешь.

— Ну ладно, Вить! — оборвал его Ники. — Слава Богу, я десять лет тебя знаю. Я же толкую с тобой, а не со следователем КГБ. Ну и хрен с ней, с твоей революцией. Ты всегда боролся против системы, сколько я тебя помню. И когда я уезжал, ты по-прежнему с ней воевал. Мы с тобой никогда не были политиками. Вместе обслуживали москвичей. У нас с тобой был полет. А все остальное — игра. Просто игра. Так что ты уж мне политику на уши не вешай, Вить.

— Дурак ты, вот что я тебе скажу, — буркнул Виктор.

— Слушай, что на тебя нашло?

— Два года здесь пробыть!.. — сказал Виктор.

— Восемнадцать месяцев и две недели, — поправил его Ники.

— Черт с ним! Это не шутки, Ники. Ты оглядись внимательно. Желал бы ты такого своим детишкам?

Ники расхохотался и хлопнул Виктора по плечу. Потом обнял его и крепко стиснул.

— По-моему, ты тронулся, Ники. Что-то с твоей башкой стряслось. Тебе надо в санатории подлечиться.

Ники закашлялся. Это все из-за курева. Лицо его исказила болезненная гримаса. И при этом он продолжал смеяться. Виктор снова уселся за столик.

— Ясно! — сказал наконец Ники и развел руками. — Значит, я должен посмотреть вокруг и подумать, годится ли это место, чтобы растить тут моих детей. Скажу тебе, Витя, для таких речей ты выбрал неудачное место. На Брайтон-Бич я, может, и не стал бы так смеяться.

Ники посерьезнел.

— Скажи мне, Виктор Воск, старый дружище, мой товарищ, откуда у тебя вся эта антиамериканская херня, эта революционная поза? Видно, после того как я уехал, за тобой некому было присмотреть и кто-то обратил тебя в партийную веру. Заставили завязать с выпивкой, выстригли тебе ноздри и уши, напичкали тебя парашей, а ты ее принял за шоколад. Нельзя было тебя одного оставлять. Видишь, старый бык, я тебе тоже нужен.

— Ладно, кончай, Ники. Давай говорить серьезно.

— Серьезно? Я никогда не был так серьезен, как сейчас. Теперь ты мне скажи, по какому делу приехал.

— У меня командировка, — коротко ответил Виктор и выпил водки, смешав ее с водой из графина.

Ники снова разобрал смех.

— Хватит ржать! — возмутился Виктор. — На моих похоронах ты тоже смеяться будешь? Или когда меня заберут на Лубянку, а потом в снег закопают на Колыме?

— Да что случилось, Витя? Расскажи, — сказал Ники, сразу посерьезнев. — Птички за восемнадцать месяцев не превращаются в слонов.

— Погорел я.

— В это легко поверить. На чем?

— На трудовых книжках. Ты же не один такой был в Москве, с фиктивной книжкой. Плохо то, что не все были евреями. Тогда я бы смог спрятать концы.

Виктор встал, прошел в комнату. Вернулся с новым стаканом водки, разбавленной водой. Сейчас в нем было что-то от прежнего Виктора. Пояс штанов ослаблен, рубаша вылезла наружу.

— А дальше? — спросил Ники.

— Ты не знаешь, что такое Лубянка. Предъявили мне обвинения, начались допросы, через шесть недель — при-

говор. Двенадцать лет, Ники. Представляешь? На двенадцать лет улекли в тюрьгу.

— Страшная Лубянка? По тебе, впрочем, не скажешь: выглядишь как огурчик. Ну и как ты отвертелся?

— Сейчас расскажу. Двенадцать лет, Ники... Считаю, что вся жизнь накрылась. Понимаешь?

— Ясно. Двенадцать лет — долгий срок, жизнь накрылась...

— Там у меня установились неплохие отношения с одним следователем.

— Обычное дело. Такая у него работа.

— У нее. — Виктор улыбнулся.

— Тем лучше. Ну и что?

— Как-то толковали мы с ней о евреях. Обычный треп, знаешь, ля-ля-ля, то-се. Я Наталье — так ее зовут — и сказал, что есть у меня дружки среди эмигрантов и так далее. Короче, треп...

— Ты бы лучше вместо "ля-ля" говорил что-нибудь вразумительное. Я так понимаю, это было не ля-ля, а обо мне разговор. Верно?

Ники тоже сходил в комнату и налил себе водки. Подошел к перилам балкона, убедился в том, что Катю не смыло волной, и сел за столик.

— Сказал я Наталье, что знаю одного эмигранта, который не хотел уезжать из Союза, но вынужден был, по семейным обстоятельствам.

— И она поверила?

— А чего ж? Конечно. Сам видишь — я здесь. Они мне сделали одно предложение, ну там — ля-ля и прочее...

— Виктор!..

— В числе прочего мне поручено предложить тебе кое-что. Хочешь знать, что именно?

— Хм... говори.

— Они сказали, им нужен разведчик в среде эмигрантов в Америке. Среди вашего брата полно опытных технарей и тому подобное. Ну, с их колокольни... человек, который согласится кое-что выполнять... ты понимаешь, что я имею в виду...

— Еще бы. Шпионить за своими.

— Да. Этот человек будет получать хорошее вознаграждение. Если в Союзе он, скажем, на чем-то погорел, то ему — полная амнистия. Дадут возможность начать на родине новую жизнь. Все долги уплатят.

— Это все, что они тебе сказали?

— Да.

— Больше ничего не предлагали?

— Ничего.

Ники задумался.

— Знаешь, Виктор, — начал он, — за эти восемнадцать

месяцев я побывал в таких переделках, должен был принимать такие решения, от которых у тебя голова бы кругом пошла. И все время я страдал оттого, что тебя не было рядом. Не было советчика. Я считал, что твои советы мне отчаянно нужны.

Виктор отпил водки и наклонил голову.

— Да, Ники, мы с тобой классно сработались. Пушкинская площадь больше не увидит таких, как мы с тобой.

— Но вот что интересно, — продолжал Ники. — Когда я увидел с пляжа тебя стоящим на балконе, со скрещенными на груди руками, я вдруг кое-что вспомнил.

— Что вспомнил?

— Вспомнил, что ты много раз давал мне советы, но я никогда им не следовал.

— Ты всегда был нетерпелив, Ники. Это верно.

Глаза Виктора заблестели. Сейчас они наполнятся слезами, и он станет прежним Виктором.

— Не в этом дело, — сказал Ники. — Дело в том, что я сам принимал решения и делал то, что считал правильным. Но это вовсе не означает, что я люблю тебя меньше или что ты мне не так уж нужен. Ты, Витюша, и Катя — вся моя семья. Эту семью я сам выбрал... Это было еще одно хорошее решение.

— Ну а как насчет моего предложения, Ники? Что ты ответишь?

— Какого предложения?

На лице Виктора появилась кислая улыбочка.

— Ники...

— А! То предложение. Передай им, что я признателен за интерес к моей персоне, но предложение отклоняю. Другими словами, Витя, пошли их в задницу.

Виктор не увидел в этом ничего забавного. Дело было очень серьезное, он так и сказал Ники.

— Напрасно ты шутишь с органами, Ники. Уж с кем-кем, только не с КГБ. Ты, мой дружок по Пушкинской площади, никогда с этой публикой не встречался. У них, брат, нет чувства юмора. Как ни шути, смеяться там никто не станет. Люди, которые заставляют тебя потеть в лютый мороз, не те, с которыми шутки шутят.

Виктор смотрел на Ники, и во взгляде его было нечто такое, что следовало как можно быстрее понять. Все это напомнило Пола Малатесту, и Ники обуяла ярость.

— Значит, вот от кого ты мне привез весточку? — Ники встал, подошел к перилам балкона, вцепился в них, стоя спиной к Виктору. — Я надеялся, ты pomoжешь решить мне мои проблемы, а ты привез с собой список новых, — резко добавил он.

— А ты знаешь, какие у них планы насчет меня? — отпарировал Виктор.

Ники повернулся лицом к своему прежнему другу соратнику.

— Нет, — ответил он. — И вообще они меня больше интересуют. Я устал, Витя. Надоело, что меня исползуют, надоело, что меня корежат и втискивают куда-то делают из меня не то, что я есть на самом деле. Я до чептиков устал, Витя. Ты крепко влип, но меня тебе удастся использовать, чтобы отмыться самому. Я со всех сторон окружен. Вселенная полна всякой сволочи, которая охотится за моей башкой! Они из-под земли лезут, гды. Так что извини, Витя, но мне уже на все насрать. (мной кончено. Действуй сам...

Последняя фраза повисла в воздухе. Виктор напряг руки его задрожали, так что даже водка расплескалась забрызгала новый костюм, который справил ему КГБ.

— Сука ты неблагодарная, — сказал Виктор и шумовздохнул. Он утер губы ладонью, глотнул, поднялся и тоже встал у перил.

Последние отблески уходящего дня высветили лицо Виктора. Это было лицо очень испуганного человека. Морщины, обвислые мешки под глазами и желтизна вернулись к Виктору. Все, что он представлял из себя в последние три часа, исчезло. Ники видел перед собой беспомощного, перепуганного человека.

— Мне нужна твоя помощь, — пробормотал Виктор.

Ники покачал головой и сказал как мог мягче:

— Помочь я тебе не могу, Витя. Я ни у кого в осведомителях не состоял. И кому, как не тебе, это знать.

— Значит, ты мне отказываешь?

— Выкарабкивайся сам.

— М-да... Видно, иного ответа от эгоиста жиденка ожидать не следовало, — прошипел Виктор. Он допирюмку и улыбнулся. Улыбка была почти такой же, как всегда — озорная, открытая. Но на сей раз Ники увидел в ней злобу. Ему стало тоскливо. Наверное, так тоскливо ему никогда еще не было.

— Твое последнее заявление вряд ли поможет делу. — Ники глубоко вздохнул. — Мне кажется, тебе лучше уйти.

— Будь ты проклят, — тихо сказал Виктор.

Что-то в его позе было такое, что Ники воздержался от реплики. В этот миг тихо закрылась дверь за его прошлым, и какой-то свет угас в нем.

Над морем умирал закат минувшего дня. Тихий океан был неподвижен, как деревенский пруд. А Катя, оказывается, уже стояла в другом конце балкона. Ники посмотрел на нее, она ответила ему долгим взглядом, и он почувствовал себя дураком. Ее взгляд скользнул на Виктора, холодный, каменный взгляд. Она подошла и встала:

ерил рядом с Ники. Никогда, наверное, он не чувствовал такой любви к ней.

— Оставьте нас, Виктор, — сказала она. — Уходите, пока я не вызвала полицию.

На следующий вечер Ники и Катя сели в самолет, летящий в Нью-Йорк. Петро и Василий ждали их в аэропорту Кеннеди и встретили так, как в момент их прибытия из Европы, — с цветами, шампанским, арендованным лиузином.

Было раннее утро, машин на улицах было довольно мало.

— Ну что? — сказал Петро на своем быстро улучшающемся английском. — Выжил ты в Калифорнии? Много там блондинок, нет? Много сумасшедших людей, да? Диснейленд, а?

Петро сидел за рулем, поглядывая в зеркальце заднего обзора и посмеиваясь. Василий раздал бокалы. Ники гвятил по-русски, строго, не терпящим возражений тоном:

— Сбавь скорость. По случаю чего праздник?

— А мы сами не знаем, — добродушно ответил Петро. — Просто хорошее настроение.

— Правильно! — поддержала Катя. — Спасибо вам боим.

Василий осторожно налил шампанского в бокалы, в которых уже был апельсиновый сок.

— Как твой друг? — осторожно спросил он Ники.

Петро вел машину по самой спокойной полосе. Они приближались к Бруклину.

— Давай прямо, — сказал Ники. — Мне нужно на Манхэттен.

Петро чуть было не спросил: зачем? Но, увидев лицо Ники, только молча кивнул, вырулил на центральную полосу и нажал на акселератор.

— Мой старый друг, Вася, — сказал Ники, — приказал долго жить.

Василий удивленно поднял брови. Ники отвернулся, глядя в окно.

— Виктор умер, а теперь родился опять — сталинигом.

Василий захохотал, а Петро лишь глупо улыбнулся. Катя тоже улыбнулась, сделав глоток из бокала.

— Ах, Калифорния! — сказала она. — Там в воде живут морские львы, а воздух пропитан ароматом цветов.

— Я слышал, там воздух — зеленого цвета, — серьезно сказал Петро.

— Где ты такое слышал? — спросил Василий. — П московскому радио?

— Нет от одного израильского таксиста в Нью Джерси.

Ники обернулся к ним и не выдержал — рассмеялся тоже.

— Там, на углу Семьдесят пятой и Второй улиц, стоит жилой дом. Заезжай прямо в подземный гараж, Петро, — сказал он.

Катя потянула его за рукав.

— Не волнуйся, — шепнул он ей. — Мне на минутку переговорю кое с кем.

Ники оставил Василия с Катей в машине, а Петро попросил пойти с ним. Они поднялись к двери, которая вел в вестибюль. Ники бросил взгляд на телекамеры. Минував лифты, они подошли к человеку в синей с золотом униформе, который сидел перед четырьмя телеэкранами.

— Я вас слушаю, — сказал он, глядя мимо Ники на Петро. Рыжая голова Петро поворачивалась на могучем торсе, с восхищением разглядывая вестибюль; он даже рот разинул. Свет хрустальной люстры блеснул на золотом зубе.

— Меня зовут Николай Зораков. Я хочу видеть мистера Малатесту.

Дежурный поднялся. В своей синей фуражке и золотых погонах он выглядел весьма внушительно.

— Мистер Малатеста здесь не живет, — ответил он.

— Минуточку. Я у него был здесь несколько дней назад, — сказал Ники ровным голосом. — Был именно в апартаментах мистера Малатесты, на шестом этаже.

— Проверьте по вашей книге, — посоветовал Петро. Ники обернулся к нему, улыбнулся.

— Я точно знаю, никакой Малатеста здесь не живет. Вы уверены, что не ошиблись домом? — спокойно сказал консьерж.

— Разрешите посмотреть список жильцов, — попросил Ники.

— Не могу. Никто не имеет права смотреть эту книгу, кроме меня и работающего здесь персонала.

Петро протянул руку, схватил черную тетрадь в кожаном переплете и сунул Ники.

В самом деле, Малатеста в ней не числился, но под буквой Р был записан апартамент на имя Рено, Джона Рено. Квартира 6-А. Он вернул тетрадь дежурному и попросил его связаться с апартаментом 6-А.

— Это не Малатеста. Это мистер Джон Рено, — солидно сказал консьерж.

— Вызовите его, — сказал Ники.

Дверь лифта раскрылась, из него вышел Джон Рено,

хестив руки на груди и слегка улыбаясь. Посмотрел на ки, а когда увидел Петро, сделал невольно шаг назад. ки подошел к нему, взял его за руку.

— В чем дело, Ники? Зачем тебя принесло?

— Я бы хотел повидать мистера Малатесту, буквально минутку.

— Газет, что ли, не читаешь? — спросил Джон Рено.

Он подошел к консьержу, выдвинул ящик стола и из-ж оттуда номер "Дейли ньюс". Консьерж что-то шеп-т ему на ухо. Джон Рено улыбнулся, потрепал его по-чу, потом вручил газету Ники.

Ники посмотрел заголовок, перевернул страницу и-читал искомое сообщение. Написано было драматич-— целое событие. Ники с трудом сдержал улыбку. Де-выглядело серьезным, Джон Рено его улыбку не понял

Заголовок гласил: ГАНГСТЕРЫ ПОД ОГНЕМ. Далее-бщалось, что власти в Риме объявили о планах ареста-ководителей мафии по всей Италии. Итальянским кол-ам помогала федеральная прокуратура в Америке.ициальные лица в Соединенных Штатах заявили, что-овы начать массированную атаку против мафии, са-о крупную со времен Эллиота Несса!

— А кто этот Эллиот Несс? — спросил Ники.

Джон Рено пожал плечами, взял газету у Ники и вер-г дежурному. Потом сказал:

— Мистера Малатесты некоторое время не будет. Он-л отпуск. Поверь, отпуск ему очень нужен.

— Правильно. Отпуск ему не повредит, — тихо ответил-ки. — А не мог бы ты передать ему кое-что от меня?

— Не вижу проблем, — ответил Джон Рено, сморщив-:

— Передай, что я хочу вернуть ему долг. И это все, что-югу сделать.

Джон Рено снова поморщился.

— Так передашь?

Джон Рено хорошо понял смысл сказанного: он при-л глаза и кивнул.

19

Телефон зазвонил перед самым рассветом. Алекс слу-п Ники сквозь сон. С фальшивым радушием он сказал: — Я готов встретиться, когда и где хочешь.

Ники предложил Алексу прийти на Брайтон-Бич, Во-надцатая улица, после закрытия клуба.

— Это в четыре утра? — спросил Алекс.

— Скорей в пять, — ответил Ники.

Сейчас, в девять утра, пять часов следующей ночи залез Алексу невероятно далекими. Он положил трубу, повернулся на другой бок, подумав, что, когда он скажет Ники, что видел сообщение в газете, пауза вышла слишком уж долгой. Он поспешил добавить, что теперь вполне верит Ники.

Они обсудили с инспектором Россом все возможные варианты. И согласились, что выбора у улыбчивого русского нет. Либо он будет сотрудничать, либо угодит за решетку. Алекс загнал его в угол. Ники здорово сглупил, скрыв ему свои карты. Для Ники Зоракова гамбит был закончен.

Василий и Петро выслушали план Ники без особой радости, в отличие от Кати. Она подпрыгнула от восторга, бросилась Ники на шею.

— Ура! Я так на это надеялась, Ники! Так мечтала! молилась. Правда, молилась. Когда мы уезжаем?

Он пообещал сообщить, как только устроит все дела. Василий и Петро недоуменно переглянулись, когда Ники сказал им, что клуб переходит к ним. Они выкупят его рассрочку, по-американски.

Что касается Малатесты и денег, которые он задолжал итальянцу, то он как-нибудь это уладит. Разве они сами сказали ему, что все уплачено? Не говорили, что от долгов он свободен? Что-нибудь он придумает. Ники верил для него нет невозможного. Князь Пушкинской площади как-никак.

Но был еще Александр Саймон. Саша с его маленькими трюками. Ники верил, что сделал первые шаги, что выкарабкался из ямы, в которую угодил. Верил, что все него под контролем и так будет дальше.

День у Алекса был неудачный. Он все время искал слова, которые убедят Ники или просто вынудят его перейти на их сторону. Ему было грустно: хотелось, чтобы все произошло по-другому. Однако на сей раз он влюбился в своего осведомителя. Ники не займет его душу, как Винни. С Винни он обошелся подло; но есть ли таких делах иные, не подлые методы? Алекс решил провести часы, оставшиеся до встречи, со знакомой чилийкой в Южном Бруклине.

Она жила в четырехэтажном доме, в квартире с наружной лестницей, на Дегроу-стрит, против церкви, откуда отчетливо доносился звук тамбурина. Мелодия была знакомой: "Долина Красной реки". Текст испанский, что-то про Иисуса.

Она приготовила пастеллу и рис с бобами. Они поел

ютом прямо на полу занимались любовью. Затем он наблюдал, как она полировала ногти, и слушал подробнейшие детали насчет прически, которую она намеревалась сделать себе. В ванной у нее он насчитал тридцать видов шампуня. Перед уходом она приготовила ему крепкий латиноамериканский кофе. Было четыре утра, когда он отъехал от ее дома.

Пока Алекс вел машину по магистрали Гованус, лампы в "Московских ночах" погасли.

Петро не выглядел ни усталым, ни больным, но при свете уличного фонаря он попросил, чтобы Ники, если можно, домой отвез Василий. Сказал, что неважно себя чувствует. Василий же вообще не проронил ни слова. Ники был удивлен. Сам он устал здорово. Он внимательно осмотрел в лицо Петро и пожал плечами. Все в порядке, ничего страшного: сегодня он мог побыть и один.

Он вышел из ресторана, миновал мужской клуб, два ороточных квартала, спустился по лестнице на прибрежную аллею и направился прямо к своей любимой скамейке. Встал на нее, бросил окурочку сквозь перила и наблюдал, как гаснет огонек на песке.

Ники решил ради шанса начать новую жизнь в Сан-Диего всерьез подумать о предложении Алекса. Но сначала хотелось узнать подробности. Надо было знать точно, а что он решается. Мысль о том, что он станет осведомителем, он отложил на время подальше. Важна была сама идея — принадлежать кому-то, стать наконец гражданином. Он ведь пытался, но никак до сих пор не получалось.

Променада на Брайтон-Бич — Одесса-Бич — был скучен и сер, не то что в Сан-Диего. Зато здесь сильнее пахло океаном. Он закурил новую сигарету, вдыхая с воздухом океана табачный дым.

Ники пытался разглядеть что-нибудь в темной воде, но ничего, кроме мрака, не видел. Он всегда испытывал нутренний подъем, когда ждал здесь рассвета. Обычно он сидел и размышлял, есть ли Бог. Если есть, то почему для других людей, а не для него?

Он откинулся на спинку скамьи, потянулся. Устал, сожмутился по Кате. Его вдруг пробрал озноб.

Справа он услышал звуки шагов, спускающихся по лестнице к променаду. Он был рад, что Алекс приехал по-прежнему. На лице у него появилась улыбка, которая стала теперь известна и здесь, не только в Москве. На горизонте появилась узкая полоска бледного света. Николай заторопился. К нему направлялся не Алекс, а ребенок. А может, карлик... Он слишком устал, чтобы сказать точно...

Крэйг Райс

ЗА ДЫМКОЙ СНОВИДЕНИЙ

— Я знаю множество юристов, которым не повреди бы хороший психиатр, — произнес Джон Дж. Малон, — но впервые вижу психиатра, которому понадобился хороший юрист.

— Отличная шутка, Малон, — ответил доктор Марти А. Мартин. Он, однако, не засмеялся. — Тем не менее не сколько раз вы во мне тоже нуждались. — На его красивом лице появилось некое подобие улыбки. — В деле Гилфорда, например.

— Да, в деле Гилфорда вы проявили себя замечательно, — признал Малон, — а я, скажу это без ложной скромности, блестяще защищал его. Хотя оба мы знали что парень этот такой же псих, как... — он попытался подобрать подходящее сравнение, не нашел его и продолжал: — Правда, перед присяжными вы выглядели не очень-то уверенно...

Тут он вовремя спохватился, очевидно, вспомнив, что именно доктор Мартин платит за их выпивку в баре Джо Ангела, расположенном в здании городского магистрата.

— Но положение мое сейчас отнюдь не шуточное, — сказал доктор. Он заметил, что стакан Малона пуст, и сделал знак бармену. — Мне нужен совет, нужна помощь.

— Если дело касается штрафа за нарушение правил уличного движения, — сказал Малон, — или...

— Это касается убийства, — сказал доктор Марти А. Мартин. — *Моего убийства.*

Бармен наполнил стаканы. Малон взял их и обратился к Джо Ангелу:

— Моему другу и мне необходимо обсудить кое-что там, в задней комнате. Принеси-ка нам туда минут через пять еще пару таких стаканчиков и поставь содовую.

Минуту спустя они устроились в кабинете, и Малон взглянул на своего нового клиента. Доктор Мартин Александр Мартин был высокого роста и атлетического сло

ения, его темные волосы слегка серебрились на висках, лицо, покрытое здоровым загаром, сейчас слегка побледнело.

— Так кого вы собрались убивать? — весело спросил зленький адвокат. — Я знаю этого человека?

— Ситуация очень сложная, — сказал доктор.

— С убийствами почти всегда так, — утешил его Малон. — Продолжайте.

— У меня есть пациент. Не могу сказать вам, кто он, — знаменитый психиатр на секунду замолчал, потом резко вздохнул, — а, черт, вы ведь все равно узнаете о нем. Это — Джон Эвартс.

— Ага, — только и произнес Малон.

Комментарии были излишни. Очевидно, среди пациентов доктора Мартина ныне числились и миллионеры. Малон принялся размышлять, какой гонорар запросить у Джона Мартина за эту маленькую юридическую консультацию.

— Не так давно Эвартс зашел ко мне, — продолжал доктор. — До этого у нас были с ним просто приятельские отношения. Он не был моим пациентом. Он пришел ко мне, потому что видел сны.

— Очень многие люди видят сны, — заметил Малон.

— Он собирается убить меня, — сказал доктор Мартин.

В кабинет вошел Джо Ангел, неся четыре порции небавленного виски и высокий стакан с содовой, который он поставил точно на середину стола.

Психиатр залпом выпил свое виски и сказал:

— Ему снилось, что он совершает жуткие, кровавые преступления, а утром он просыпался измученный, будто не спал.

— Если он собирается пристукнуть свою жену или кого-нибудь богатого дядюшку и заранее готовит верю о своем умопомешательстве, то должен признать, что он поступает неглупо.

Доктор Мартин выпил второй стаканчик виски и закурил сигарету:

— Дело, однако, в том, что он действительно совершил убийства. — Доктор взял со стола счет и потянулся к мажнику. — Если у вас найдется несколько свободных минут, я бы хотел, чтобы вы заехали ко мне, просмотрели какие-либо записи.

Малон осушил оба своих стаканчика и ответил:

— С удовольствием.

У доктора Мартина на Лейк Шор Драйв все было именно так, как Малон себе и представлял: мальчик-лифтер с манерами слушателя Вест-Пойнта, приемная, выдержанная в светло-серых тонах с удобными креслами и пе-

пельницами, расставленными на современных столиках, а также секретарша, одежда которой гармонировала с жемчужно-серым ковром, а длинные, гладко причесанные волосы — с кленовой мебелью.

— А, мистер Малон! — приветствовала она его. — Как я рада снова вас видеть.

Малон заморгал, пытаясь припомнить, когда и где эта женщина могла его видеть.

Доктор Мартин усмехнулся:

— Мисс Адамс никогда и ничего не забывает, ни лиц ни фамилий. Она вела для меня записи во время процесса Алевелла Макджонсона, которого вы столь блистательно защищали.

— С вашей помощью, — скромно ответил Малон.

— Мисс Адамс, — сказал доктор, открывая дверь своего кабинета, — для пациентов меня сегодня нет весь день.

По сравнению с личным кабинетом доктора Мартина приемная выглядела как лачуга бедняка в Старом Дели. Здесь царили мягкие, приглушенные тона. Кабинет был обставлен с потрясающей роскошью. Малон подавил искушение повалиться на изумительный светло-серый ковер и сознаться в совершении всех известных ему преступлений.

— Никто, даже мисс Адамс, не знает о существовании этих записей, — сказал доктор Мартин. Его твердый профессиональный тон внезапно преобразил эти роскошные апартаменты в обычный врачебный кабинет.

— Мистер Эвартс впервые консультировался у меня 13 апреля. В то время я не придавал его сну особого значения. Однако...

Он открыл папку и начал читать вслух:

— 13 апреля. Мне снилось, что я встал с постели, оделся, вышел из дому, сел в трамвай и поехал в южном направлении. Я вошел в подъезд какого-то дома, расположенного в полуквартале от 63-й улицы. Дверь квартиры, в которую я хотел войти, была заперта, но я взломал ее. В спальне, на постели, лежала отвратительная старуха. Я перерезал ей горло ножом, который взял на кухне. Потом я перевернул всю квартиру, но не нашел ничего ценного. В припадке ярости я поджег квартиру и убежал. На этом сон кончается, но я проснулся в своей постели в поту, весь разбитый.

Доктор положил папку на стол и сказал:

— Сны подобного рода — вещь весьма обыкновенная, и я не удивился, когда Джон Эвартс обратился ко мне за частной консультацией. Записей при нем я не делал и лишь после его ухода вкратце изложил историю его же словами. Он рассказал мне про свой сон 13 апреля. Видел

он его накануне ночью — 12 апреля. А вот что я совершенно случайно обнаружил в газете.

Газетная вырезка, которую он передал Малону, была датирована 13 апреля. В ней описывалось зверское убийство какой-то старухи. Малон почувствовал, как по спине у него побежали мурашки. Тело старухи было найдено посреди разгромленной и полусожженной квартиры. Горло у нее было перерезано ножом с ее собственной кухни.

— Разумеется, это могло быть простым совпадением, — сказал доктор. — Но потом он увидел еще один сон. Он проник в маленькую квартирку одной молодой женщины в районе Уилсон-авеню, заколол ее ножом для разделки мяса, найденным им на кухне возле раковины, а потом зверски изуродовал тело и сбежал.

Малон протянул руку за заметкой, в которой описывалось жестокое убийство молодой стенографистки.

— Он видел этот сон 7 мая, — сказал доктор.

Вырезка была из газеты от 8 мая. История была довольно жуткая.

— Было еще два сна, — продолжал доктор, — примерно в том же ключе. Сон о девушке, с которой он познакомился в баре и заколол пилочкой для ногтей из ее же сумочки. Этот сон он видел ночью 2 июня. — Доктор Мартин протянул Малону вырезку от 3 июня. — А еще один сон, о... нет, лучше сами прочитайте. Он видел его ночью 25 июня. Это преступление в самом деле было совершено той ночью незадолго до полуночи.

Малон прочел четвертую вырезку, потом бросил ее на стол.

— А теперь, — сказал доктор Мартин, — он собирается убить *меня*.

— Тогда вам нужен не юрист, а телохранитель, — сказал Малон. Ему показалось, что его голос звучал хриловато и резко. Он попытался было засмеяться, но не смог.

Доктор, казалось, не заметил этого. Он засунул записки в ящик письменного стола и продолжал:

— Прошлой ночью ему приснилось, что он явился сюда поздним вечером, позвонил в ночной звонок, и я впустил его. Ведь здесь помещается не только мой рабочий кабинет, я и живу здесь. Там сзади — моя спальня, ванная, кухня, но единственный вход туда — через приемную.

— Продолжайте, — попросил Малон.

— Ему снилось, что мы прошли в кабинет, где мы сейчас находимся. Я уселся за стол. Внезапно он бросился на меня через стол и заколол меня ножом, взятым на кухне.

В комнате воцарилась тишина. Уютный кабинет казался теперь уже далеко не таким уютным.

— Вы выжили? — небрежным тоном спросил Малон.

— Нет, — так же небрежно ответил доктор.

Он поднялся из-за стола и негромко спросил:

— Хотите выпить?

— Еще как, черт возьми! — ответил Малон.

Он наблюдал, как доктор отворил дверь, ведущую на кухню. Потом закрыл глаза и попробовал представить Джона Эвартса, спортсмена и миллионера, в этой самой комнате, рассказывающего доктору эту жуткую историю. Затем Малон попытался представить себе роскошное убранство спальни доктора Мартина и быстро открыл глаза, надеясь, что на щеках его не появилась краска.

— Благодарю, — сказал он, принимая стакан. — Такого же рода совет вам нужен? Переезжайте отсюда, купите пистолет или сообщите в полицию.

— Быть может, это и смешно, — сказал доктор. — Но я уже купил пистолет. Уезжать отсюда я не хочу, и, коли скоро дело касается Джона Эвартса, я не хотел бы вмешивать сюда полицию.

— Но если вы последовали своему собственному совету, зачем же, черт возьми, вы пригласили меня?

Доктор Мартин улыбнулся и сказал:

— Я думал, вам интересно будет выслушать любопытную историю и выпить со мной. — Он вновь наполнил стакан Малона.

— Очень мило с вашей стороны, — сказал Малон. — Но так как вас теперь могут убить с минуты на минуту, я попросил бы немедленно выписать мне чек за юридическую консультацию. Все последующие советы, если они вам понадобятся, я дам бесплатно.

Доктор Мартин ухмыльнулся и нажал кнопку звонка. Приятный голос из ящика откликнулся: "Да?"

— Приготовьте чек мистеру Джону Дж. Малону за юридическую консультацию, — распорядился доктор. — На пятьсот долларов и пошлите его почтой.

Малон хотел было возразить, что с удовольствием захватит чек с собой и тем самым избавит доктора от расходов на марку, но передумал и ничего не сказал.

Доктор Мартин хитро улыбнулся:

— Если завтра я буду еще жив, то аннулирую этот чек.

По дороге в свою контору Малон заехал к Джо Ангелу. Хотел кое-что обдумать. Первое место в его списке занимала благоухающая, с глазами газели мисс Адамс. Нужно было придумать способ назначить ей свидание. Следующим по важности шло дело человека, которому снилось, что он убийца. После двух стаканчиков виски поразмыслив, Малон рассказал эту историю Джо Ангелу.

рисовокупив, что она произошла с одним его приятелем а Гаити.

Джо выслушал его и в свою очередь рассказал похожую историю, которую поведала ему когда-то его тетушка, еще в Европе. Дворник-венгр из городского магистрата, привлеченный увлекательным разговором, угостил сех пивом и поведал грустную историю, случившуюся дняжды с племянником его троюродной сестры. Тут в еседу влез репортер из "Трибюн", который закричал:

— А вот послушайте, что случилось с моим приятелем, когда он проезжал мимо одного кладбища в Небрасе...

Малон решил, что пора возвращаться в свою контору.

— Завтра утром по почте придет чек на пятьсот долларов, — сказал он своей секретарше Мэгги, — поэтому поробуй сейчас занять пять сотен в винной лавке на ашингтон-стрит, а если там не получится, то у букмекера в Кларк-стрит. Возьми оттуда, что тебе причитается за рошлый месяц, а когда утром пришлют чек, сразу же бе-4 в банк.

— А что, — поинтересовалась Мэгги, надевая шляу, — клиент может передумать?

— Нет, — ответил Малон, — но я сомневаюсь, что он оживет до утра. Надень пальто. На улице холодно, как у окойника под мышкой.

Мэгги надела пальто:

— Время платить за аренду конторы, — с упреком сказала она, — а вам понадобились наличные.

— Кажется, у меня наклеывается свидание, — ответил Малон. — И не задавай вопросов.

Он прошел в свой кабинет и сидел там довольно долго, раздумывая, что предпринять.

Наконец в своей заветной телефонной книжке он на-101ел номер телефона Джона Эвартса. Набрав номер, он ождался, когда важный мужской голос ответил ему, и зном еще более торжественным произнес:

— С вами говорят из конторы мистера О'Клири. Мис-эр О'Клири должен встретиться сегодня вечером с мис-эром Эвартсом, но, к сожалению, утерял адрес...

Секундой позже он уже записывал на измятом конвер-э, что мистер Эвартс сегодня после девяти будет в Голу-ом казино.

Он поразмышлял еще с минуту, потом набрал номер октора Мартина:

— Мисс Адамс? Это мистер Малон. Нет, я не хочу го-орить с доктором, мне нужны вы. Да, да, в самом деле. 104очему? Да потому что вы прелестная женщина, и я хочу оближе с вами познакомиться. Как насчет ужина се-

годня вечером? — После уговоров, которые в сущность по его мнению, и не нужны были, он сказал:

— Чудесно! Куда мне за вами заехать?

— Ну, конечно, она жила в районе Роджерс Парк", — горечью подумал Малон, вешая трубку.

Переодевшись и побрившись, он подумал было, что неплохо бы преподнести ей орхидею, но потом отказал от этой мысли.

Мисс Адамс производила впечатление женщины, к которой для полноты счастья не хватало лишь любезной улыбки или пакетика жареных кукурузных зерен. Ил быть может, доброго ужина и приятного вечера в Голубом казино. Кроме того, напомнил себе Малон, встречается он с ней почти исключительно ради информации.

Вспоминая их недавнюю встречу, он принялся размышлять над тем, сама ли она выбрала свой туалет. Одежда она была именно так, как надлежало быть одетой хорошей секретарше. Со стороны доктора Мартина, безусловно, мудро было не надевать на нее тривиальный белый халат, связанный в нашем воображении с медициной. Мягко облегающее ее фигуру серое платье с небольшою розовой отделкой у горла способно было либо отвлечь пациента от его забот, либо, напротив, добавить ему неловкости.

Когда Малон подъехал к дому мисс Адамс на Роджерс Парк и она села в его автомобиль, он решил, что она сама выбирает свои туалеты. Быть может, доктор Мартин и додумался до серого платья с розовой отделкой, но уж шубке, мех которой нежно, как шаловливый котенок, щекотал плечо Малона, он наверняка никакого отношения не имел. Малон так и ждал, что котенок замурлычит. И он самом деле замурлыкал:

— С вашей стороны было так мило позвонить мне, мистер Малон.

— А с вашей — так мило ответить мне, мисс Адамс. — Он размышлял, какое платье на ней под шубкой.

Оказалось, розовое вечернее, как раз в тон ее губной помады. И тут раз и навсегда он решил, что она сама выбирает себе туалеты. Даже такой маститый психиатр, как доктор Мартин, не мог обладать таким вкусом.

Внезапно он поймал себя на мысли: как она могла позволить себе шить такие туалеты на жалованье секретарши?

Она улыбнулась ему через стол и проворковала:

— Я сшила его сама.

Малон заморгал. Оставалось лишь надеяться, что он не покраснел.

— Итак, в придачу ко всем вашим талантам, вы еще и мысли умеете читать?

Она засмеялась:

— Я не умею читать мысли, просто вы так задумчиво мотрели на мое платье... Естественно, вы размышляли, как можно оставаться честной женщиной, живя на жалованье, которое я получаю, и покупая такие туалеты. Теперь вы получили ответ на свой вопрос. Все целиком до последней нитки обошлось мне в девятнадцать долларов венадцать центов.

— Если бы я встретил такую девушку двадцать лет назад, сегодня я был бы богачом. — Глаза его сузились: — Я полагаю, что дома где-то в клетке вы держите пару ноек, и время от времени они снабжают вас очередной лубкой.

— Не только норок, — весело ответила она, — я держу акже пару чернобурых лис и шиншилл на случай, если мне надоест норковая шубка. — Она снова засмеялась. — Аистер Малон, вы удивитесь, если я вам скажу, что можно себе купить, если каждую неделю откладывать десять юлларов из двадцати. Всего лишь год, и любая шубка — юя.

— Любопытно, — произнес Малон, — чертовски юбопытно, но мне почему-то кажется, что вы говорите правду.

После ужина, шести коктейлей и двух танцев ему удалось узнать довольно много. В кабинет доктора Мартина был лишь один вход. Всем коктейлям мисс Адамс предючитала двойной баккарди. Да, у нее почти фотографическая память. Доктор Мартин чудо как мил. Все пациенты обожают его. Да-да, большинство его пациентов — сенщины.

— Да, — подумал Малон, — здесь ни норковым манто, ни браслетом с бриллиантами не обойдешься, здесь один ыход — пакетик с жареными кукурузными зернами или ще один баккарди.

— А вот как раз кое-кто из пациентов доктора, — внезапно сказала мисс Адамс.

Малон быстро поднял голову. В Голубое казино входил Джон Эвартс. Маленький адвокат нахмурился. Эвартс не походил на человека, который нуждался в слугах психиатра. Нуждался он разве что в диете и физических упражнениях. Миллионер-спортсмен был крупный лужчина ростом за шесть футов и могучего телосложения. Мускулы его уже начали покрываться жирком. Широкое добродушное розовое лицо. Казалось, этот человек извлекает массу удовольствия уже из самого факта своего существования на этой земле.

Рядом с ним была женщина. Малон заморгал и гляделся в нее внимательнее.

Она напоминала холеную скаковую лошадь хороших

кровей, горячую, но умеющую себя сдерживать. Мало: она показалась шоколадной с головы до ног. Ее гладки красиво уложенные каштановые волосы блестели, к шелковистая шерсть лошади; худощавое загорелое лицо было того же оттенка. И платье на ней было коричнево из очень дорогого магазина, но явно не из Парижа.

Мисс Адамс пробормотала что-то вполголоса.

Малон даже подпрыгнул на своем стуле:

— Кто-нибудь знакомый? — вежливо осведомился о

— Эта женщина, — ответила мисс Адамс, — мисс Эвартс, одна из пациенток доктора Мартина. Не понимаю, почему мистер Мартин так возится с ней. Разумеется, я знаю, что сейчас модно консультироваться доктором Марином, но можно же найти предлог поуже, чем сны, в которых она выходит замуж за жокея.

Маленький адвокат с трудом сдержал готовый сорваться с его уст целый поток вопросов и лишь спросил

— Это ее муж с ней?

— Надеюсь, что так, — ответила мисс Адамс. — Ей тоже нужен хороший психиатр, как... как мне еще один бакарди.

— Ей, должно быть, действительно нужен хороший психиатр, — галантно ответил Малон, знаком подзыва официанта.

Несколько часов спустя он сидел на краю собственной постели, решая серьезный вопрос: следует ли ему встать сейчас или спать в одежде, а утром переодеться. Он долго взвешивал все "за" и "против", и, как раз когда он уже собрался бросить жребий, зазвонил телефон.

Сначала он решил не отвечать. Телефонный звонок это время ночи обычно приносил лишь беспокойство хлопоты. Но в конце концов все-таки поднял трубку — любопытство одолело.

Это был доктор Мартин. Голос его звучал напряженно, и говорил он быстро:

— Он едет ко мне, Малон.

— Глупости, — зевнул Малон. — Вам бы надо хорошему психиатру показаться. — Тут он понял, что ляпнул что-то не то, и поспешно добавил: — Вам нужно расслабиться. В том состоянии, в каком Эвартс вышел из Голубого казино, он еще сутки не сможет попасть камнем небо. Закройте дверь и ложитесь спать.

— Малон! — с отчаянием закричал доктор Мартин, — он уже в дверях!

— Застрелите его, — устало посоветовал Малон.

— Малон, мой пистолет...

Послышался звук, разобрать который Малон не смог и телефон замолчал. Маленький адвокат несколько минут просидел на краю своей постели, пытаясь осмыслить при

исшедшее. Потом он решил, что поспать сможет и в другой раз, и набрал номер телефона капитана фон Фланагана из отдела криминальной полиции.

Наконец сонный и негодующий голос фон Фланагана пробормотал:

— Ты пьян.

— Очень может быть, — ответил Малон, — но даже в этом состоянии я могу отличить убийство от... Словом, через четверть часа жду вашу машину у моего отеля.

Полицейский автомобиль с включенной сиреной прибыл к отелю уже через десять минут. На заднем сиденье фон Фланаган все еще заправлял рубашку в брюки и возился с галстуком. Малон быстро уселся на заднее сиденье и дал адрес доктора Мартина на Лейк Шор Драйв. Затем он откинулся назад и рассказал фон Фланагану всю историю.

— Доктор Мартин! — Рот фон Фланагана открылся от изумления. — Джон Эвартс! — ахнул он снова. — Господи, парень, должно быть, совсем свихнулся!

— Похоже на то, — флегматично произнес Малон. Ему жутко хотелось спать.

На звонок в кабинет доктора Мартина никто не ответил. Никто не ответил и на продолжительный стук в дверь. Малон почувствовал, как по спине у него побежали мурашки.

Времени на то, чтобы разбудить дворника и имевшимися у него ключами открыть дверь, потребовалось немного. В приемной было темно и пусто, однако у входа в кабинет горел свет. Фон Фланаган распахнул дверь, заглянул в кабинет и сразу же бросился к ближайшему телефонному аппарату вызвать своих людей со всем необходимым.

— Не трогай ничего, — устало произнес Малон, забыв, что говорит с шефом уголовной полиции.

Прежде чем прибыли люди фон Фланагана, ему и Малону удалось кое-что выяснить. Самым главным было то, что, кроме них самих, живых людей в квартире не было.

Нож, которым перерезали горло Мартину А. Мартину, был взят из его небольшой кухни.

Пистолет в руке доктора был "Айвер Джонсон" тридцать второго калибра. Стреляли из него недавно.

Мисс Адамс сказала правду: в жилые комнаты был лишь один вход — через приемную.

Когда прибывшие полицейские приступили к работе, Малон отвел фон Фланагана в сторону:

— Они знают, что им делать. А нам пора двигаться отсюда.

Фон Фланаган прорычал, что сейчас не время для выпивки.

— Джон Эвартс, — напомнил ему Малон. — Док, должно быть, промазал из своего пугача, а в соответствии с его записями Эвартс должен был вернуться к себе домой.

Полицейский понял его с полуслова, и, оставив инструкции подчиненным, они направились к выходу. Внизу в холле уже собирались репортеры.

— Я арестую убийцу еще до наступления утра, — пообещал им фон Фланаган.

Малону это почему-то не понравилось.

Полицейский автомобиль остановился прямо перед домом, в котором жил Джон Эвартс. Лифт поднял их на самый верх, в фешенебельную квартиру Эвартса. И снова они безрезультатно звонили и колотили в дверь. Но нет, не безрезультатно. Вскоре сонный голос за дверью спросил:

— Кто там?

— Полиция, — заревел фон Фланаган.

Дверь немного приоткрылась, с внутренней стороны ее закрепили на щеколду и цепочку. Фон Фланаган просунул в щель свое удостоверение. Засов и цепочка загремели, дверь отворилась.

Миссис Эвартс, должно быть, крепко спала. Волосы ее были немного взлохмачены. На лице не было косметики. На ней был темно-розовый бархатный халат.

— О господи, — сказала она, — надеюсь, Альберт, наш шофер, не натворил опять чего-нибудь? В свои выходные он частенько попадает во всякие передраги. — Она подавила зевок. — Извините, я так долго не открывала дверь, но я спала так крепко, а у горничной сегодня тоже свободный день.

— Я хотел бы увидеть вашего мужа, — сказал фон Фланаган.

Она устало улыбнулась:

— Увидеть его вы, конечно, можете, но не уверена, что он будет в состоянии с вами говорить. Когда мы вернулись домой, я уложила его в постель, и сомневаюсь, что он хоть раз пошевелится в ближайшие десять часов. Но можете попытаться.

Она повела их через холл. Они вошли в громадную гостиную, убранство которой могло бы показаться ультрасовременным и лет десять спустя, а через распахнутую дверь Малон увидел целую анфиладу комнат. Они вошли в широкий коридор, увешанный гравюрами на восточные сюжеты. Из коридора множество дверей вело во внутренние апартаменты. Миссис Эвартс подошла к одной из дверей и постучала.

Фон Фланагану, очевидно, надоело стучаться в двери и не получать ответа. Он потянулся к дверной ручке.

— Наверное, он спит как убитый, — извиняющимся тоном произнесла миссис Эвартс.

Она была почти права. Джон Эвартс, правда, не спал, но он был мертв.

Он лежал в постели, свернувшись калачиком. Одеяло было подоткнуто со всех сторон. Рука его лежала поверх одеяла. Рукав ярко-красной в полосочку пижамы казался еще ярче от пропитавшей его крови, которая вытекала из огнестрельной раны на лбу.

Миссис Эвартс негромко вскрикнула.

Хриплым голосом Малон сказал:

— Если окажется, что он застрелен из "Айвер Джонсона" тридцать второго калибра, а я думаю, что так оно и есть...

— Я не суеверен, — твердым голосом сообщил Малон, — однако... что здесь можно сказать... — Одним глотком он осушил содержимое своего стакана и сделал знак Джо Ангелу.

— Но Малон, — жалобным голосом протянул фон Фланаган, — ведь я обещал арестовать убийцу еще до наступления утра...

— Утро уже наступило, — ответил Малон, — разумеется, если ты не считаешь, что половина шестого утра это еще вчера. — Он нахмурился. — Вчера... Вот что я попытаюсь вспомнить. Потому что вчера это завтра...

— Малон, — опершись о стойку бара, сказал Джо Ангел, — поезжай-ка ты домой. Тебе нужно хорошенько выспаться.

— Завтра, — размышлял Малон, — а к завтра оно может стать вчера. Дай-ка моему другу еще один стаканчик и запиши на меня.

— Завтра, — ответил Джо Ангел. — Ты оплатишь счет завтра. — Он двинулся вдоль стойки.

— Я тоже не суеверен, — сказал капитан фон Фланаган. — Но чертовски все это странно, как подумаешь. Человек во сне совершает убийства. Сообщает об этом первоклассному психиатру. Но оказывается, что убийства эти в самом деле совершены. Но он же нигде не оставил отпечатков пальцев, никто его не видел, он даже из квартиры своей не выходил. — Капитан нахмурился. — Как мог он убивать людей во сне, не выходя из своей спальни?

Джо Ангел подавнул два стакана со спиртным через стойку и сказал:

— Нечто подобное произошло в городке, где жила моя тетка...

— Убирайся, — сказал фон Фланаган, рассеянно расплачиваясь за выпивку. — Потом он видит во сне, что уби-

вает доктора. Он ложится в постель. Крепко засыпает. Может, ему снова во сне...

Малону показалось, что он чувствует, как мурашки забегали по спине фон Фланагана.

— Он закалывает доктора. Доктор стреляет в него. И это при том, что они находятся в десяти кварталах друг от друга! Кто что видел во сне? Что мне писать в отчете?

Дворник-венгр из городского магистрата зашевелился и сказал:

— У меня на родине верят, что...

— Убирайся, — сказал Малон.

— И вдобавок, — несчастным голосом продолжал фон Фланаган, — я обещал к утру арестовать убийцу.

Малон допил свое виски, слез с высокого табурета и сказал:

— Утро настанет, лишь когда солнце взойдет. А мы арестуем убийцу прямо сейчас. Поехали.

Солнце уже почти взошло, когда они добрались до места. На этот раз женщина с усталыми глазами отворила им дверь сразу же.

Прежде чем фон Фланаган успел открыть рот, Малон быстро произнес:

— Вам следует знать, что как адвокат я не проиграл пока ни одного дела. После ареста мы увидимся, и вам лучше захватить с собой чековую книжку, чтобы сразу же выдать мне предварительный гонорар.

Она уставилась на него.

Фон Фланаган сказал:

— Миссис Эвартс, мой долг арестовать вас по подозрению в убийстве вашего мужа Джона Эварта и доктора Мартина А.Мартина. И я думаю, вам следует воспользоваться предложением мистера Малона.

Солнце встало, а вместе с ним и Джо Ангел. Держа в руке двойной кофе по-королевски, фон Фланаган прорывался:

— Ты что, вообще не спишь, что ли?

— Нет, когда не спит мой друг Малон, — гордо отвечал Джо. — В этом случае я бодрствую и жду.

Он уже слышал в общих чертах о происшедшем. Миссис Эвартс "раскололась" и признала все. Она наняла Малона своим адвокатом, и он уже обдумывал линию защиты, намереваясь строить ее на доказательстве неумолимости своей клиентки. Ведь как-никак она многие месяцы консультировалась у психиатра. Малон получил второй чек на пятьсот долларов и собирался поместить деньги в банк утром, как только он откроется.

— Малон, можешь оплатить свой счет в баре, когда за-

хочешь, — счастливым голосом объявил Джо Ангел, — а также отдать те двести долларов, которые ты мне должен.

Он обратился к фон Фланагану:

— Ставлю двадцать долларов, что он вызовет эту дамочку.

Фон Фланаган вздохнул:

— В хорошеньком положении я бы оказался, коли она стала бы все отрицать! Как тебе удалось распутать это дело, Малон?

— Завтра и вчера, — ответил Малон. — Вчера и завтра.

— Он пьян, — с чисто профессиональной гордостью заявил Джо Ангел. — Фон Фланаган, обрати внимание на то, что он несет.

— Чтобы проконсультироваться с доктором, — спокойно сказал Малон, — Эвартсу непременно пришлось бы пройти через приемную. Но мисс Адамс, которая и в самом деле обладает феноменальной памятью, не узнала его, когда увидела в Голубом казино. Зато она узнала миссис Эвартс, одну из многочисленных пациенток, влюбленных в доктора.

Он отпил кофе.

— Никогда не пойму, почему женщины влюбляются в психиатров, если они могут с тем же успехом влюбиться в хорошего адвоката, причем обойдется им это гораздо дешевле.

— Продолжай, — сварливым голосом потребовал фон Фланаган.

— Доктор Мартин придумал замечательный способ избавиться от Джона Эварта с тем, чтобы жениться на миссис Эвартс и ее миллионах. Каждый раз, когда в газетах появлялось сообщение о каком-нибудь особо зверском убийстве, он делал соответствующие записи якобы в результате беседы с Эвартсом. Разумеется, Эвартс никогда не консультировался с Мартином. Все это чистая выдумка доктора, включая и сны. А когда у него накопилось достаточно записей об убийствах, он и поведал всю историю мне. Разумеется, я сразу же понял, что все это туфта, — добавил Малон.

— Каким образом? — спросил фон Фланаган.

Малон глубоко вздохнул:

— План был таков. Миссис Эвартс должна была привести одурманенного спиртным или наркотиками мужа в кабинет доктора. Мартин после телефонного разговора со мной должен был застрелить его. Нож из кухни Мартина вложили бы в ладонь Эвартсу. Конечно, доктор допустил здесь небольшую оплошность, которую фон Фланаган сразу же блестяще подметил.

Фон Фланаган заморгал, но промолчал, ожидая, что последует дальше.

— Для того чтобы взять нож, Эвартсу пришлось бы пересечь кабинет, выйти в кухню и вернуться назад — все это на виду у доктора Мартина, ожидающего его с пистолетом наготове и звонящего мне.

После некоторого молчания Фланаган заявил:

— Разумеется, я это сразу же заметил.

— Для доктора все складывалось как нельзя лучше, все, кроме одного, — продолжал Малон, — миссис Эвартс изменила свои планы. Кто знает, может быть, она решила, что найдет кого-нибудь получше психиатра — адвоката например. Может быть, она обнаружила, что доктор надувает ее. А может, она просто захотела, чтобы все деньги достались ей одной, — Малон сделал паузу. — Ради Всевышнего, Джо, свари еще кофе! В десять утра мне нужно быть в суде, а сейчас уже девять.

— А тебе еще нужно побриться и принять ванну, — сочувственно заметил Джо, — только говори погромче, я тоже хочу слушать.

Он вышел.

— Я просчитал всю ситуацию, вплоть до того момента, когда Мартин позвонил мне. Я даже точно знал, что он мне скажет. Но перед тем как линия замолчала, доктор произнес: "Малон, мой пистолет..." Судя по его тону, он был чем-то удивлен, даже поражен.

Послышался голос Джо из задней комнаты:

— Погромче, Малон.

— Я знаю теперь, — продолжал Малон, — что он был удивлен и поражен тем, что пистолета на его столе не оказалось. Кроме того, он ожидал, что в отворившуюся дверь миссис Эвартс втолкнет своего пьяного или одурманенного каким-нибудь наркотиком мужа. Однако вместо мужа, как они договаривались, он увидел жену с ножом в руке. Он был так поражен, что телефонная трубка выпала у него из рук. После чего она аккуратно всадила ему нож в горло, вложила ему в руку пистолет, с помощью которого она уже расправилась со своим мужем, преспокойно вернулась домой и, как пай-девочка, легла в постель, с которой мы, грубые и бесчувственные люди, ее и подняли, устроив под утро такой тарарам у ее дверей.

— Но как она собиралась выйти сухой из воды и обмануть правосудие?

— Думаю, ей бы это удалось, если бы... — он помедлил, — не ты.

Вошел Джо, неся свежесваренный кофе, и плеснул в каждую чашку щедрую толику бренди.

— Возможно, первоначально ее план заключался в том, чтобы заманить мужа в кабинет доктора, дав тому возможность застрелить его, а потом заколоть самого доктора и предоставить полиции решать, кто из покойных

напал первым. Однако Эвартс нарушил все ее планы, здорово напившись. Не могла же она тащить его к доктору на руках. Поэтому она изменила свой план и решила действовать иным путем.

— Малон, но как к ней попал пистолет? — спросил фон Фланаган.

— Миссис Эвартс — дамочка с головой. Она ничего не пускала на самотек и старалась избегать неожиданно-стей. Возможно, она утащила пистолет из кабинета доктора еще днем и носила его с собой.

После некоторого молчания фон Фланаган спросил:

— И еще одна вещь, Малон. Ты сказал, будто с самого начала знал, что вся история доктора — выдумка?

— Вчера и сегодня, — гордо отвечал Малон. — Помните записи доктора Мартина, которые он сам сочинил? Согласно этим записям Эвартс видел сон об убийстве, просыпался утром измученным, и всякий раз оказывалось, что убийство и в самом деле имело место. Каждое убийство и сон о нем происходили в одно и то же время, а в случае с доктором Эвартс видел убийство во сне до того, как оно произошло. — Малон зевнул и махнул чашечкой в сторону Джо Ангела. — Если бы убийство доктора имело место в самом деле, — сказал Малон, с трудом двигая языком, — оно произошло бы, как все остальные, в то время, когда Эвартс видел сон. — Внезапно Малон поднял голову. — А может, наоборот... Я еду домой.

Без двадцати десять Малон вошел в свою контору, побрился, принял душ и надел свой серый двубортный костюм, который он всегда предпочитал надевать в суд. На щеках его горел румянец, глаза блестели.

Мэгги с изумлением смотрела на него.

— Просто удивительно, как освежает человека хороший ночной сон.

— Суд, — напомнила Мэгги, не отрывая от него изумленного взгляда. — Десять часов.

Малон взял кейс, который подала ему Мэгги. Другой рукой бросил на стол чек:

— Сходи в банк и получи деньги. Возьми себе в счет жалованья, сколько причитается, а мне оставь сотню. Кажется, у меня сегодня свидание. — Он направился к двери, потом остановился и достал из кармана смятый конверт с чьей-то фамилией и адресом, записанными на обороте:

— Да, если ты уж все равно будешь в городе, отправь, пожалуйста, кое-что мисс Адамс по этому адресу. — Пакетик жареных кукурузных зерен. И вели упаковать его как подарок.

ЭКСПЕРТИЗА

Ярослав Голованов

СВЕТ И ТЕНИ ЛУННЫХ ДОРОГ

(История программы
"Аполлон")

Во фрагментах книги Ярослава Голованова, которые мы начинаем печатать, политики больше, чем детектива, хотя и детективных, приключенческих и даже авантюристических деталей здесь можно отыскать немало. Являются ли факты, приведенные в этих отрывках, "совершенно секретными"? Для наших соотечественников — пожалуй. Для читателей большинства цивилизованных стран — вряд ли. Можете провести нехитрый эксперимент среди ваших знакомых, сослуживцев. Спросите их: "Сколько людей гуляли по Луне?" Одни скажут — двое, другие — четверо. Кто-то (самый любознательный!) назовет даже Нейла Армстронга — первого человека на Луне, но можно поручиться, что никто не ответит правильно: на Луне в 1969 — 1972 гг. побывало 12 землян. Кроме них еще 15 американских астронавтов облетели вокруг Луны, и многие из них находились на орбите ее спутника по несколько дней.

Именно годы осуществления лунной программы "Аполлон" были годами жесткой конфронтации между СССР и США, годами развертывания гонки вооружений и беспрестанных идеологических нападок друг на друга. Именно в эти годы космонавтика Соединенных Штатов переживала дни своего величайшего и поныне непревзойденного триумфа. Именно в эти годы, как показывает анализ в перспективе ушедших лет, советская космонавтика начинает терять свое лидирующее положение в мире. Программа "Аполлон" — сгусток американизма в самом широком смысле этого понятия. В ней отражены американская деловая хватка и умение сосредоточить силы нации на решении важнейших проблем. В ней же — чисто американский авантюризм и неслыханное честолюбие, стремление убедить мир в том, что если на земном шаре и рождается что-то интересное, то это может родиться только в Соединенных Штатах. В ней и подлинный героизм непосредственных участников, рисковавших жизнью и отдавших жизнь "Аполлону".

Но ведь нас "учили", что героизм есть почти генетически врожденное свойство именно советского человека, что в "мире чистогана" он просто не может существовать. Как бы мы ни оценивали программу "Аполлон", мы не можем не признать, что эта программа была уникальным и героическим предприятием, од-

ним из величайших научно-технических и человеческих подвигов уходящего века. Однако "Аполлон" постоянно замалчивался нашими средствами массовой информации. До сих пор не выпущено ни одной сколь-либо полной книги об этой экспедиции на русском языке. О стартах лунных кораблей сообщалось в заметках, по своим размерам не превышающих количества строк информации о советских спутниках. Наши люди ясно видели всю нечистоплотность пропагандистской политики КПСС. В письмах, которые приходили в адрес наших газет и журналов, можно было прочесть: "Вы же сами пишете, что успехам наших космонавтов американцы посвящают целые полосы своих газет. Почему же об их успехах вы сообщаете в лучшем случае в 10-строчной заметке и с таким удовольствием смакуете все неполадки, о которых откровенно сообщают американцы?", "Неужели вы думаете, что мы меньше будем любить Юру Гагарина, если вы опубликуете в газете большой портрет Нейла Армстронга, первого человека, вступившего на Луну?"

Нынешняя и будущие публикации из книги Ярослава Голованова в нашем журнале — не просто закрашивание неких белых пятен истории, известных нам лишь понаслышке. Именно сегодня споры вокруг "Аполлона", а в более широком смысле — вокруг развития космонавтики и ее места в нашем будущем приобретают у нас весьма злободневный смысл, являются предметом жарких парламентских дискуссий и отличным определителем масштабов мышления власть предержащих: кто печется лишь о сегодняшней выгоде, а завтра — "хоть не рассветаи", а кто думает о могуществе России, заглядывая в ее завтра и понимая, что сегодняшняя, очень "правильная", очень "аргументированная" и даже, что лукавить, популярная "экономия на космонавтике" губительна для будущего страны. И в этом смысле история программы "Аполлон", провозглашенной как раз тридцать лет назад, созвучна с историей современности.

Любопытна судьба книги "Свет и тени лунных дорог". Ярослав Голованов написал ее летом 1975 года — сразу после возвращения из Хьюстона, откуда он — спецкор "Комсомольской правды" — передавал репортажи о полете по экспериментальной советско-американской космической программе "Аполлон" — "Союз" (ЭПАС). Рукопись была принята Политиздатом, отредактирована, набрана, сверстана, художники уже сделали макет книги, и решено было отправлять ее в производство. Но вдруг все разом рухнуло: Брежневу не понравилось какое-то высказывание Картера, и этого было достаточно, чтобы устроить чистку "всего американского" в наших издательствах.

"Я пошел в ЦК КПСС, — рассказал нам Ярослав Голованов, — в Идеологический отдел, и попросил объяснений у товарища Сенечкина Ивана Филипповича, который "курировал", т.е. досматривал Политиздат — и без того самое "правовверное" издательство в стране, подчиненное непосредственно ЦК КПСС.

"Знаю, знаю, — кивал Иван Филиппович. — В общем, они правы: зачем Политиздату выпускать книги по космонавтике? Разве это их тематика?"

Я назвал десяток "космических" книг, написанных людьми,

которых я хорошо знаю, и изданных в Политиздате. Однако комментарий этот Иван Филиппович пропустил мимо ушей”.

“Вот что должен выпускать Политиздат”, — он протянул мне фолиант величиной с кирпич. “Стенограмма I съезда Коммунистической партии Кубы”, — читаю на обложке роскошного тома. И такая злость вдруг меня охватила. “Да, конечно, такая книга нужна научным работникам, изучающим Латинскую Америку, Кубу и мировое коммунистическое движение, — думаю я. — Но на кой черт ее издавать массовым тиражом, кто этот “кирпич” купит?!”

“Знаете что, Иван Филиппович, — сказал я. — Когда будете эту книгу продавать, позвоните, чтобы к книжным магазинам вызвали конную милицию, чтобы народ не подавили...”

Положил “Стенограмму” на стол и ушел. Так и кончилась эта история. Книга пролежала в столе 17 лет...”

Глава I

Зерно, из которого вырос “Аполлон”

Нельзя сказать, что о космической программе “Аполлон”, особенно о первых годах ее осуществления, написано много. И все-таки любознательный читатель может, если захочет, найти интересующие его данные и факты, начиная с экономических расчетов и технических чертежей и кончая сведениями о семейном положении американских астронавтов. Отдельные главы отдельных книг посвящены отдельным этапам этой программы, но, если не считать специальной литературы, трудно найти сколько-либо последовательное изложение не только всех этих этапов, но — что представляется куда более интересным — эволюции взглядов на эту программу “изнутри”, в самих Соединенных Штатах, да и “снаружи” тоже.

Я не могу назвать себя специалистом в какой-либо из отраслей современной космонавтики, но в течение многих лет мне часто приходилось быть попутчиком таких специалистов. Поездки на космодром “Байконур”, в советские и американские Центры управления космическими полетами, в научно-исследовательские Центры, встречи с советскими и американскими учеными, космонавтами и астронавтами, короче — чисто журналистская работа по космической тематике позволила и узнать много интересного от других, и составить кое о чем свое собственное мнение.

В предлагаемой вам работе есть и высказывания политиков, и мнения ученых, и рассказы инженеров, и беседы с астронавтами, которые одни читатели воспримут с раздражением из-за их фрагментарности, а другие утомятся их пространностью. Тут есть цифры и технические подробности, которые опять-таки одним читателям покажутся слишком элементарными, а другим — чересчур усложненными. В общем, эту книжку не надо читать тем, кого программа "Аполлон" интересует в каких-либо частностях, кто желает рассмотреть ее под узким углом зрения. Мне, наоборот, было интересно найти ответ на некий общий вопрос: как, каким образом эта "программа престижа", "программа-вызов", как называлась она в США, претерпевала все те изменения, которые привели ее в финале к ЭПАС — экспериментальному полету "Аполлон"—"Союз", ставшему символом научно-технического сотрудничества двух великих космических держав и символом международной разрядки.

Еще раз — и в который уже раз! — история "Аполлона" показывает нам, что само научное открытие или, как в данном случае, выдающееся техническое достижение не может быть "плохим" или "хорошим", что истинная, историческая ценность его определяется лишь той целью, которая преследуется, и той философией, которая вкладывается в желание достичь этой цели.

Пятнадцать лет программа "Аполлон" была тем зеркалом, в котором мир видел лицо Америки. Оно отражало дерзкую романтику и беспредельный цинизм, широчайшие технические возможности и узость подхода к их реализации, самоотверженное бескорыстие и откровенное эгоизм, местнический хаос и высокую организацию. В программе "Аполлон" можно отыскать, пожалуй, все, что характеризует жизнь и сегодняшних Соединенных Штатов. Здесь вы найдете массу ценных примеров для подражания не только в сфере космических исследований, но и в других отраслях промышленности и техники. И тут же можно отчетливо увидеть те изъяны, которые делают неприемлемым бездумный перенос этого опыта. На примере "Аполлона" воочию видно, что могучая машина американской экономики наделена многими дефектами, что атлетический организм ее промышленности иногда поражается тяжелыми болезнями, болезнями подчас трудноизлечимыми.

Вот, собственно, что представляется мне самым интересным в программе "Аполлон". Но специальность научного журналиста тоже диафрагмирует желанную широту взгляда, и, если я говорю о том, что мне действительно хотелось вам рассказать, это еще вовсе не означает, что рассказать мне это удалось.

Программу "Аполлон" вызвал к жизни запуск в Советском Союзе 4 октября 1957 года первого в мире искусственного спутника Земли.

Спутник не был открытием в научном смысле, таким, как, скажем, нейтрино. Он давно предсказывался, был обоснован теоретически и не было, собственно, никакого секрета в самом принципе его запуска.

В США еще в декабре 1948 года было объявлено о планах запуска спутника. Более того, в середине февраля 1949 года стало известно, что американские конструкторы пошли еще дальше: они приступили к проектированию пилотируемого космического корабля.

29 июля 1955 года в связи с приближающимся Международным геофизическим годом (МГГ) Белый дом объявил, что Соединенные Штаты намерены предпринять попытку вывести на орбиту искусственный спутник Земли. На симпозиуме астронавтов в Сан-Диего 15 февраля 1957 года генерал Шривер вновь официально заявляет о том, что США запустят свой спутник.

С другой стороны, и советские ученые никогда не скрывали подобных намерений. После 4 октября 1957 года серьезный американский журнал "Форчун" писал: "Мы не ждали советского спутника, и поэтому он произвел на Америку Эйзенхауэра впечатление нового технического Пёрл-Харбора".

Хочется воскликнуть: ну почему же вы не ждали?! Разве вы не знали о работах по исследованию космических лучей с помощью ракет, начатых еще в 1943 году, о пусках советских научных метеорологических ракет начиная с 1951 года, о полетах животных на ракетах в 50-х годах? Разве не читали весной 1955 года о создании Межведомственной комиссии по координации и руководству научно-теоретическими разработками в области организации и осуществления межпланетных сообщений? Эта комиссия не при Дворце пионеров образовалась, а при Астросовете Академии наук СССР — организации весьма серьезной.

И тем не менее в июле 1957 года "Нью-Йорк таймс" публикует заметку, в которой говорится: "Согласно данным, которые считаются здесь авторитетными, Советский Союз значительно отстает в создании межконтинентальной баллистической ракеты... Кроме того, укрепилось мнение, что в своей работе по созданию такой ракеты русские находятся на ранней ступени испытания двигателей... и на самой ранней стадии конструирования самой ракеты".

Ну хорошо, ну ошиблись, "авторитетные" данные ока-

зались неавторитетными, бывает. Но ведь ровно через 43 дня после этой публикации ТАСС официально опровергает ее своим сообщением о создании в СССР межконтинентальной ракеты.

Наконец, октябрь — спутник летит над планетой, и Америка в глубоком шоке.

Почему? От незнания? Нет. От нежелания знать. Пове- рить в советский спутник было выше сил руководителей Соединенных Штатов. Спутник заставил их признать его только самым фактом своего существования.

Не успел президент Эйзенхауэр прилететь в Гиттигс- берг, чтобы немного отдохнуть и поиграть в гольф, как тут же телефонный звонок Хегерти, пресс-секретаря Бе- лого дома: "Советы запустили спутник", возвращает его в Вашингтон. Вернер фон Браун, который лучше других понимает, что произошло, говорит угрюмо будущему министру обороны Макэлроу: "Ну, теперь в Вашингтоне разразится настоящий ад!" Радио- и телекомпании пре- рвали свои передачи, чтобы все услышали "бип-бип" "красной Луны".

Обыватель потерял голову, говорили об угрозе разру- шения Нью-Йорка, началось падение акций на бирже, пас- тор Клуат в Вашингтоне предсказывал конец света. "Из всех символов мифологии страха, — писал американский ученый Герберт Йорк, — ...спутник был самым драмати- ческим". Почему?

Если уж сравнивать наш спутник с Пёрл-Харбором, то 4 октября действительно произошел разгром, разгром мифа о безграничном научно-техническом превосходстве США в области ракетной техники. Обозреватель "Нью- Йорк таймс" С.Сульцбергер в статье под заголовком "За- кат нашей сверхдержавной эры" писал: "Соединенные Штаты вступают в новую ущербную фазу своей нацио- нальной истории и международного влияния... Амери- канского века не было и нет".

Причина шока не в самом факте существования без- обидного, весело поющего шара, а в наложении этого факта на тогдашнюю политику "холодной войны". Дело не в том, что потерпели фиаско американские ракетные специалисты, а в том, что фиаско потерпели руководящие ими сторонники политики силы. Техническая победа со- зетских ученых привела тогда США к поражению полити- ческому.

Однако надо вспомнить и признать, что после запуска спутника основы советской внешней политики не измени- тись. "Нью-Йорк геральд трибюн" писала, что, "несмотря на очевидную психологическую победу, которую одержал

Советский Союз, это не привело к усилению угрозы возникновения войны”.

В США понимали, что брешь, пробитую в американской идеологии в результате этого “психологического поражения”, будет трудно залатать запуском своего собственного спутника, понимали, что “о стране, которая лидирует в космосе, будут судить как о наиболее развитой в техническом отношении, с лучшей постановкой образования и лучшей отдачей политической и экономической системы в целом”. Надо было что-то срочно предпринимать. Но для того чтобы предпринять что-либо, надо было прежде всего ответить на очень важный и принципиальный вопрос:

Как случилось, что русские оказались впереди?

Ответы были разные. Поначалу, впопыхах, очень нескладные. “А может, и нет никакого спутника, может, это так, фокус?”. Оказывается, все-таки есть. Летает, поет. “Да ерунда все это, просто кусок железа, который каждый может закинуть в космос”. Тоже не объяснение. А почему же вы не закинули, если это так просто? “Русские выкрали американские секреты!”. Ну кто же в это поверит? Раз “секреты выкрали”, значит, у США эти секреты были раньше, чем у СССР, ведь так? Так кто же мешал воспользоваться своими собственными секретами, если они действительно существовали? “Эти домыслы неизбежно приводят нас к нелогичным до странности и даже антиамериканским взглядам, — иронизировала английская газета “Манчестер гардиан”. — Если бы Советский Союз действительно “выкрал” указанные секреты, то в худшем случае, с американской точки зрения, он мог бы идти вплотную, но никак не впереди Соединенных Штатов в развитии ракетной техники”.

И еще одно объяснение лица авторитетного: президента США.

— Вы не должны забывать, — сказал Эйзенхауэр журналистам, — что русские захватили всех немецких ученых в Пенемюнде...

Это называется “валить с больной головы на здоровую”. Несмотря на преклонный возраст тогдашнего президента, трудно поверить, что президент Эйзенхауэр не помнил секретного приказа генерала Эйзенхауэра, изданного им в Германии в последние месяцы войны, в котором предписывалось любой ценой взять в плен немецких ракетчиков, не помнил о существовании операции “Пейперклип” и многих операций миссии “Алсос” по отлову и переправке за океан “мозгов” и патентов. Не без ведома главнокомандующего американскими войсками в Европе генерала Дуайта Эйзенхауэра в это время в США было вывезено 492 немецких ракетных специалиста и 644

члена их семей. Эту группу возглавляли генерал Вальтер Дорнбергер — руководитель разработок по ракете Фау-2, председатель комиссии по управляемым снарядам гитлеровского Министерства боеприпасов и доктор Вернер фон Браун — штурмбаннфюрер "СС", главный конструктор ракеты Фау-2 и, кстати, автор другого весьма интересного, правда неосуществленного, по причинам от него независимым, проекта. Я имею в виду так называемую "Америка-ракету А-9/А-10", которая должна была бомбить Нью-Йорк.

В предисловии к изданной в США книге "Космос: от спутника к "Джемини" прямо записано: "Германские ракетные снаряды Фау-2 послужили основой американских успехов в этой области". Именно фон Браун не раз назывался "отцом американской космонавтики". Не считая чисто военной тематики (это не наша тема), под его руководством шли разработки основных космических ракет, начиная с носителя "Юпитер-С" для первого американского спутника, кончая носителем "Сатурн-5" для последнего из лунных "Аполлонов". Так что о "немецкой помощи" кому-кому говорить...

И чтобы уж совсем покончить с темой чьей-то "помощи", приведу официальные данные ООН, согласно которым практика переманивания ученых из-за рубежа позволила США сэкономить около 4 миллиардов долларов. Это больше стоимости двух первых космических программ США, разработанных для отправки человека в космос, — "Меркурия" и "Джемини", вместе взятых. Кроме того, по утверждению тогдашнего главы НАСА Томаса Пейна, с 1958 по 1970 год на американскую космонавтику работали организации, фирмы и ученые других стран по 250 контрактам и соглашениям.

Итак, "внешние" причины, объясняющие восход "Луны, сделанной в Москве", оказались малоубедительными. Стали искать причины, так сказать, "внутренние".

Одной из серьезных причин советского успеха называли систему нашего образования. Оглянулись на себя. Оказывается, учителей не хватает, и многие школьные здания поизносились, и дети не увлечены учебой, все больше норовят смотреть телевизор. Да, цветной телевизор — бич Божий! Все беды от него!

В СССР поехали специалисты с искренним желанием разобраться в вопросе. Возвращаясь, писали доклады. Другие взялись за изучение литературы, зарылись в справочники. Выводы для США были малоутешительными.

Э.Теллер, физик, "отец" американской водородной бомбы: "Огромное число людей здесь, в Соединенных

Штатах, которые держат в своих руках будущее страны, — люди неинтеллектуальные”.

Л. Страус, председатель комиссии по атомной энергии “Я не знаю ни одного высшего учебного заведения в нашей стране, где американский студент, будь он даже потенциальным Эйнштейном, Ферми или Беллом, мог бы получить такую же хорошую подготовку, какую получает русский”.

Еженедельник “Ньюсуик” писал: “Спутники явились драматическим апогеем того, что, без всякого сомнения, было годами упорной и плодотворной работы на фронтах человеческого познания в Советском Союзе”.

Известный обозреватель Уолтер Липпман нащупал, как мне кажется, самую суть вопроса. Он говорил: “У нас нет знамени, вокруг которого мог бы сплотиться народ”, а позднее писал, что слабость Америки заключалась в отсутствии единой великой цели, которая объединила бы всех в стремлении ее достичь.

Требовалась цель.

В США понимали, что нужно запустить свой спутник, доказать, что это по зубам американской технике, успокоить перепуганного обывателя, ну а дальше, дальше что? Ведь надо обязательно “проникнуть в космос еще дальше”. Взгляд поднимался к орбите нашего космического первенца, повинувшись требованию, скользил дальше и упирался... в Луну!

Уму непостижимо, что бы предприняли американцы, свидетелями какой космической эпопеи стал бы мир, если бы у Земли не было Луны, если бы она была такой же одинокой, как Венера!

Луна — не озарение и не результат выбора. Луна — обязанность. К Луне нельзя было не прийти, следуя логике всей тогдашней американской политики. Космонавтика США оказалась в плену политических предначертаний. И словно рыба, попавшая в конус верши, она могла двигаться вперед по каналу, который сужался по мере ее движения все более и более, оставляя все меньше свободы и обрекая в конце пути на непременную и безвозвратную ловушку — Луну.

Вот почему Управление научно-исследовательских работ Министерства обороны, следуя той же логике, признает: “Основная часть гражданской космической программы, включая пилотируемые полеты, исследование Луны и планет, вызвана к жизни спутником”. Вот что дает нам право начинать историю программы “Аполлон” с действительно исторической даты: 4 октября 1957 года.

Глава II

Задача, поставленная перед нацией

Линдон Джонсон сказал однажды:

— Спутник вывел нас из летаргии...

Президент Эйзенхауэр в первые дни "послеспутниковой эры" (термин этот не я придумал, это американский: "postsputnik time") ходил с лицом загадочным и всем своим поведением старался показать, что все это для него не новость, все он знал заранее и — более того — в противовес "красной Луне" у него есть нечто не менее весомое, о чем он до поры не может распространяться, блюдя интересы национальной безопасности. Этот мимический спектакль сборов больших не сделал, даже сторонников президента не устраивал созданный им образ молчаливого ясновидца, а пресс-конференция 9 октября только раздосадовала прессу. Но уже 11 октября все начинает меняться. В Белом доме разрабатывается документ, предполагающий самые энергичные шаги для ускорения всех ракетно-космических программ, а 14 октября Эйзенхауэр, пренебрегая праздничным настроением семьи — был день его рождения, — проводит многочасовую беседу с министром обороны Макэлроем, изыскивая среди всех проектов "погони" за советским спутником самый верный и быстрый.

Вряд ли нам следует проследивать все стадии активизации американской космонавтики в этот период. Но, рассматривая все сделанное тогда в перспективе лет, приходишь к мысли, что, пожалуй, самым удачным и, как жизнь показала, перспективным решением для США было решение об образовании Национального управления по авиации и исследованию космоса — НАСА.

Эйзенхауэр понял тогда главное: в американской космонавтике нет кулака, бьют растопыркой. Армия, авиация и флот, имея свои ракетные программы, дублируют друг друга и, того хуже, мешают друг другу, традиционно находясь в крайне натянутых отношениях.

Увы, подобная неприязнь — явление не только американское. Оно существует во многих армиях мира, в том числе и у нас. Поскольку сразу после войны у нас ракетную технику взял к себе "под крыло" министр вооружения Д.Ф.Устинов, который всю войну делал пушки и был связан с артиллеристами, у нас ракетная техника как бы по традиции тоже отошла к артиллеристам. Созданием первого ракетного полигона Капустин Яр деятельно занимался маршал артиллерии Николай Дмитриевич Яковлев,

а Байконура — маршал артиллерии Митрофан Иванович Неделин. Так что нам счастливо удалось избежать тех сложностей в дележке ракетного "пирога", которые изнурили американцев.

Разумеется, власть президента позволяла Эйзенхауэру сделать выбор и "отдать весь космос", скажем, армии, но это непременно сузило бы фронт работ. И, руководствуясь известной на всех языках поговоркой о семи няньках и кривом дитяти, он понял, что нужна еще одна, независимая от всех военных, не обремененная никакими традициями новая государственная кормушка для всех монополий. "Президент исходит теперь полностью из принципа: ничто, абсолютно ничто не должно стоять на пути нашего стремления преодолеть ракетный разрыв", — писал обозреватель Р.Дрюмонд.

5 марта 1958 года специальный комитет Белого дома по правительственным организациям, во главе которого стоял Нельсон Рокфеллер, предложил учредить некое "новое гражданское" агентство, на которое и возлагалось проведение в жизнь "агрессивной национальной космической программы". Предложение было быстро одобрено президентом, и в июле состоялось рождение НАСА.

И здесь организационно американцы сразу вырвались вперед. Артиллеристы Яковлева и Неделина были нужны и даже необходимы, когда речь шла об отработке военной ракетной техники, но, когда начались космические запуски — какое до них, строго говоря, дело артиллеристам?! Однако командные, стартовые, испытательные наземные навигационные и связные службы, выросшие за годы работы с военной техникой зрелые специалисты занимались и космосом. Это породило множество неудобств, странный симбиоз военных и ученых, многовластие, изумительную по своей абсурдности секретность и многие другие беды. Своей НАСА, несмотря на неоднократные призывы многих светлых умов, мы так и не создали и по сей день. А зря...

Надо сказать, что ко времени организации в США НАСА появились новые обстоятельства, подогревающие нетерпение Белого дома: крах "Авангарда" вызвал к экстренным мерам.

С "Авангардом" — первым американским искусственным спутником Земли — получилось действительно некрасиво. Назначенный на 2 декабря старт (не без умысла: в декабре собиралась комиссия совета НАТО) несколько раз переносился из-за технических неполадок. Наконец 6 декабря старт состоялся. Высота подъема не превышала и метра, когда ракета завалилась и взорвалась. Репортажи и снимки двухсот корреспондентов, приглашенных на

космодром, мгновенно разнесли эту новость по всему миру. Карикатуристы изощрялись в изображении "Капутника", "Пфутника", "Флопника" — каких только прозвищ не придумывали несчастному "Авангарду"! Военно-морской флот — это его рук дело — был опозорен. Намеки на диверсию "агентов Москвы" выглядели жалко и глупо. А тут еще надо ехать в Париж на сессию НАТО — ну просто все складывалось из рук вон плохо для Белого дома. Линдон Джонсон назвал этот старт "дешевой авантюрой", которая закончилась "одной из наиболее разрекламированных и унижительных неудач в истории Соединенных Штатов". Если говорить объективно, престиж этой страны за все два века ее существования никогда не опускался так низко, как в эти четыре месяца: октябрь 1957 года — январь 1958 года.

Лишь 31 января 1958 года был наконец запущен первый американский искусственный спутник Земли "Эксплорер-1" весом около 14 килограммов. Если учесть, что вышедший на орбиту за три месяца до этого космический дом Лайки весил 508 килограммов, результат был более чем скромный. Но все-таки это был результат! Соединенные Штаты стали космической державой.

Но, как вы помните, спутник был, как говорят математики, необходим, но недостаточен. Ведь требовалось не догнать, а обогнать. Обогнать, не догоняя, — задача сложнейшая, поскольку она не подчинялась даже правилам арифметики. И тем не менее, поставив ее, Эйзенхауэр в марте 1958 года настойчиво требует ускорить работы над "лунной" ракетой.

Послать ракету на Луну пионер американской ракетной техники Роберт Годдard обещал 4 июля 1924 года. Эта новость широко обсуждалась и в советских газетах. Накануне этого дня — 3 июля — одесские энтузиасты-авиаторы обсуждали первый проект планера К-5, выполненный учеником Стройпрофшколы № 1 Сергеем Королевым — человеком, которому было суждено отправить на Луну первую ракету.

Но на мысе Канаверал об этом не знали, а попасть на Луну им очень хотелось: все-таки это было что-то новое, что-то "первое". ВВС осенью 1958 года предприняли три попытки и осрамились вслед за моряками: все они окончились неудачами. В общем, с тем чтобы обогнать, опять ничего не вышло: вскоре советская "Луна-2" доставила на Луну вымпелы с гербом СССР.

Все это я пишу не для утверждения советского первенства, оно общеизвестно и не оспаривается, а для того, чтобы ясно было: и после запуска первого американского спутника потребность в некой космической "суперакции" не уменьшилась, а даже возросла. И вот такое, как гово-

рили гоголевские помещики, "расстроенное хозяйство" принимало теперь НАСА в наследство от военных ведомств.

Созданное пока только на бумаге, новое учреждение, несмотря на финансовую поддержку правительства, испытывало вначале серьезные организационные трудности. Ведь все, более или менее сведущие в ракетной технике люди, естественно, работали в военных ведомствах, и ведомства эти не торопились расстаться с космической тематикой, понимая, что внимание к ней возрастает с каждым днем. Очень трудно было очертить границу между гражданским НАСА и военными ведомствами, т.к. одна и та же ракета, в зависимости от того, что у нее в "голове", могла быть и научно-исследовательской и военной. Передача НАСА космических программ была поэтому операцией сложной, болезненной и чрезвычайно запутанной хотя бы потому, что не имелось прецедентов такого рода: гражданские программы превращались в военные, но наоборот — это большая редкость.

Однако, поскольку у НАСА были деньги, оно могло купить персонал. Восемь тысяч сотрудников перешли из Консультативного комитета по астронавтике, около двух с половиной тысяч — из Лаборатории реактивного движения Калифорнийского технологического института. Флот отдал в конце концов свою скомпрометированную группу из 200 специалистов, которая занималась злосчастным "Авангардом". Но самое важное пополнение произошло уже в 1960 году, когда НАСА получило так называемый отдел проектирования Управления баллистических ракет армии, а проще — хозяйство Вернера фон Брауна.

Браун осел в Алабаме — штате провинциальном, бедном, аграрном, в маленьком городишке Хантсвилле у подножия Камберлендских гор. Не случись этого, Хантсвилл и по сей день прозябал бы неведомый миру. Появление немцев все преобразило. Город рос как на дрожжах: отели, мотели, аэродром, федеральная дорога № 231, закружилась, завертелась жизнь. А кружилась и вертелась она вокруг трех огромных зданий отдела проектирования баллистических ракет, в одном из которых за дверью № 4488 и сидел "прометей Америки" (так называли его в газетах, и это льстило ему) Вернер фон Браун. На юге городка гремели стартовые площадки и "горячие" испытательные стенды. На севере — белели окруженные розариями роскошные виллы технической элиты. Перейдя в НАСА вместе с 4200 своими сотрудниками, бывший барон "Броун" — теперь его имя звучало так — передал новым хозяевам (к большому неудовольствию военных) и Редстоун — арсенал, в котором создавались наиболее удачные ракетные конструкции последних лет его американ-

ской жизни: "Юпитер", "Першинг", "Юпитер-С", "Юпитер-II", "Меркурий", "Сатурн-1Б" и наконец "Сатурн-5". Кстати, с самых первых дней после реорганизации все работы по "лунной" ракете "Сатурн" были выделены в специальный Отдел систем "Сатурн" — главный из трех существовавших тогда отделов Центра.

НАСА понимает, что следующим логическим шагом космонавтики будет полет человека по орбите спутника. Ведутся работы по двум пилотируемым программам: "Меркурий" — одноместная легкая капсула и "Джемини" — двухместный корабль более сложной конструкции. Впрочем, планы НАСА есть лишь отражение правительственной политики. НАСА финансировалась правительством, а "кто платит деньги, тот заказывает музыку". Кстати, то же было у нас и с С.П.Королевым, с той лишь разницей, что Королев был куда инициативнее чиновников со Старой площади и вялых "теоретиков" из ВПК. Значение полета первого человека в космос в Белом доме понимали очень хорошо. "С точки зрения пропаганды первый человек в космосе стоит, возможно, более 100 дивизий или дюжины готовых взлететь по первому приказу межконтинентальных баллистических ракет", — писала "Нью-Йорк геральд трибюн". — Поэтому разработке программы "Меркурий" уделяется большое внимание".

Едва отделившись от военных, НАСА уже нуждается в их помощи: нужно отобрать кандидатов в астронавты. Требования более чем жесткие: кандидатом может быть только квалифицированный летчик-испытатель не старше 40 лет с налетом не менее 1500 часов, обладающий абсолютным здоровьем, ростом не более 188 см и дипломом бакалавра. Вначале было отобрано 508 человек. Анализы, проверки, психологические и технические тесты, наконец просто непомерная тяжесть всевозможных испытаний сжимали эту группу, словно шагреновую кожу. К апрелю 1959 года был, наконец сформирован первый отряд астронавтов из семи человек: Алан Шепард, Вирджил Гриссом, Джон Гленн, Скотт Карпентер, Уолтер Шира, Гордон Купер, Дональд Слейтон. Только одному из них суждено было ступить на Луну, но мечтали об этом все уже тогда.

Интересно отметить такую деталь, безусловно характеризующую нетерпение НАСА. Набор астронавтов начался до того, как был создан космический корабль и отработан его носитель. В Советском Союзе директива Главного штаба ВВС о формировании отряда космонавтов была разослана в январе 1960 года, и лишь 14 марта 1960 года, т.е. примерно через год после отбора американцев, первая группа советских кандидатов в космонавты начала занятия. К этому времени существовал ракетно-

ситель, а с апреля космонавты уже тренировались в реальном корабле "Восток".

Однако даже в дни самой жестокой спешки с "Меркурием" лунная программа не забывалась. В маленьком городке Пасадена на окраине Лос-Анджелеса полным ходом шли работы над автоматическими разведчиками Луны — "Рейнджерами" и "Сервейерами". В Хантсвилле форсировали "Сатурн". Вернер фон Браун свидетельствует: "В сентябре 1959 года (наши вымпелы уже на Луне. — Я.Г.) Министерство обороны и НАСА провели сравнительное изучение мощных ускорителей, в результате чего система "Сатурн" была признана наиболее перспективным средством, способным обеспечить для США возможность посылки в космос тяжелых кораблей в возможно более короткий срок. В октябре 1959 года президент США объявил о своем намерении передать выполнение работ по программе "Сатурн" органам НАСА. Проект "Сатурн С-1" был одобрен 18 января 1960 года, и за ним был признан "высший приоритет" в стране".

Итак, "Сатурн" получил, как у нас говорят, "зеленую улицу". Эта улица превратилась в автостраду 12 апреля 1961 года.

Полет Юрия Гагарина все расставил по местам. Над землей летали уже целые эскадрильи "Эксплореров", "Пионеров", "Дискавери", "Мидасов", "Транзитов", "Курьеров", "Самосов", "Эхо". При всем разнообразии и объективной ценности их научных программ с политической и идеологической точки зрения все они, вместе взятые, не шли ни в какое сравнение со 108 минутами полета Гагарина. Открывалась новая, заатмосферная страница истории человечества.

И опять, как и со спутником, поначалу наделали конфузливых глупостей, опять говорили о "фокусах" и "магнитофоне на орбите" — никто этого даже слушать не хотел. Рассказывать о реакции правительственных и военных кругов на полет Гагарина — значит повторять все сказанное о первом спутнике, только более громким и взволнованным голосом. "Давление быстро нарастает, представители государственного департамента опасаются международных последствий полета Гагарина, — писала "Уолл-стрит джорнэл". — Гневные голоса раздаются в конгрессе... Позиция президента может подвергнуться изменению в ближайшее же время".

Здесь надо оговориться: имелся в виду уже другой президент. В своих мемуарах Эйзенхауэр пишет с трого-

* Это означает преимущества в материальном обеспечении и ассигнованиях по сравнению со всеми другими работами (Прим. автора).

тельным недоумением, поверить в которое, однако, трудно: "Я не знал тогда, что спутник придает окраску событиям следующих лет, включая выборы 1960 года". Не думаю, чтобы такой опытный политик, как Эйзенхауэр, не понимал, что яростная волна критики, которая обрушилась на него в "послеспутниковое время", не повлияла на ход предвыборной кампании.

Сменивший его Джон Кеннеди сразу почувствовал слабое звено в цепи Эйзенхауэр—Никсон, он понимал, что отставание США в космосе — сильный козырь в борьбе с республиканцами и открыто связывал космонавтику со своим будущим курсом. В одной из своих предвыборных речей Кеннеди говорит о народах мира, которые "были свидетелями того, что Советский Союз первым проник в космос. Его спутники первыми облетели вокруг Луны и вокруг Солнца. Они сделали вывод, что Советский Союз идет в гору, а мы топчемся на месте. Я считаю, что нам пора изменять это мнение". Бывший советник Кеннеди Теодор Соренсен пишет: "Президент был более своих советников убежден, что второстепенные, второразрядные усилия в космосе не отвечают безопасности его страны, не соответствуют ее роли в качестве мирового лидера..."

Космос стоял в первых строчках программы молодого президента. В отличие от Эйзенхауэра октября 1957 года Кеннеди апреля 1961-го не растерялся. Уже 22 апреля — через десять дней после старта Гагарина — он подтверждает в беседе с журналистами, что поручил вице-президенту изучить, как и когда США могут обогнать Советский Союз. Через три дня он вновь обещает "форсировать наши усилия". Он очень остро чувствовал необходимость именно сейчас, сию минуту отыскать ту самую, объединяющую всю нацию "общаамериканскую цель", о которой говорил в 1958 году сенатор Ноулэнд и о которой писал Липпман. Сверхрывок, сверхскачок, сверхзадача — называйте это как хотите, но непременно "сверх". Долгие часы проводит он с экспертами НАСА, пытаясь уяснить для себя суть пяти четко обозначенных им вопросов:

- 1) Как (совершенно объективно!) обстоят дела с американской космонавтикой?
- 2) Каковы возможности американских ракет?
- 3) Можно ли назвать прилагаемые усилия максимальными?
- 4) Что надо сделать, чтобы полететь на Луну?
- 5) Существует ли и может ли существовать некая другая программа, в которой США могут надеяться взять первенство?

Увы, ничего, кроме Луны, не просматривалось. В те дни, когда вся Америка радовалась счастливому возвращению Алана Шепарда, совершившего 5 мая 1961 года

15-минутный суборбитальный полет в капсуле "Меркурий", глава НАСА Джеймс Уэбб вместе с министром обороны Макнамарой заканчивали разработку последнего варианта плана высадки человека на Луну. 8 мая они передали все бумаги вице-президенту Джонсону, а тот положил их перед Кеннеди. Да, это было как раз то, что хотел президент. Кеннеди еще раз убедился, как правильно он сделал, заменив в НАСА Кейта Гленнана Джеймсом Уэббом...

Выступая 25 мая 1961 года со "Вторым посланием о положении страны", президент сказал:

— Если мы хотим выиграть битву, развернувшуюся во всем мире между двумя системами, если мы хотим выиграть битву за умы людей, то последние достижения в овладении космосом должны объяснить всем нам влияние, оказываемое этими событиями повсюду на людей, которые пытаются решить, по какому пути им следует идти... Мы стали свидетелями того, что начало достижениям в космосе было положено Советским Союзом благодаря имеющимся у него мощным ракетным двигателям. Это обеспечило Советскому Союзу ведущую роль на многие месяцы. Мы имеем основание полагать, что Советский Союз использует свои преимущества для еще более впечатляющих достижений. Тем не менее мы обязаны направить свои усилия в этом же направлении. Сейчас мы не можем дать гарантию, что будем когда-нибудь первыми в этой области, но можем гарантировать, что не пожалеем труда для достижения этой цели...

И самое главное — президент определил срок решения поставленной задачи:

— Я верю, — сказал он, — что страна согласится с необходимостью высадить человека на Луне и обеспечить его благополучное возвращение на землю до конца настоящего десятилетия.

Какая "необходимость"? Откуда она? И почему именно таков назначенный срок? Насколько и чем обоснован он? "Установленный срок осуществления лунной посадки до конца 1969 года был полностью произвольным, — утверждал "Уолл-стрит джорнэл", — продиктованным не какой-то научной необходимостью, а в основном наивно детским желанием побить русских в гонке к Луне и в то же время занять мысли простого американца чем-то грандиозным". Забегая вперед, хочу заметить, что и в последующие годы Кеннеди всегда старался подчеркнуть прежде всего именно "престижность" новой программы. Комментируя его выступление в Хьюстоне в сентябре 1962 года, "Нью-Йорк таймс" писала о том, что "президент Кеннеди проникновенно говорил о планируемых сейчас громадных и дорогостоящих усилиях, направленных на то, чтобы американец достиг Луны в этом десятилетии. Аргу-

ментация, по существу, сводится к тому, что те темпы и расходы, которые были установлены правительством Кеннеди, необходимы потому, что мы не можем позволить себе разрешить Советскому Союзу занимать ведущее положение в космосе. Короче говоря, мы должны соревноваться, и соревноваться успешно. Соединенные Штаты взяли на себя обязательства и не могут отступить”.

Заметьте: “не можем себе позволить”, “должны соревноваться”, “не можем отступить”. В темпераментных речах президента чувствуется одновременно и осознанная решительность, и какая-то несвобода выбора, вынужденность. Вроде бы высадка на Луну не желание, а обязанность, необходимость, исполнение некоего, независящего от воли, “высшего предначертания”.

Сразу после выступления Кеннеди опрос Института общественного мнения Галлапа установил, что лишь 33% американцев разделяют мнение своего президента о необходимости полета на Луну, тем более сам президент в своей речи сказал, что “ни один другой проект не будет так дорого и так трудно осуществить”. Ведь речь шла не более не менее как о 20—30 миллиардах долларов! Ни одно человеческое предприятие никогда не стоило таких воистину фантастических денег! Для сравнения можно привести такие цифры:

Программа “Меркурий” — 0,392 млрд. долл.

Программа “Джемини” — 1,3 млрд. долл.

“Манхэттенский проект” (создание атомной бомбы) — 2 млрд. долл.

И “Аполлон”, который стоил в конце концов около 25 миллиардов долларов.

Деньги эти для НАСА должно было выделить правительство. Деньги правительству должны были дать налогоплательщики. А они хорошо понимали, что лунные камни, даже если их и привезут, ничего, в сущности, в их жизни не изменят. И им не хотелось платить такие сумасшедшие деньги лишь за честь обогнать русских. У них было полно “земных” проблем.

Уловив это настроение, “Нью-Йорк таймс” писала: “Мы не можем забывать, что эти огромные средства, ассигнуемые на исследование космоса, можно было бы использовать для осуществления других важных целей. США все еще испытывают громадную нужду в большом числе школ, больниц, жилых домов; но нынешняя расстановка сил в конгрессе делает весьма маловероятным, чтобы сбереженные от космической программы средства были выделены на удовлетворение этих больших потребностей страны”.

Один из крупных промышленников, делающих бизнес на космических программах, высмеивая своих “бескрылых” соотечественников, писал, что средний американец думает примерно так:

— Если мы можем обеспечить человеку чистый воздух на Луне, то почему мы не можем этого сделать на улицах наших главных городов? Если человек, летящий в космос может облететь земной шар за полтора часа, то почему мы не можем сделать так, чтобы человек из дома добирался до работы или до аэропорта не за часы, а за минуты?

Ирония иронией, но средний американец действительно так думал, и понять его можно.

Нашлись люди, которые подсчитали, что стоимость только лунной кабины, которая доставит на Луну и возвратит обратно двух астронавтов, в 15 раз больше, чем если бы эта кабина была сделана из чистого золота.

Бюджет новой программы был ахиллесовой пятой Кеннеди в боях с его политическими противниками внутри страны. Победенный Эйзенхауэр назвал новую программу "сумасшедшей попыткой добыть горсточку лунной пыли". Он прекрасно понимал, что миллиарды НАСА дают ему прекрасный повод свести счеты с недавним конкурентом, выслевшим его из Белого дома.

И как бы резюмируя голоса недовольства, можно процитировать слова обозревателя Уолтера Липпмана, который всегда отличался необыкновенным чутьем на общественное мнение и огромная популярность которого во всем мире обязана именно этому чутью. Уже в разгар "лунной гонки", оглядываясь на решение Кеннеди в мае 1961 года, он писал: "Были допущены две большие ошибки. Одна заключается в решении послать на Луну человека. Не аппарат, а живого человека. Вторая — в назначении крайнего срока — 1970 год, когда человек должен совершить посадку на Луну. Эти две ошибки превратили захватывающий научный эксперимент в вульгарный патологический трюк... Это показуха, а не наука, и она компрометирует всю Землю".

Я считаю, что можно говорить о несвоевременности проекта "Аполлон", о его "досрочном" рождении. Надеюсь, вам ясно, что я имею в виду? К примеру, такой самолет, как Ту-144, теоретически можно было построить в 1965 году, а может быть, и раньше. К этому времени уже была хорошо изучена аэродинамика сверхзвуковых скоростей, теория теплопередачи, уже существовала необходимая такому самолету электроника и автоматика. Но не случайно оба первых сверхзвуковых пассажирских самолета, которые создавались независимо специалистами Советского Союза, Англии и Франции, — Ту-144 и "Конкорд" — появились почти в одно и то же время — в первой трети 70-х годов. Создание подобных машин до срока нарушало бы весь процесс эволюции авиации. Их появление было бы не естественным актом рождения, а надрывом искусственно вызванных преждевременных родов,

требующих огромного труда, мастерства и смелости акушеров — читай: средств. Но оказалось, что и этот срок не совсем точен: Ту-144 после нескольких робких попыток эксплуатации показал свою полную несостоятельность, а "Конкорд" занял в мировой авиации несравненно более скромное место в сравнении с тем, которое предрекали этой машине ее создатели.

Нечто подобное произошло с "Аполлоном". Он подчинялся не логике научно-технического прогресса, а капризу политической конъюнктуры. К моменту утверждения этой программы у США не было ни одного космического носителя, ни одного отработанного корабля, ни один американец не был в космосе*, следовательно, астронавты не имели никакого опыта, а уровень медико-биологических разработок был крайне низок. Наконец, к этому времени имелись весьма смутные представления о природе Луны, что превращало конструирование посадочного лунного модуля в работу весьма умозрительную. Даже к 1966 году, когда советская автоматическая станция "Луна-9" совершила первую мягкую посадку на Луне, даже тогда существовали споры по поводу структуры ее поверхности. Известен случай, когда на одном из многочисленных ученых советов в Москве астрономы вновь затеяли бесплодный спор о том, какая она, Луна, твердая или покрытая зыбучей пылью. Сторонники и той и другой гипотезы приводили убедительные доводы. Сергей Павлович Королев долго их слушал, понял, что дальнейшее обсуждение ни к чему не приведет, и сказал:

— Ну хорошо, будем считать, что Луна твердая...

— Но кто может в этом поручиться? — воскликнул один из астрономов.

— Я, — сказал Сергей Павлович Королев. Он взял ручку и написал на клочке бумаги: "Луна твердая. С.Королев".

Речь тогда шла лишь о судьбе, пусть очень дорогого, но автомата. Королев рисковал, но он понимал, что спор о пыли будет нескончаемым, пока какой-нибудь аппарат не совершит мягкую посадку, и он решил взять на себя ответственность, пошел на этот риск совершенно сознательно.

Таким образом, лишь один, в общем, частный вопрос — вопрос о структуре лунного грунта — начал проясняться более или менее лишь после посадки нашей "Луны-9" (февраль 1966 г.) и американского "Сервейера-3" (апрель 1967 г.), когда работы по программе "Аполлон" шли полным ходом.

Мы говорим о технической несвоевременности. Но

* Первый орбитальный полет Джон Гленн совершил лишь 20 февраля 1962 г.

ведь реально существовала, если можно так сказать, несовременность социальная, в чем пытались убедить президента его оппоненты. Можно обвинять их в отсутствии национальной гордости и романтизма (что и делалось), но в конце концов урезывание бюджета и сокращение самой программы "Аполлон" в последующие годы (об этом разговор впереди) доказало справедливость многих высказанных ими аргументов.

Итак, перед Соединенными Штатами была поставлена общенациональная задача огромной сложности. Ее можно было решить лишь путем невероятного напряжения производительных сил всей страны, лишь благодаря астрономическим расходам, калечащим ее бюджет, лишь благодаря отказу от решения острых и безотлагательных внутренних проблем, лишь благодаря самоотверженному труду сотен тысяч людей, отдавших "Аполлону" многие годы жизни.

У вас резонно может возникнуть вопрос: ну как же так? Столько противников у "лунного" проекта, столько веских аргументов ставят его под сомнение, а проект победил? Ужели только упрямство президента тому причиной? Нет, наивно было бы приписывать лишь энергии и красноречию Кеннеди победу "Аполлона". Если многие доводы объективные были против "Аполлона", то многие доводы субъективные — за, и президент, будучи политиком весьма опытным, никогда и не заговорил бы о Луне, если бы не был уверен в исходе спора, если бы не представлял себе ясно все движения скрытых и открытых шестеренок большого бизнеса США. Люди большого бизнеса редко выступали публично. За них это делали их люди в конгрессе, сенате, палате представителей — профессиональные политики, представляющие их интересы. Именно поэтому "лунная программа" была одобрена правительством. Они хорошо понимали, что такое 25 миллиардов за "горсть лунной пыли" здесь, на Земле, как стимулирует эта программа не только ракетостроение, но и соседствующие, тесно с ним связанные современные отрасли: авиационную промышленность, электронику и вычислительную технику, специальную металлургию и химию, автоматику, телемеханику, радиотехнику, приборостроение, да, наконец, просто элементарную строительную индустрию. И надежды их полностью оправдались.

Лишь самые близорукие из числа военных критиковали Кеннеди за его "мирные космические устремления" в ущерб интересам национальной безопасности. Люди более дальновидные понимали, что "лунная программа" не может быть изолирована и от чисто военных задач, что на пути ее реализации, походя, "между прочим" и — что особенно ценно — за ее деньги, могут быть решены многие важнейшие военные задачи. "Проекты посылки чело-

века в космос, на Луну или на Марс, может быть, и не подходят под определение чисто военных предприятий, но осуществление таких проектов с точки зрения их военных последствий может оказаться несравненно более важным, чем вся работа генеральных штабов", — указывал "Форчун".

Военные грани программы не отвечивали, но существовали, и это обстоятельство также повлияло на решение правительства. "Нью-Йорк таймс" точно улавливает разницу между произносимым с трибуны и в кулуарах: "Есть какая-то ирония в ведении споров о военном значении полета человека на Луну. В то время как правительство стремится публично преуменьшить это значение, влиятельные члены конгресса частным образом заявляют, что если бы не военный потенциал программы, то правительство имело бы незначительные шансы добиться одобрения огромного бюджета НАСА".

Позднее, в сентябре 1962 года, стало известно о секретном докладе Пентагона, составленном еще в 1959 году. Этот объемистый двухтомник под названием "Проект Горизонт" является в какой-то мере предком "Аполлона". Различия технические не мешают им быть идеологическими близнецами. "По политическим и психологическим причинам оказаться не первыми на Луне было бы катастрофой", — говорится в проекте. Отказ от высадки на Луну авторы "Горизонта" расценивают как "отказ от возможности нанести поражение СССР в гонке, которая уже открыто признается таковой во всем мире".

Таким образом, справедливости ради следует отвести от президента необоснованные упреки в забвении интересов армии: у гражданского "Аполлона" можно найти немало военных "родственников".

Наконец, новая программа помимо промышленников и военных устраивала политиков демократической партии, которую представлял президент. Став у руля государства, демократы сразу, с места в карьер, продемонстрировали активное начало, боевитость, стремительную решимость в преодолении проблем, оставленных ей в наследство анемичными и вялыми республиканцами.

Итак, как видите, очень многие надеялись полакомиться плодами с золотого дерева "Аполлона" и прикладывали максимальные усилия, чтобы заставить его плодоносить возможно раньше.

(Продолжение следует)

Лариса Васильева

КРЕМЛЕВСКИЕ ИЗБРАННИЦЫ

Кончается двадцатый век.

Открываются железные занавесы, глухие двери, плотные шлюзы. Тайное становится явным. Усталое человечество захлебывается в потоке информации о прошлом, жадно впитывая этот поток, ища в нем объяснений, обвинений и оправданий неудачам сегодняшнего дня.

Где ошибки?

Кто-то видит их в неправомерности социалистического пути.

Кто-то ничего социалистического в этом пути не видит.

Кто-то ищет ошибку в тайне приезда Ленина через Германию на землю революционного Петрограда.

Кто-то в большом терроре Сталина.

Кто-то в волюнтаризме Хрущева.

Кто-то в неподвижности Брежнева.

Кто-то в легкомыслии и непоследовательности Горбачева...

*Но кто мы и откуда,
Когда от всех тех лет
Остались пересуды,
А нас на свете нет.*

В этих строках Бориса Пастернака увидела я однажды некий второй план: пересуды...

Почему-то люди всегда пишут о важном, но не слишком интересном, о второстепенном же, но жгуче интересном умалчивают. Из всей огромной безумной истории России двадцатого столетия выпали в некий осадок и лежат на дне событий женщины Кремля — жены.

Кто они?

Какова их роль в общеисторическом процессе?

Как отыгралась на них эта роль?

Была ли на самом деле такая роль?

Или все обошлось спецкухней?

Не оставались ли они лишь бледными тенями пугающе великих мужей?

А если в жизни, на самом-то деле, все выглядело иначе, и за каждым ЕГО поступком всегда стояла ОНА?

Так родилась идея книги "КРЕМЛЕВСКИЕ ИЗБРАННИЦЫ". Она сразу же в моем сознании закачалась на спинах двух китов жизни: детектива и политики, вот почему для меня вполне закономерно появление глав на этих страницах. Впрочем, судите сами.

Автор.

В кресле инквизитора

Все дальше уходя в глубь своей книги, я понимала — настанет час и не обойтись без похода в этот устрашавший всех дом на Лубянской площади. В КГБ. Понимала также — никто в этом доме меня не ждет, никто не готов раскрывать передо мною свои замки и затворы. Отлично зная необходимость в нашем обществе всякого рода сопроводительных бумаг, я заручилась письмом от Союза писателей: "Просим дать возможность Ларисе Васильевой, работающей над книгой о женщинах, познакомиться со следственными Делами 30—40-х годов: Буденной, Егоровой, Калининой, Жемчужиной...

Лето девяносто первого и моя работа шли к концу. Суровая инстанция молчала, и я уже готовила себя: не будет у меня этой главы.

После событий 19 августа, после того как была сброшена статуя Дзержинского на Лубянской площади, однажды утром мне по телефону раздался голос из отдела общественных связей КГБ:

— Ваш вопрос решился положительно. Можете подъехать сейчас?

Он еще спрашивает!..

Лишь у самой двери подъезда № 1а, дернув дверь, я вдруг опомнилась. Она не открывалась. Я еще раз дернула. Мимо шли люди, и я спиной ощущала, как смотрят они на меня, рвущуюся в двери КГБ. Что думают? Чувство возникло такое, будто я вхожу в венерический диспансер.

Вошла. Назвала юным солдатам свое имя.

— Подождите, — сказал один из них. — Сейчас за вами придут.

Я села на стул у самой двери.

В эту минуту с улицы вошел пожилой человек с лицом отставного военного. Он посмотрел на меня, усмехнулся и спросил:

— Вам, что ли, пропуск надо предъявлять?

— Мне, — лихо сказала я.

— Да, времена пошли, — опять усмехнулся он и вынул пропуск. Солдаты молча улынулись, раскованные, понимающие пришествие нового времени.

— Да, времена... — эхом откликнулась я, посмотрев пропуск и возвращая ему, — если бы здесь всегда сидели такие, как я, может быть, сегодня у этого дома была другая судьба.

Развязное поведение не слишком понравилось ветерану КГБ, и он, нахмурившись, пошел по лестнице, откуда навстречу мне быстро спускался мой любезный провожатый.

Мы с ним вошли в просторную комнату, где сидела молодая секретарша с рязано-воронежским лицом, готовым менять выражение в зависимости от ранга и значения входящего. Я, разумеется, никакого значения не имела, но с моим спутником у нее, видно, все уже было договорено. Он открыл передо мною тяжелую дверь за спиной секретарши. Маленький тамбур и еще дверь.

Мы оказались в большом кабинете с длинным т-образным столом, массивным начальственным креслом, портретом Ленина над ним, бюстом Дзержинского у стены, с камином в углу, с тремя окнами, глядящими на Лубянскую площадь.

— Здесь вам будет удобно? — он обвел рукой пространство.

— Чей кабинет? — спросила я.

— Последним сидел здесь Юрий Владимирович Андропов. А до него — и Ягода, и Ежов, и Берия.

Он провел меня в конец кабинета, за которым был небольшой зал с камином, показавшийся мне знакомым, будто я уже бывала в нем.

— Да, — подтвердил мой спутник, — это первый кабинет Дзержинского. Он воспроизводится во всех революционных фильмах.

За кабинетом Дзержинского, за небольшим тамбуром, ведущим в туалет и душевую, оказалась еще одна комната с кроватью, маленьким холодильником, платяным шкафом — место отдыха главы сего учреждения.

Мы вернулись в большой кабинет.

— Пожалуйста, располагайтесь и работайте. Можете в этом кресле.

— Нет! — испуганно сказала я и тут же подумала: "Почему? Мне представляется уникальнейшая возможность оказаться в кресле, десятилетиями наводившем ужас на всю страну. Неужели я, как пугливая курица, не испытаю своего воображения?!"

Осталась один на один с двумя тонкими папками на глянцевой поверхности вельможного письменного стола.

Кабинет дьявола? Кресло инквизитора?

Как все здесь обыкновенно. Официозно. Нисколько не страшно. Наверное, так нестрашен обезоруженный преступник или мертвый лев.

Справа три окна с видом на Лубянскую площадь, где еще недавно темной свечой стоял железный Феликс, первый сиделец этого кресла.

Слева, под моей рукой, — огромный телефонный пульт с ярким гербом Союза Советских Социалистических Республик. Сняла трубку. Она молчала, оторванная от всего мира.

Да, кабинет мертв, и то, что я сижу в нем, — лишнее тому доказательство.

На мгновение показалось: слышу лязг железных дверей, звяк тюремных ключей, крики, плач, надвинулись лица ожесточенные, измученные, палачи или жертвы — не ясно, наверное, и то и другое в каждом лице — а и не все ли мы жертвы и палачи друг другу на этой земле?!

Одинокая, обнаженная фигура под ярким светом лампы, облитая ледяной водой...

Начиталась.

А все тут было проще и страшнее.

Две тонкие папки — Дело Галины Егоровой, жены маршала Егорова. Она была в одной компании со второй женой Буденного. Ее Дела я могла бы и не просить. Она — не моя героиня. Но раз дали — посмотрю.

Как просто — две тонкие папки. А в них — судьбы. Сколько судеб спрессовано в таких папках?

Галина Егорова.

Как сильно бьется сердце. И такое чувство, словно история повернула свое колесо, а я, подобно белке-затворнице, побежала по нему с невероятной быстротой, стоя на месте.

Дело Егоровой Г.А.

1898 года рождения, уроженки Брянской области, киноактрисы, окончившей 1-й Московский государственный университет, факультет общественных наук (ФОН), отделение международных, внешних сношений, беспартийной, русской.

"Изобличается в том, что является агентом польской разведки, которой передавала сведения об РККА и знала о существовании антисоветского военного фашистского заговора и руководящей роли в нем своего мужа и об этом органам власти не донесла".

Ордер на арест и обыск.

Собственноручные показания Г.А.Егоровой от 27.I.1938 года. Написаны наклонным, каким-то полудетским, испуганным почерком:

... "В 1916—1917 годах училась в Петроградской консерватории и там встретила Февральскую революцию. С неясным представлением всего окружающего, с сумбуrom в голове приехала в Брянск. После Октябрьской революции стала работать в военкомате, в совнархозе, где встретила с Егоровым, вышла за него замуж и уехала в августе 1919 года в Москву... В 1927 году познакомилась с кинематографистами, участвовала в двух картинах... Мое

падение началось в 1931 году, когда я впервые начала выезжать в дипломатический свет. Блестящая обстановка, туалеты, утонченное обращение, иностранная речь, атмосфера неувливаемого флирта, веселье, танцы, всеобщее восхищение быстро закружили мне голову. Открылась какая-то новая, неведомая до сего времени, манящая жизнь... Вся эта блестящая обстановка нравилась, импонировала тому, что было заложено еще с детства системой буржуазного воспитания...

Сначала это только сугубо официальные приемы, выезды только с мужем, потом постепенное вовлечение в круг малоофициальных приемов, каких-то лыжных выездов, маленьких завтраков, обедов, вечеров, выездов с иностранцами в театр, присылка билетов в дипломатическую ложу и т.д. Частые выезды в дипломатический мир вскоре поставили меня в центр внимания, но особый интерес проявили чины польской миссии.

— Вы полька? — спросил меня посол, спросил девичью фамилию и тут же записал ее в книжку (подчеркнуто карандашом следователя. — Л.В.).

...Дружба с послом Лукасевичем усилилась, отброшена официальность, называем себя друзьями, присылка цветов, польских конфет "Вензель" через отдел внешних сношений и непосредственно домой, после того личный звонок, напоминание приехать на вечер, посвященный польской выставке, — все это вызвало интерес к Лукасевичу, и даже больше: я была влюблена, было радостно его видеть, было приятно с ним танцевать, разговаривать, я не могла оставлять без ответов его вопросы и все больше и больше выбалтывала перед ним вещи, представлявшие государственную тайну. Лукасевича интересовали вопросы главным образом жизни, быта и работы наших государственных деятелей, высших командиров армии. Разновременно я рассказывала Лукасевичу о существовавших групповщинах в рядах армии, враждебных настроениях среди отдельных лиц, рассказывала о недовольствах, проявляемых Тухачевским, Уборевичем, Якиром по отношению к Ворошилову, об их стремлении стать на место Ворошилова, на что, как каждый из них считал, он имеет основание: больше опыта, больше знаний. Рассказывала Лукасевичу, что существует вторая группировка: Егорова—Буденного, которая стоит в оппозиции к Тухачевскому. Дала биографические справки и сведения о том, где учились, служили, воевали Буденный и Егоров. Лукасевич расспрашивал об отношениях Егорова и Буденного с Ворошиловым.

И наконец, в начале 1934 года передо мной был впрямую поставлен вопрос о сообщении Лукасевичу сведений военного порядка. Он недвусмысленно дал понять,

что наступил момент, когда дружба требует каких-то доказательств, что он был бы рад получить их в интересующей его области, как то: 1) сведения об авиации и вооружении; 2) перемещение Красной Армии во время войны.

Я понимала, что делаю большое преступление перед своей страной, но я не могла отказаться в силу моего увлечения Лукасевичем и некоторых видов на него: он был холост, вел широкую светскую жизнь, имел за границей капиталы. Я обещала сделать все...

Я как раз знала о предполагаемых назначениях во время войны, слышала в разговоре военных, руководящих командиров РККА в своей квартире, что в случае войны главнокомандующим предполагается Ворошилов, а начальником штаба или Тухачевский или Егоров... Что касается первого вопроса, то о нем еще нужно было узнать. Я предполагала это сделать через Алксниса. На следующем банкете я поделилась с Лукасевичем, что при всем желании не смогла ничего узнать об авиации, Алксниса не видела.

Лукасевич спросил меня, правда ли, что Егоров уехал на Дальний Восток.

— Да, — ответила я.

— Зачем?

— В инспекторскую поездку по укрепрайонам.

Я также сказала, что еду к нему. Лукасевич попросил меня узнать об укреплениях на Дальнем Востоке и о постройке новой железной дороги. Я обещала. В Хабаровске... я узнала о постройке железной дороги на берегу океана от бухты Тихой и о береговых укреплениях, о самолетах и подводных лодках, привозимых сюда в разобранном виде.

Все это я после возвращения в Москву передала Лукасевичу, увидевшись с ним в итальянском посольстве. Разговор происходил во время танцев на теннисной площадке. Что касается вопроса об авиации и вооружениях, то я опять сведений не могла достать.

В течение очень длительного периода я не видела Лукасевича, он был в Польше. Все последующие встречи, вплоть до его отъезда совсем из Москвы, были сугубо официальными, с подчеркнутой холодностью. Это имело свою историю. Мое, Бубновой, Буденной, Элиавы поведение с дипломатами стало бросаться в глаза и расценивалось советской общественностью как недостойное. В апреле месяце 1934 года меня специально вызвал к себе Ворошилов и предупредил об этом. Это стало широко известно в дипломатическом корпусе: "советским дамам сделали внушение". Я имела по этому поводу разговор с Лукасевичем на приеме в итальянском посольстве. Лукасевич предупредил меня, что нам нужно держаться офи-

циально, иначе могут произойти нежелательные для нас обоих последствия. И с этого времени то внимание, которое оказывалось мне Лукасевичем, переносится на Тухачевскую. Первые танцы, сидение рядом во время еды...

Вскоре Лукасевич совсем уехал из Москвы. В дальнейшем связь со мной поддерживал польский военный атташе полковник Ковальский...

Тридцать седьмой год пошел спокойно. Мне как-то не удавалось по ряду причин бывать на приемах...

В Москве 1932—1935 годов как бы сами собой организовались советские салоны, напоминающие то ли дворянское прошлое Руси, русской знати, блиставшие приемами по средам, пятницам с обязательным присутствием знаменитостей — певцов, поэтов, художников, то ли салоны декабристов. Такие салоны устраивались у Бубновой, Гринько, у нас (все фамилии, упоминаемые всеми обвиняемыми, непременно подчеркиваются красным или черным карандашом следователя. — Л.В.). Предлогом для этого являлась читка новой пьесы, или сценария, или маленький концерт какого-нибудь квартета. Внутренняя сторона грязная, нехорошая, голоса фальшивили, шли вразрез общему тону жизни в стране. Почему-то всегда получалось, что завсегдатаями этих вечеров были люди с надтреснутой душой, с личными обидами на свое положение, обойденные вниманием, я бы сказала, озлобленные существующими порядками в стране. Так получалось — женщины готовили кухню, судили, обсуждали назначения, перемещения, потихоньку поругивали руководство, отражая мысли и чаяния своих мужей... Бубнова говорила, что Андрея Сергеевича Бубнова затирают, а ведь он был в пятерке с Лениным.

Тухачевский — аристократ голубой крови, всегда весел, всегда в кругу дам, он объединял военную группу, шел, не сгибаясь, прямо к цели, не скрывая своей неприязни к руководству правительства... Вся эта публика непризнанных талантов тянулась кверху, не разбирая путей и средств, все было пущено в ход: и лесть, и двуличие, и ничем не прикрытое подхалимство, но их честолюбивые замашки кем-то были распознаны, их не пускали, сдерживали, отбрасывали назад, они негодовали, и вот эта-то озлобленность просачивалась здесь в салонах, в кругу своих. Все это было видно невооруженным глазом. Это преклонение перед всем заграничным, неверие в возможность сделать лучше у себя в стране искали виновников и находили в руководстве..."

Тут я прервалась и перевела дух. Что сказать об этих показаниях? Что бы ни сказала я, всегда найдется оппо-

нент, готовый опровергнуть меня, да к тому же — я еще не дочитала Дело до конца...

* * *

"Несколько другая публика была у Буденного, — продолжает свои собственноручные показания Галина Антонова, — здесь собирались соратники по Конной Армии, ветераны походов времен гражданской войны.

Семен Михайлович, как в зеркале, отражал в себе все достоинства и недостатки каждого из них и оберегал каждого человека от любого рода посягательств. Я знаю Семена Михайловича с 1920 года как человека приятного, веселого, себе на уме, честлюбивого, тщеславного, человека позы и некоторой доли актерства. По мере роста, политического и культурного, Буденного уже не могла удовлетворять жизнь с простой малограмотной казачкой.

Встреча Ольги Стефановны с Семеном Михайловичем произошла на моих глазах в Кисловодске, где я отдыхала с Егоровым в санатории. Однажды я, Егоров и Буденный поехали кататься к Лермонтовской скале. По приезде туда через некоторый период времени неожиданно приехали две пары. Это были Кулик и Георгадзе с двумя женщинами. Одна из них была Ольга Стефановна. Я вскоре уехала с Егоровым к себе в санаторий, а Буденный остался с новой компанией.

Наутро разыгралась сцена ревности с Куликом, который привозил Ольгу Стефановну для себя. Так начался роман Буденного с Ольгой Стефановной.

Казачка застрелилась. Буквально на второй день после самоубийства казачки в дом Семена Михайловича пришла Ольга Стефановна. Что принесла она в жизнь Буденного? Красивая, молодая, успешная в области французского языка, солистка Большого театра. Все это радовало и восхищало Буденного.

И вдруг, по истечении 12-летней счастливой семейной жизни, арест Ольги Стефановны. Таким убитым, каким я видела Семена Михайловича у нас на даче, я никогда его не видела. У него слезы катились градом по щекам. О том, что может плакать Буденный, я никогда не могла предполагать. Арест Ольги Стефановны, с одной стороны, бил по его самолюбию, а с другой — заставил его страдать из-за потери любимой женщины, из-за потери налаженной, привычной семейной жизни. Новый год мы встречали вместе у нас на даче. После ужина Буденный подсел ко мне и спросил, знаю ли я об аресте Ольги Стефановны. Я ответила утвердительно и спросила, что же произошло. Он мне ответил, что они вместе с Бубновой

оказались шпионами. Первая — шпионка польского государства, вторая — шпионка трех государств.

Ольга Стефановна вела шпионскую жизнь в течение семи лет, жила с каким-то поляком из посольства, получила за свою работу 20 тысяч. Я впервые услышала от Буденного, что Ольга Стефановна и Бубнова рассказывали обо мне на допросе как о главаре шпионской группы, что я давала им шпионские поручения. Буденный меня предупредил, чтобы я была готова ко всяким неожиданностям".

Собственноручные показания Егоровой Г.А. от 26.IV.1938 г.

"В своих показаниях, которые я давала следствию в январе этого года, я не указала ряд обстоятельств, имеющих существенное значение в выяснении лица моего мужа, Егорова А.И., также и моего подлинного лица... Двуличие, двойственная жизнь, которую вели Егоров и лица, наиболее близкие к нему. Внешне они показывали себя как командиры Красной Армии, защитники революции, на деле же они были махровые белогвардейцы. Они шли с Красной Армией до поры до времени, но душа их была по ту сторону окопов, в стане врагов.

(Заметим, агрессивен становится стиль собственноручных показаний, торжествуют в нем клише, явно подсказанные следователями. Егорова, видимо, старается писать в тоне, нужном следствию. — Л.В.)

Собирались обычно все эти люди после работы, под утро, поужинать. За столом, когда присутствовал Сталин, провозглашались тосты за советскую власть, за победу над белыми, поздравляли друг друга с приобретенными трофеями (!!! — Л.В.) и т.д. В случае если Сталин отсутствовал, все они, в том числе и Егоров, выражали свое враждебное отношение к советской власти и лично к Сталину и выражали уверенность свою в разгроме Красной Армии... Помню, в начале 1920 года Александр Ильич Егоров вернулся домой крайне взволнованный, и, когда я спросила, что случилось, он рассказал мне, что поезд Сталина по ошибке был направлен не по тому пути и едва не произошла авария. Вслед за этим пришел Манцев и о чем-то долго взволнованно разговаривал с Егоровым. По отдельным фразам я поняла, что речь идет о едва не свершившейся катастрофе с поездом Сталина. Манцев произнес фразу: "Черт возьми, как не везет" (подчеркнуто красным следовательским карандашом. — Л.В.). Я спрашивала Александра Ильича, почему он при всей его показной близости к Сталину и пребывании в коммунистической партии ведет себя как антисоветский человек. Егоров сказал тогда, что он и его друзья остаются офицерами, значит, людьми, которые с советской властью при-

мириться не могут (подчеркнуто следователем. — Л.В.). Мысль о побеге за границу не оставляла Александра Ильича, и в 1921 году по окончании гражданской войны он писал мне, что советует изучать иностранные языки, не теряя времени, так как наступают другие времена, устанавливается связь с заграницей и не исключена наша поездка туда. Егоров поощрял мои постоянные выезды на банкеты, где присутствовали иностранные послы, он знал о моих дружеских отношениях с Лукасевичем, которому я на его вопросы рассказывала об антисоветских взглядах Егорова, что эти взгляды разделяются также Бубновым и Буденным и что — как я поняла из разговоров Буденного, Бубнова и Егорова — все они сторонники Рыкова.

Егоров через меня договаривался с Лукасевичем об устройстве ему в Варшаве встречи с польским начальником генерального штаба Стахевичем. В Варшаве Егоров встретился со Стахевичем где-то на частной квартире. Когда мы были в Риме в 1934 году, нас пригласил к себе на обед итальянский посол в СССР Аттолико. Разговор велся на английском языке, причем переводчиком являлась я. Егоров высказывал свое восхищение перед достижениями итальянского правительства, по сути это было прямой апологией фашистского режима...”

В Деле Егоровой, кроме собственноручных показаний, нет никаких “доказательств” вины.

Но вот результат следствия — **Протокол № 55 заседания Верховного суда Союза ССР от 27 августа 1938 года, г. Москва.**

СЛУШАЛИ: Дело о предании суду военной коллегии Верховного суда СССР Егоровой Галины Антоновны по статье 58-а, 58 II УК РСФСР, с применением Постановления ЦИК СССР от 1.12.1934 года. С обвинительным заключением согласиться и дело принять к производству. Дело заслушать в закрытом судебном заседании без участия обвинения и защиты (подчеркнуто мной. — Л.В.) и без вызова свидетелей в порядке Постановления ЦИК СССР от 1.12.1934 года. Мерой пресечения подсудимой оставить до суда содержание под стражей.

Протокол заседания Верховного суда в том же составе от 28 августа 1938 года продолжает события:

“Секретарь доложил, что подсудимая находится в зале суда и что свидетели в суд не вызывались. Председательствующий удостоверяется в самостоятельности подсудимой и спрашивает ее, ознакомлена ли она с обвинительным по делу заключением. Подсудимая отвечает утвердительно. Подсудимой разъяснены ее права на суде и объявлен состав суда. Подсудимая никаких ходатайств и отвода составу су-

да не заявила. По предложению председательствующего секретарем оглашено обвинительное заключение. Председательствующий разъясняет подсудимой сущность предъявленных ей обвинений и спрашивает ее, признает ли она себя виновной. Подсудимая отвечает, что ОНА СЕБЯ ВИНОВНОЙ НЕ ПРИЗНАЕТ И ЗАЯВЛЯЕТ, ЧТО ОТ СВОИХ ПОКАЗАНИЙ НА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМ СЛЕДСТВИИ ОТКАЗЫВАЕТСЯ.

На следствии ее никто к даче неправильных показаний не принуждал, ее так ошеломил внезапный арест мужа, а затем ее арест, а также предъявленные ей следователем показания ее мужа, что она совсем потеряла голову и стала на допросах наговаривать на себя.

Почему ее муж Егоров дал уличающие ее показания, объяснить не может. В своих показаниях Егоров ее оговаривает".

Судебное следствие закончено. В последнем слове подсудимая заявляет, что она хорошо понимает свое положение и потому считает, что ей остается только просить о снисхождении, так как доказать своей невиновности ей нечем. Суд удаляется на совещание. В 21 час 55 минут (спустя чуть более получаса) оглашен приговор и заседание закрыто.

Приговор: Именем Союза Советских Социалистических Республик... признавая Егорову Г.А. виновной в совершении преступлений... военная коллегия Верховного суда СССР приговорила Егорову Галину Антоновну к ВЫСШЕЙ МЕРЕ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ — РАССТРЕЛУ с конфискацией всего лично ей принадлежащего имущества.

Приговор окончательный и в силу Постановления ЦИК СССР от 1.12.1934 г. приводится в исполнение НЕМЕДЛЕННО.

Куда спешили эти могущественные, с позволения сказать, мужчины? Какую опасность для них представляла эта "шпионка", выдававшая тайны, известные всем?

Но как сильно видно время в ее показаниях!

...

А дальше — 1956 год.

Справка.

Совершенно секретно.

Егорова Галина Антоновна по нашим учетам не проходит. О ее связи с Лукасевичем и Ковалевским данными не располагаем.

Начальник отдела оперативного учета первого главного управления Комитета Госбезопасности СССР.

Что за первое управление? То, которое "заведует шпионскими связями"? Да.

Еще дальше.

Справка от 13 марта 1956 года.

Дело № 962187 в отношении Егорова А.И., бывшего зам. наркома обороны СССР, Маршала Советского Союза, прекращено за отсутствием состава преступления.

Справка от 20 апреля 1956 года.

"...военный прокурор отдела главной военной прокуратуры, подполковник юстиции Соломко, рассмотрев архивно-следственное Дело Егоровой Г.А. и материал дополнительной проверки, установил: в качестве доказательства виновности Егоровой к Делу приобщена выписка из показаний ее мужа Егорова А.И. (Этого единственного "доказательства", этой выписки в Деле не оказалось. — Л.В.), между тем дело по обвинению Егорова А.И. прекращено за отсутствием состава преступления. Других доказательств в деле нет. КГБ при Совете Министров СССР данными о принадлежности Егоровой Г.А. к агентуре иностранных разведок не располагает...".

Оговор собственной жены, конечно, не преступление. Так, пустяк.

Маршалы и генералы, храбрецы и воины уходили в тюрьму режима, который они отстояли в боях, увлекая за собою своих женщин, а те вели себя с разной степенью мужественности.

Но можно ли винить женщину в том, что она ведет себя женственно, то есть боится тюрьмы, допроса, пытки, расстрела и в страхе теряет голову?

Можно ли? А почему бы и нет, если мы, мужчины и женщины, равны. Но равны ли мы?

Ничего не утверждаю, ни в чем никого не убеждаю, просто пересказала вкратце первое Дело, прочитанное мною в кресле, из коего правил бал сам сатана.

Жемчужина в железной оправе

Полина Перл. На многих языках, включая идиш, "перл" означает "жемчужина". Красиво, правда? Излишне красиво для снисвелированного, полуголодного, полурядового советского общества. Но не для кремлевской Жены.

Полина Жемчужина приехала в Москву из Запорожья девятнадцатилетней девушкой в 1921 году участвовать в международном женском совещании. Она уже три года

как была членом партии большевиков, и ее косынка естественно слилась на съезде с косынками многих делегатов. Однако Вячеслав Молотов, представитель Кремля, ответственный за проведение этого съезда, отметил и : помнил косынку Полины.

Жемчужина в Запорожье не вернулась, переехав прямо в Кремль, где стала одной из самых заметных его хозяек. Умная и прозорливая, видящая жизнь Кремля сверху, Полина Семеновна быстро разобралась и : к чему и кто к кому.

Оказавшись в одних летах с женой Сталина, Надеждой Аллилуевой, Жемчужина естественно и просто стала главной ее кремлевской подругой. Она, некоторое время жившая в одной квартире со Сталиным, знала о Надежде Сергеевне много больше, чем кто-либо в Кремле.

Это она, Жемчужина, в последний вечер жизни Надежды Аллилуевой после публичной ссоры Надежды с Сталиным вышла с взволнованной Надеждой на улицу, они долго гуляли вместе по Кремлю. Аллилуева жаловалась. Жемчужина слушала. Успокаивала. Пыталась понять и ее, и Сталина.

После того как Надежду Аллилуеву прислуга нашел мертвой, первыми были вызваны Енукидзе и Жемчужина. Ее близость к Надежде Сергеевне была широко известна.

Многие историки, в том числе и Рой Медведев, считают, что Сталин в тридцать седьмом году на трон Жемчужину, затаив злобу против нее, и, умея ждать, дождался своего часа только в сорок девятом.

Решительно не согласна. Думаю, дело тут сложнее, глубже, деликатнее. Захоти Сталин избавиться от Жемчужиной в тридцатых, он сделал бы это без труда: НКВД работало более чем отлично, запуская взгляды во все тайники жизни и быта человека — особенно кремлевского. Жемчужина оставляла следы весьма заметные: старший брат ее являлся американским капиталистом, уехав из России в начале века. Она иногда переписывалась с ним. Чем не криминал?

Сталин сам лично подписывал все высокие назначения Полины Семеновны: она работала заместителем наркома пищевой промышленности, наркомом рыбной промышленности, начальником управления Главпарфюмера — известной в стране фирмы ТЭЖЭ. У нее частенько случались неприятности по работе — с кем не бывает. В 1939 году, по свидетельству Молотова, в ТЭЖЭ "пробрались шпионы" — немецкие (?).

Видимо, наши духи были так хороши, что немцы предпочли их знаменитым французским фирмам и пожелали выкрасть их тайну. Тогда Жемчужиной объявили вы-

говор, даже на какое-то время исключили ее из партии, но восстановили, и она продолжала работать.

Текстиль, духи, рыба...

Рыба и парфюмерия связаны между собой лишь отчасти, в том случае, когда из внутренностей кита берут амбру для нужд парфюмерии. Но для большевистского правления степень подготовленности того или иного руководителя к той или иной профессии не имела особого значения — важно быть преданным членом партии и неуклонно выполнять все партийные предписания.

"Я уехал, — вспоминает о временах своей давней ссылки Молотов, — а Сталин приехал на мое место в ссылку, и мы разминулись. Но начали переписываться. Потом он отбил у меня девушку. Вот Маруся к нему убежала...

Вообще Сталин красивый был. Женщины должны были увлекаться им. Он имел успех. Мы жили со Сталиным в одной квартире в Кремле, в здании, где сейчас Дворец съездов построен новый. Редко, но, бывало, по вечерам друг к другу заходили. Были годы, когда довольно часто это было".

Это свидетельство поэта Феликса Чуева, который долгие годы посещал В.М.Молотова и записывал все, о чем говорил бывший советский вождь с точностью до запятой.

Попробуем прочесть эти воспоминания сквозь строки. Тесная связь была между Сталиным и Молотовым. Чего только не случалось между ними.

Отбил девушку... Такое помнится всю жизнь. Признавая за Сталиным первенство во всем (и в личных отношениях), Молотов становится его тенью. Жена Молотова идет в лучшие подружки к жене Сталина.

Все современники рассказывали, что Полина очень осуждала Надю за ее страшный поступок. Не жалела, не печалилась об утере подруги, а резко возмущалась: "Она оставила ЕГО в такое трудное время. Бросила детей, прекрасно зная, что у НЕГО нет возможностей заниматься ими. Сделала сиротами и ЕГО, и детей. Это просто эгоизм!"

Полина Семеновна не лучшая подруга Аллилуевой, а союзница Сталина?

Она, возможно, любит не Надежду, а Иосифа?

Разве такое трудно предположить? Сам Молотов подтверждает, что женщины влюблялись в Сталина. В семье Молотовых наверняка известно, что Сталин уже отбил у Вячеслава Михайловича некую Марусю. Полину ему не

нужно отбивать. Зачем уводить, когда можно иначе. Он ведь свободные марксисты, и коммунальные их комнаты рядом. В начале двадцатых идея любви, как стакана воды — выпил и забыл, — если не торжествовала на общественном уровне, то вполне нравилась некоторым людям кремлевского круга. Особенно мужчинам.

Но именно кремлевские жены были тихими, исподвольными инициаторами похорон идеи свободной любви. Почему? Кремлевский вождь на дороге не валяется. Вы пустить его из рук на простор жизни в лапы любой, готовой занять ее место внутри исторического Кремля, просто глупо. Идея свободной любви с первых же дней жизни кремлевских семей в Москве споткнулась о семейные узы, захлебнулась в чашке какао, подавилась икрой и семгой.

Однако кто бы помешал Сталину когда-то в удобный миг выпить свой любовный стакан воды с лучшей подружкой его жены и женой его лучшего друга и соратника? Кто помешал бы Полине...

Вот тут и появляется мысль: можно ли представить себе, чтобы Полина Жемчужина-Молотова всю свою жизнь любила Сталина не только как член партии, но и как женщину?

Почему невозможно такое предположение?

Представьте себе: Сталины и Молотовы уже разъехались из коммуналки, но живут рядом, дверь в дверь. Напряженная жизнь, которую, как правило, отлично умеет разряжать остроумная и находчивая Полина Жемчужина. Уют Полина умеет создавать. Это нравится Сталину. У соседа всегда все кажется лучше. Полина выгодно отличается от своенравной и неуправляемой Надежды.

Представьте себе совместные домашние разговоры вчетвером: Полина Жемчужина всегда настойчиво, безапелляционно держит сторону Сталина. Какой контраст с Надеждой! Хотя Полина как женщина вряд ли сильно нравится ему: слишком активна, чересчур партийна. Политизируя женщину, мужчина утрачивает к ней интерес как к женщине. Надо бы помнить об этом.

Представьте себе первый год и последующие годы жизни Сталина без Аллилуевой. Все тридцатые. Соседка Полина у Сталина на подхвате. Имея, в свою очередь, на подхвате целый штат obsługi и охраны, Полина берет на себя многие домашние проблемы Сталина. Все складывается удачно: их дочери — почти ровесницы, обе Светланы растут вместе. Сталину это удобно. Полина, как никто, может дать самый умный житейский совет, как никто, понимает в проблемах воспитания лучших кремлевских девочек. Он доверяет ей свою Светлану.

У Полины всегда все самое лучшее. У Молотовых са-

мая лучшая квартира в Кремле. Позднее Молотову, под внимательным присмотром Полины Семеновны, строят самую лучшую дачу, ее исключительность объясняется необходимостью проводить на этой даче правительственные и международные приемы.

“Екатерина Давидовна Ворошилова считала, что ей по положению ничего нельзя, Полина Семеновна Молотова считала, что ей по положению все можно”, — вспоминает одна кремлевская сноха, много лет прожившая за стенами Кремля.

Полина ставит образование двух девочек-Светлан на серьезные рельсы: иностранные языки — английский, немецкий, французский, музыка — “девушку в будущем очень украсит, когда она в разгар вечеринки вдруг сядет за пианино и заиграет полонез Огинского”.

Гимнастика.

Если Светлана Сталина не хочет целиком исполнять программы Полины Семеновны, Жемчужина не настаивает, но свою дочку она выучит всему.

Обе Светланы вместе посещают саму Дорис Максину и берут у нее уроки английского. Дорис Харт-Максина заслуживает отдельного разговора.

Молодая коренная англичанка из семьи со средним достатком, увлекающаяся коммунистическими идеями, была в начале тридцатых откомандирована английской коммунистической партией в советское посольство, под эгиду посла И. Майского. В помощь ему. Она работала в канцелярии посольства, была незаменима на приемах как переводчица и информатор о разговорах между собой всех говорящих по-английски гостей. В то время это не считалось зазорным. Честная английская девушка Дорис не была доносицей, она была просто преданным членом партии.

Там, в посольстве, встретилась Дорис с простым русским парнем, Алексеем Максимым, шофером посла. Он водил красивые машины — “ролдс-ройс” и “паккард”; демократически настроенный посол Майский иногда разрешал ему прокатить Дорис на этих машинах. Влюбившийся по уши в красавицу Дорис Алексей купил мотоцикл и катал ее, когда под рукой не было шикарных машин. Все посольство с интересом и жарким сочувствием наблюдало развивающиеся отношения, подогревало их.

Кончилось тем, что Дорис уехала с Алексеем в Москву — она стала диктором, лучшим диктором Всесоюзного радио на английском языке. Долгие годы наша страна вещала на западные страны голосом Дорис.

Уроки английского у Дорис Максиной стали высшей точкой кремлевского аристократизма: она никому не да-

вала уроков, но для двух Светлан сделала исключение. Дорис рассказывала мне:

"Девочки приходили вдвоем и занимались вместе. Они обе были очень милые, скромные. Пальтишки на них выглядели бедно. Однажды Светлана Молотова, заметив, что я смотрю на потертый мех шубы, сказала: "Мама не разрешает вырваться, когда я иду в город. Мы должны быть скромными, на нас все смотрят, вся страна".

Мой муж, Олег Васильев, учившийся в одном Институте международных отношений со Светланой Молотовой, однако, свидетельствует иное:

"Она каждый день меняла туалеты. Ее в институт привозили на машине. Когда я, поднимаясь по институтской лестнице, ощущал от начала лестницы до ее конца сильный запах французских духов, можно было не сомневаться: здесь только что прошла Светлана Молотова".

Разноголосица объяснима временем: Дорис учила девочек-Светлан в конце тридцатых, мой муж поднимался по институтской лестнице в конце сороковых.

Итак, есть предположение, что политическая верность Сталину, провозглашаемая Полиной Жемчужиной, бывшая в значительной степени верностью любящей женщины, оказалась той самой веревкой, которая связала ее руки.

После смерти Аллилуевой место первой дамы Кремля пустовало. (Нина Берия при всей ее красоте и устрашительности мужа на это место, видимо, не претендовала.) Осторожно и негромко к нему вскоре примерилась Полина Семеновна и как-то своеобразно села. Разумеется, негласно. Вроде бы неохотно. Просто потому, что больше нет никого. На время! На десять дней. На десять месяцев. На десять лет. И далее, как получится. Она освобождала его мгновенно, чувствуя то или иное настроение Сталина. И опять тихо, как бы с краешку, садилась.

Какой это был характер!

Соня, дочь шофера Молотова, вспоминает: "22 июня 1941 года нас застало в Крыму. Рано утром Вячеслав Михайлович позвонил из Москвы Полине Семеновне, чтобы мы срочно выезжали в Москву. Полина Семеновна спокойно собралась, собрала нас. Она вызвала парикмахершу, в 12 часов ей делали маникюр, и она слушала выступление Вячеслава Михайловича по радио. Эвакуировались в Вятку, к родственникам Вячеслава Михайловича. Потом Полине Семеновне посоветовали поехать в Куйбышев. В 1942 году вернулись в Москву".

* * *

Во время Отечественной войны возник Еврейский антифашистский комитет. В 1948 году на карте мира появился Израиль. Его создали по решению ООН, при активном содействии СССР. Мы первыми объявили об установлении дипломатических отношений с Израилем. Послом Израиля в Москве стала Голда Меир.

Еврейские жены вождей естественно ощутили себя дочерьми своего народа. Но если Екатерина Ворошилова, Мария Каганович и другие спрятали это ощущение по-дальше, то Полина Жемчужина раскрылась навстречу новому чувству: устроила прием в честь Голды Меир.

Говорили, что Полина и Голда Меир вообще школьные подруги.

Говорили, что Полина Жемчужина вместе с Голдой Меир выработала план и подготовила бумагу в ЦК с просьбой объявить Крым Еврейской автономной областью.

Началась кампания против безродных космополитов. Массовые репрессии.

Все бумаги на Жемчужину, как старые, так и новые, были у Берии в порядке. Оставалось пустить их в ход. В атмосфере всеобщей охоты на еврейских ведьм, ощущая к 1949 году определенную отдаленность Сталина от Жемчужиной и ее домашнего уюта, Берия представил вождю документы на Жемчужину.

"Когда на заседании Политбюро он (Сталин. — Л.В.) прочитал материал, который чекисты принесли ему на Полину Семеновну, у меня коленки задрожали. Но дело было сделано — не подкупаешься, — говорил Молотов Чуеву, — чекисты постарались. В чем ее обвиняли? В связях с сионистской организацией, с послом Израиля Голдой Меир. Хотела сделать Крым Еврейской автономной областью... Были у нее слишком хорошие отношения с Михоэлсом...

"И ты поверил!" — закричала она, когда я сказал, в чем ее обвиняют. Конечно, ей надо было быть более разборчивой в знакомствах. Ее сняли с работы, какое-то время не арестовывали. Арестовали, вызвав в ЦК. Между мной и Сталиным, как говорится, пробежала черная кошка.

Она сидела больше года в тюрьме и была больше трех лет в ссылке. Берия на заседаниях Политбюро, проходя мимо меня, говорил, верней, шептал мне на ухо: "Полина жива!" Она сидела в тюрьме на Лубянке, а я не знал...

...Перед тем как меня сняли из Министерства иностранных дел, Сталин подошел ко мне в ЦК: "Тебе надо разойтись с женой!"

А она мне сказала: "Если это нужно для партии, значит, мы разойдемся".

В конце 1948-го мы разошлись... Ее арестовали."

Красивая картинка. Сидят на Политбюро мужчины, как пауки в банке. У каждого есть своя слабость, за каждым крылатый страх. И двое вершителей, Сталин и Берия, способны в секунду исправить положение, но ни один политмуж не решается поднять вопрос. У каждого есть что-то, в чем его самого можно обвинить и забросить куда Макар телят не гонял.

Татьяна Кирилловна Окуневская, попавшая на Лубянку в одно время с Полиной Семеновной, вспоминает:

"Однажды в открытую дверь камеры я услышала громкий капризный и знакомый мне скрипучий женский голос, требовавший:

— Позвоните мужу! Пусть он пришлет мне диабетические таблетки! Я тяжело больной человек! Вы не имеете права кормить меня всякой баландой!

— Это Жемчужина, жена Молотова, — объяснила мне сокамерница, — никак не может привыкнуть к новым условиям. Не понимает, что ее мужу сейчас не до нее — может быть, сам уже сидит.

Молотов сидел на заседаниях Политбюро, и, быть может, слова Берии "Полина жива" были для него тогда единственным эликсиром жизни.

Много лет спустя после похорон, на поминках по Жемчужиной, Молотов признавался (свидетельство Чуева. — Л.В.):

"Мне выпало большое счастье, что она была моей женой. И красивая, и умная, а главное — настоящий большевик, настоящий советский человек. Для нее жизнь сложилась нескладно из-за того, что она была моей женой. Она пострадала в трудные времена, но все понимала и не только не ругала Сталина, а слушать не хотела, когда его ругают, ибо тот, кто очерняет Сталина, будет со временем отброшен".

Рассказывает Екатерина Сергеевна Катукова:

— В 1945 году я жила в Саксонии, где служил мой муж, маршал Катуков. По пути в Карловы Вары к нам заезжали многие члены Советского правительства — отовариться саксонским фарфором. Принимала я у себя и Полину Семеновну с дочерью. Обе были роскошно одеты: все в мехах, на Светлане норковый палантин. Жемчужина была очень умная, но очень властная женщина. В сопровождении у них было пятьдесят человек — я это помню, потому что была проблема всех разместить и

всем достать фарфору. Прилетели они самолетом, со своими врачами, но жили отдельно от obsługi — у нас на вилле.

После нас Жемчужина с дочерью поехала в Карловы Вары. Я тоже поехала туда. И хотя всего несколько дней назад Полина Семеновна жила на вилле, у нас в гостях, хотя мы вместе с ней ездили на фабрику фарфора, хотя я помогала ей выбирать сервизы, — в Карловых Варах она меня уже не замечала и не здоровалась.

• • •

В день похорон Сталина, 9 марта 1953 года, отнюдь не убитые горем соратники мертвого грозного вождя, Хрущев и Маленков, спускаясь с трибуны Мавзолея, подошли к Молотову и поздравили его с днем рождения.

— Какой тебе сделать подарок? — спросили они, переглянувшись.

— Верните Полину! — резко сказал Молотов и, наклонив голову, быстро пошел от них. (Полина Жемчужина была сослана в Кустанайскую область. — Л.В.)

Хрущев и Маленков передали просьбу Берии. К этому дню Полина Семеновна уже сидела в Москве на Лубянке: в связи с "делом врачей" ее вернули из ссылки в тюрьму, заново обвинив в сионистском заговоре. В тюрьму проник слух о болезни Сталина.

Десятого марта Жемчужину вызвали к Берии. Он встретил ее возгласом: "Героиня!"

Она ответила от себя его руки, спросила одно:

— Как Сталин?!

В голосе были неподдельные волнение и тревога. Узнав, что его больше нет, она без чувств упала на пол. В кабинете Берии находился тогда и муж Полины Семеновны Вячеслав Михайлович Молотов.

• • •

Когда ее арестовали, все думали, что она не выживет в тюрьме. Дочь не знала, что с матерью. Все четыре года ее считали погибшей.

После тюрьмы и ссылки Жемчужина выглядела лучше, чем прежде. Непонятные болезни исчезли.

• • •

Кто помнит сегодня Полину Жемчужину? Молотов умер. Дочь их, Светлана, умерла. Сослуживцы? С некоторыми из них мы встретимся дальше, в экстремальной ситуации.

Внуки?

Зная, что поэт Феликс Чуев посещал Молотова в последние годы жизни и выпустил книгу бесед с ним, которая мне кое в чем послужила, я спросила Феликса:

— Кто мог бы мне рассказать о Полине Жемчужиной?

— Никого не осталось.

— А внуки?

— Там трое внуков, но им *это* (курсив мой. — Л.В.) уже не нужно.

И я, недоверчивая, поверила. Не стала искать типичных кремлевских внуков, которым сегодня хочется забыть, кем были бабушка и дедушка.

Но что-то точило меня. "Пойди, найди, убедись сама!" — шептал внутренний голос.

И вот сижу на кухне, в квартире Ларисы Алексеевны, старшей внучки Полины Семеновны.

— Вернувшись из ссылки, бабушка сразу взяла меня к себе, и я воспитывалась у них. Моя мама в детстве была сильно защищена, и это, видимо, сделало ее вечной девочкой. Бабушка не хотела повторять со мной этой ошибки.

"Жизнь очень сложна", — говорила она.

Бабушка была сильная птица, закрывающая гнездо своими крыльями.

Она ушла "туда" в беличьей шубке и вернулась в ней же, потертой и залатанной.

"Мне "там" было нужно только три вещи: мыло, чтобы быть чистой, хлеб, чтобы быть сытой, и лук, чтобы не заболеть", — говорила бабушка.

— Скажите, как вы думаете, Полина Семеновна любила Вячеслава Михайловича? — спрашиваю я, готовая к положительному ответу.

— Они очень любили друг друга. Такая любовь — одна на миллион. Скрывали друг от друга свои боли. Она умирала — звала его. Спустя много лет умирал он, я сидела у его постели, он принимал меня за нее и звал: "Поля, Поля!"

Что знаем мы о наших близких? Какие их тайны молодости известны нам? Нужно ли знать эти тайны?

Молодая кремлевская жена с неограниченными возможностями.

Зрелый советский нарком в юбке.

Хозяйка большого гнезда.

Одинокая ссыльная.

Все это разные люди в одном человеке.

Я навела Ларису Алексеевну на разговор о Сталине

и Жемчужиной, но она уходила от этого разговора — скорей всего, ей просто даже в голову не могла прийти мысль о любви бабушки к Сталину.

А может быть, я ошибаюсь?

...

Вторая внучка Полины Семеновны Любовь Алексеевна рассказала мне:

— Бабушка была женщина высокого класса. Сильная, властная, целеустремленная, справедливая. Умерла она 1 мая 1970 года — мне тогда исполнилось пятнадцать лет. Она была безгранично предана партии и до последней возможности ходила на партсобрания, уже будучи пенсионеркой.

Без всякой фальши. Она искренне верила в коммунистическую идею.

Была душой дома. Нас, внуков, учила всему: шить, вязать, готовить. Если даже сами делать не будем, сможем прислугу научить. Домработницу свою, деревенскую, ничего не умеющую делать девушку, она превратила в первоклассную повариху. Всегда вела борьбу за чистоту и порядок. Дед жил по ее распорядку. Вся еда по часам. В определенные дни было определенное меню. Если она решила, изменить ничего было нельзя. В среду всегда готовилась молочная лапша и, хоть тресни, лапша была. В этом смысле дед дома жил в тяжелом режиме, но, может, потому он так долго прожил, что она наладила ему все условия.

Она была, конечно, несравненно сильнее характером, чем дед. Ярче. И внешне. Тонкая фигура, высокая грудь. Ногти — вот такие! Умирала, но перед смертью ей делали маникюр.

— Они разошлись незадолго до ее ареста? — спрашиваю.

— Да. Она была инициатором развода. Хотела его оградить. Ушла жить к сестре и брату. Там их всех взяли. Сестра умерла в тюрьме.

— Они любили друг друга? — спрашиваю я, предчувствуя положительный ответ.

— Более любящей пары я не встречала. Не просто сюсюкающие старички, а двое влюбленных. У нее на первом месте был дед, потом уже все мы.

Вот вроде бы и накрылось мое романтическое предположение о любви Полины к Иосифу. Она, оказывается, любила только своего высокопоставленного мужа и доказала это, пойдя на все, лишь бы спасти его, когда ей самой грозила смертельная опасность.

Знай Любовь Алексеевна о моем "смелом" предположении, она презрительно отвергла бы его.

Думаю, она по-своему даже права: как могла не любить Молотова Полина Жемчужина, если в него ею была вложена вся жизнь? Но разве эта домашняя, семейная любовь исключает возможность неразделенной любви, воплощенной в преданность партии, ведомой ее идолом?

Одним словом, не хочу отказываться от своего вполне возможного предположения на основании одних лишь понятий внучек Полины Семеновны, по закону природы заставших бабушку на излете жизни.

— Вы спрашивали деда, почему он не заступился за нее?

— Он говорил, что, если бы он поднял голос, ее уничтожили бы. Эти мужики все были заложниками.

...

Они сильно менялись с годами, эти кремлевские женщины.

В двадцатых это были раскованные хозяйки жизни, не чуждые молодых безумств.

В тридцатых они стали парттетями с большей или меньшей мерой партийности, в большей или меньшей мере зажавшись перед сталинским нравом.

В сороковых, после войны, они как будто расслабились, и расслабившаяся сильнее других получила по заслугам.

В конце пятидесятых, когда уже развенчали Сталина, она говорила дочери Сталина: "Твой отец был гений. Он уничтожил в нашей стране пятую колонну, и, когда началась война, партия и народ были едины".

Вся молотовская семья, все знакомые Жемчужиной и сам Молотов вспоминают, что Полина Семеновна никогда не меняла своего отношения к Сталину, до последнего дня была страстно предана его памяти и ненавидела Хрущева прежде всего за измену Сталину, не могла слышать ни слова против своего вождя:

— Вы ничего не понимаете в Сталине и его времени! Если бы вы знали, как ему трудно было сидеть в его кресле!

У Светланы Аллилуевой, которая удивляется, почему Полина так верна памяти ее отца, в воспоминаниях есть строки:

"Полина Молотова мелко накрошила чеснок в борщ, уверяя, что "так всегда ел Сталин".

Внучка Полины Семеновны рассказала мне "семейное предание": "У бабушки за обедом еду быстро подавали и быстро уносили. И Сталин, когда обедал у них, всегда го-

ворил: "Я у вас не наедаюсь, пойдем ко мне, посидим за обедом".

Полина любила Сталина в жизни и смерти?

Она не могла простить или не простить ему свою ссылку и Лубянку — она не считала его виноватым перед нею?

Как сказала Ахматова:

От других мне хвала — что зола,
От тебя и хула — похвала.

Она "понимала" его репрессии против своего еврейского народа?

Ей легче было признать виновной себя, чем ЕГО? Всю свою жизнь она думала и поступала в унисон с НИМ?

Сталин не внял ее желанию дать евреям счастье в СССР и наказал ее тюрьмой за это желание. Для нее признать ЕГО неправоту означало перечеркнуть свои идеалы?

Она была не библейской, а советской Эсфирью.

Две большие разницы, как говорят в Одессе.

Дело Жемчужиной П.С.

(Фрагменты)

Четыре бледно-голубые папки. Три первые — допрос обвиняемой и свидетелей. Очные ставки. Четвертая папка содержит документы, приобщенные к делу, — это личная переписка обвиняемой с разными людьми. Поздравления, присланные ей к праздникам. Просьбы. Обращения писательницы Серебряковой, попавшей в тюрьму. В.Белинков просит о своем сыне Аркадии, арестованном за "написание антисоветского романа". Жалобы работников разных фабрик, тоже попавших в тюрьму.

Все письма небезответны — Жемчужина обращается к прокурорам, судьям, просит разобраться, устроить дополнительное расследование. Ей отвечают, разбираются.

Она переписывается с писательницей Галиной Серебряковой, интересуется ее новым романом, берется его перепечатать на машинке. Пытается облегчить участь тяжело больного Аркадия Белинкова. Есть среди писем, приобщенных к делу, записка академика Лины Штерн к Жемчужиной с просьбой передать письмо Молотову, есть и копия письма Штерн, где она просит Молотова как министра иностранных дел помочь ей быстро оформить документы для поездки делегации ученых-физиологов в Австралию.

Есть в четвертом томе копия письма Жемчужиной ее брату, американскому капиталисту.

Нехорошо, конечно, читать чужие письма, но эти пись-

ма прочитало большое количество недоброжелателей моей героини, они превратили их в обвинительные документы.

У меня даже нет ощущения, что передо мной письма. Но это — письма. Вот криминал — брату, в Америку:

"Здравствуйте, мои дорогие.

Пользуясь случаем, что кое-кто едет в ваши края, решила вам написать несколько строк. Живем мы очень хорошо. В стране широко развернулись восстановительные работы; идет усиленная работа по залечиванию ран, причиненных нам фашистскими захватчиками. Народ самоотверженно трудится и успешно выполняет новый пятилетний план. Светланочка закончила школу-десятилетку на аттестат зрелости с золотой медалью, а сейчас учится в Институте международных отношений. Светлана прекрасно знает английский язык, если твои дочери приедут, то она сумеет с ними свободно говорить. Я работаю там же, по текстилю, к сожалению, часто хвораю... Привет Соне и всем детям, целую всех вас. Ваша (без подписи). 5.10.46".

Среди материалов, компрометирующих Жемчужину, находится в деле и письмо артиста Михозлса от 18 апреля 1945 года.

"Глубокоуважаемая, дорогая Полина Семеновна.

Прошу Вас заранее простить меня, что решаюсь беспокоить Вас. Дело общественного порядка (вообще-то, по-моему, сугубо личного порядка, но в те годы, как мы уже видели, личное не имело общественного значения, посему сказать "дело личного порядка" означало обречь его на провал. — Л.В.) — это единственное, что придает мне смелости. Речь идет об известном нашем советском критике Гурвиче Абраме Соломоновиче, который в сравнительно молодом возрасте заболел частичным параличом. По свидетельству врачей, болезнь поддается лечению. Зная Вашу отзывчивость, прошу Вашего любезного содействия по устройству его в кремлевскую больницу. Повторяю, что мне чрезвычайно трудно досталась решимость беспокоить Вас, и я надеюсь, что Вы меня простите. С чувством глубокого уважения к Вам и признательности, Михозлс".

* * *

Понять происхождение "дела Жемчужиной" можно, зная международную обстановку конца сороковых годов и внезапно испортившиеся взаимоотношения между СССР и только что возникшим Израилем: Жемчужина попала на Лубянку с обвинением в том, что "она на протяжении ряда лет находилась в преступной связи с еврейскими националистами и совместно с ними прово-

дила вражескую работу против советского государства" (выписка из обвинительного заключения).

Привожу лишь часть материалов, наиболее типичных для понимания ситуации, характеров, законности и нравственности того времени.

Из протокола очной ставки между Жемчужиной и Фефером (поэт, член Еврейского антифашистского комитета). 6.12.1948.

Фефер: Михозлс, заходя в Еврейский антифашистский комитет, часто говорил мне о посещении Жемчужиной спектаклей еврейского театра. С его слов, он имел беседу с Жемчужиной во время ее посещения спектакля "Фрейлехс" в комнате художественного руководителя. Он говорил о том, что Жемчужина восхищается спектаклем и что она вообще очень интересуется нашими делами, о жизни евреев в Советском Союзе и о делах Еврейского антифашистского комитета. Спрашивала, не обижают ли нас. Характеризуя отношение Жемчужиной к евреям, а также высказывая свое мнение о ней, Михозлс сказал: "Она хорошая еврейская дочь". Как мне рассказывал Михозлс, он жаловался Жемчужиной, что дела плохие, чувствуется неприязнь к евреям. На это Жемчужина ему ответила: "Ну знаете, наверху не очень..."

Вопрос следователя к Феферу: Это что значит?

Фефер: Я так посмотрел на него и спросил, как это понимать? Эти слова надо понимать так: это не местное явление. Среди руководителей есть такая тенденция, линия ущемления, ограничения, притеснения евреев. Так понял ее трактовку Михозлс.

Вопрос к Жемчужиной: Что вы можете сказать?

Жемчужина: Это все выдумки или Михозлса, или Фефера.

Вопрос к Жемчужиной: Вы были на спектакле, имели беседу с Михозлсом?

Жемчужина: На спектакле была, но я отрицаю содержание разговора между мной и Михозлсом в изложении Фефера. (Во время этого допроса Михозлса уже не было в живых. — Л.В.)

Вопрос к Феферу: Вы в синагоге были 14 марта 1945 года?

Фефер: Я мало туда хожу, но в этот день был. 14 марта 1945 года в синагоге было богослужение по погибшим евреям во второй мировой войне. Там было много народу, в том числе артисты Рейзен, Хромченко, Утесов, были академики, профессора и даже генералы, там же я видел и Жемчужину с братом. Я был, я сидел в пятом или шестом ряду, я смотрел на амвон. Женщинам по религиозным обычаям полагается сидеть наверху, но в исключительных случаях, когда речь идет о больших, весьма по-

четных людях, допускаются отступления. Оно было допущено в отношении Жемчужиной.

Вопрос к Феферу: Жемчужину видели все присутствующие?

Фефер: Народ ее знает, ее узнала вся еврейская верхушка, которая была там.

Вопрос к Жемчужинбй: Были вы в синагоге?

Жемчужина: Нет, я не была, сестра была.

Вопрос к Феферу: Вы подтверждаете, что именно Жемчужину видели в синагоге?

Фефер: Жемчужина была в синагоге, и об этом все евреи в городе говорили.

Вопрос к Жемчужиной: Вы по-прежнему отказываетесь?

Жемчужина: В синагоге я не была.

Из протокола очной ставки между Жемчужиной и Зускиным (администратор еврейского театра, член Еврейского антифашистского комитета). 6.12.1948 г.

Вопрос следователя к Зускину: На похоронах Михоэlsa присутствовала Жемчужина?

Зускин: Да, присутствовала. Дело было так. Вечером 15 января 1948 года я стоял у гроба и принимал венки у всех организаций, в это время увидел Полину Семеновну, я поздоровался с ней и выразил ей печаль по поводу смерти Михоэlsa. Во время беседы Полина Семеновна спрашивает: как вы думаете, что здесь было — несчастный случай или убийство? Я говорил на основании сообщения, которое мы получили: Михоэлс погиб в результате автомобильной катастрофы, его нашли в 7 часов утра на улице недалеко от гостиницы, а Полина Семеновна возразила мне и сказала, что дело обстоит не так гладко, как это пытаются представить, — это убийство.

Вопрос к Жемчужиной: Вы это говорили?

Жемчужина: Нет.

Вопрос к Зускину: Вы в синагоге были 14 марта 1945 года?

Зускин: Да, был. Там я видел Полину Семеновну, она сидела сбоку.

Вопрос к Зускину: Вы уверены, что это была Жемчужина?

Зускин: Я утверждаю это и ничего не выдумываю. Я поздоровался с ней.

Вопрос к Жемчужиной: Подтверждают это Фефер и Зускин, который вас хорошо знает и даже здоровался с вами в синагоге, что вы на это скажете?

Жемчужина: Не была я в синагоге.

Из протокола очной ставки между Жемчужиной и Слущким 26 декабря 1948 г.

Вопрос к Слуцкому: Расскажите, какое отношение имеете вы к московской синагоге?

Слуцкий: Я, Слуцкий, с 1941 года являюсь членом двадцатки московской синагоги, отвечающей за ее деятельность.

Вопрос к Слуцкому: Вами сделано заявление о том, что 14 марта 1948 года, когда было моление в синагоге, там присутствовала Жемчужина?

Слуцкий: Да, такое заявление я сделал и его подтверждаю. В этот день я, как член двадцатки, был одним из распорядителей. Я принял меры, чтобы пропустить Жемчужину в синагогу. У нас в синагоге такой порядок, что мужчины находятся внизу, в зале, а женщины на втором этаже. Для Жемчужиной мы решили сделать исключение и посадить ее на особо почетное место в зале. Когда я увидел Жемчужину с двумя родственниками, женщиной и мужчиной, я растолкал толпу и пропустил ее вместе с родственниками в зал.

Вопрос к Жемчужиной: Вот еще один гражданин говорит о вашем участии в богослужении в синагоге 14 марта 1945 г. Что вы на это скажете?

Жемчужина: Я уже сказала, что в синагоге я не была. Все это неправда.

...

Почему она отказывается?

Посетить любой храм для члена партии, ответственного работника — почти преступление. Это значило тогда расписаться в своем тайном пристрастии к религии, что, в свою очередь, означало несовместимость с партийностью.

...

Из протокола допроса арестованной Жемчужиной П.С. 1897 года рождения, уроженки станции Пологи, Гуляйпольского района, Днепропетровской области, из рабочих, еврейки, со средним образованием, бывшего члена ВКП(б) с 1918 года, до ареста нигде не работала. 4.2.1949.

(Как известно, ее сняли со всех должностей и Молотов с ней развелся. — Л.В.)

Вопрос: Жемчужина — это ваша настоящая фамилия?

Жемчужина: Нет, моя урожденная фамилия Карповская Перл Семеновна, а Жемчужина — это моя партийная кличка.

Вопрос: Вы что, работали в подполье?

Жемчужина: Да.

Вопрос: Где?

Жемчужина: На Украине, в период пребывания там армии Деникина.

Вопрос: Кто вас оставлял на подпольной работе в белогвардейском тылу?

Жемчужина: Я сама там осталась в силу сложившихся обстоятельств. В 1918 году запорожской городской партийной организацией я была принята в члены РКП(б) и спустя некоторое время стала заведовать отделом запорожского губкома партии. Осенью 1919 года в Запорожье было предпринято Деникиным наступление, в связи с чем весь аппарат губкома партии начал эвакуироваться в Киев. Вместе с группой работников губкома эвакуировалась в Киев и я. Здесь мы явились в ЦК КП(б)У, и нас группами разослали в действующие части Красной Армии. Я, например, была направлена политработником в девятую армию, дислоцирующуюся в районе станции Дарница. По прибытии на станцию Дарница меня зачислили в один из полков Красной Армии, в составе которого я находилась около двух месяцев, после чего вынуждена была бежать обратно в Киев, так как наш полк подвергся нападению со стороны белогвардейских войск и был полностью рассеян.

Вопрос: Как следует из ваших показаний, на фронт вас послали для налаживания политработы в войсках, а вы вместо этого бежали в Киев. Как вы это расцениваете?

Жемчужина: Теперь я рассматриваю это как бегство с поля боя, но тогда я была молодая и не понимала, что от меня требовалось. К тому же комиссар нашего полка Семенов заявил нам тогда, что положение создалось безвыходное, и предложил уничтожить личные документы и пробраться в Киев. Я так и поступила.

Вопрос: Что вы делали по прибытии в Киев?

Жемчужина: К моменту моего возвращения в Киев город полностью находился в руках белогвардейского генерала Бредова. В этой связи я в течение трех дней отсиживалась в Михайловском монастыре, так как никого из своих товарищей не нашла и не знала, что мне делать, а затем пробралась в г. Запорожье, который был тогда оккупирован Деникиным. В Запорожье я установила связь с партийной организацией и была направлена в Харьков на подпольную партийную работу.

Вопрос: А почему вы не остались в Запорожье?

Жемчужина: Объясняется это тем, что в Запорожье меня многие знали как работницу губкома партии, я могла быстро провалиться. Достаточно сказать, что по возвращении в Запорожье я пробыла там всего лишь одни сутки, а меня уже начали разыскивать.

Вопрос: Кто?

Жемчужина: Деникинская контрразведка. Ко мне домой нагрянули белые, произвели обыск, однако меня там уже не было.

Вопрос: Но были ваши родные? Как они с ними поступили?

Жемчужина: Белые их не тронули.

Вопрос: Чем это объяснить? Ведь белые, как известно, даже беспричинно расправлялись с людьми еврейской национальности?

Жемчужина: Я не могу этого объяснить.

Вопрос: Не можете, потому что ничего подобного в жизни не было?

Жемчужина: Я утверждаю, что обыск у нас действительно был, белые меня разыскивали, но почему они благосклонно отнеслись к моим родным, сказать затрудняюсь. В Харьков я прибыла приблизительно в октябре или ноябре 1919 года, связалась с Дашевским, который оказался заведующим паспортным отделом харьковской городской подпольной партийной организации. Дашевский выдал мне новый паспорт на имя Жемчужиной П.С. И с тех пор, то есть с конца 1919 года, я ношу эту фамилию...

Вопрос: Сколько времени вы работали в ЦК КП(б)У?

Жемчужина: Очень немного. В 1921 году украинской партийной организацией я была делегирована на международный женский конгресс, состоявшийся в Москве, по окончании которого осталась работать в бывшем Рогожско-Симоновском районе города Москвы участковым партийным организатором.

Вопрос: И больше из Москвы не уезжали?

Жемчужина: Да. Принимая участие в работе международного женского конгресса, я познакомилась с Молотовым, который являлся тогда секретарем ЦК ВКП(б), и с конца 1921 года стала его женой.

...

Из протокола допроса Жемчужиной. 10.2.1949 г.

Вопрос: Намерены ли вы правдиво рассказать о совершенных вами преступлениях?

Жемчужина: Никаких преступлений против советского государства я не совершала. Предъявленное мне в процессе следствия обвинение в установлении преступных связей с еврейскими националистами я отрицаю.

Вопрос: Отрицаете, потому что хотите скрыть враждебный характер своей связи с Михоэлсом и другими националистами? Скажите, как часто вы встречались с Михоэлсом?

Жемчужина: Считанные разы. Первая наша встреча со-

стоялась в 1938 или 1939 году в Московском еврейском театре, где я присутствовала на спектакле "Тевье-молочник". В антракте Михозлс пришел ко мне в ложу и представился как руководитель театра. После этого долгое время никакого общения с Михозлсом у меня не было, и лишь в начале 1944 года я по просьбе сотрудников главного управления текстильно-галантерейной промышленности пригласила Михозлса сделать в управлении доклад о его поездке в Америку. Михозлс принял мое приглашение, и через несколько дней его доклад состоялся... В 1948 году Михозлс вторично посетил главк, на этот раз с целью пригласить меня на спектакль "Фрейлехс". Тогда же он обратился ко мне с просьбой устроить на излечение в кремлевскую больницу какого-то артиста еврейского театра, однако в этом я ему отказала.

Вопрос: А приглашение Михозлса посетить театр приняли?

Жемчужина: Да.

Вопрос: Показывайте, какие поручения Михозлса вы выполняли.

Жемчужина: В 1946 или 1947 году, точно не помню, Михозлс просил меня отправить письмо Молотову, находившемуся в командировке за границей, это письмо я передала в секретариат Совета Министров для отправки Молотову с очередной почтой.

Вопрос: Вам было известно содержание письма?

Жемчужина: Нет, письма я не читала, Михозлс не посвящал меня в его содержание.

Вопрос: Снова лжете! Известно, что вы не только взялись переправить письмо, но и обещали Михозлсу подвинуть вопросы, которые он ставил в этом письме.

Жемчужина: Я это отрицаю. Взяв письмо у Михозлса, я не находила в этом ничего предосудительного, что же касается содержания письма, то еще раз заявляю, что оно мне неизвестно.

Следователь: Поскольку вы нагло отрицаете установленные факты, следствие вынуждено вас изобличить. (Вводится арестованный Лозовский, бывший начальник Совинформбюро, член Еврейского антифашистского комитета.)

Вопрос к Лозовскому: Еврейские националисты направляли клеветнические письма в адрес советского правительства?

Лозовский: Да. В 1944 году Михозлс и бывший ответственный секретарь Еврейского антифашистского комитета Эпштейн, получив с Украины несколько писем от евреев, сообщавших, что якобы местные власти их притесняют, пришли ко мне протестовать перед советским правительством против подобных действий. Должен ска-

зять, что к тому времени нами была уже достаточно развернута националистическая работа и мы решили действовать. Обсудив между собой этот вопрос, мы решили написать на имя Молотова письмо с изложением фактов, приведенных в письмах с Украины, имея в виду вырвать у советского правительства некоторые преимущества для евреев. Оно было направлено адресату. Не получив ответа, я, Михозлс и Эпштейн договорились написать по тому же вопросу второе письмо Молотову, но, опасаясь, что оно останется без ответа, решили добиваться положительного реагирования на него через свои связи.

Вопрос: Через Жемчужину?

Лозовский: Через нее.

Из протокола допроса Юзефовича 26.1.49. (Бывший заместитель Лозовского, член Еврейского антифашистского комитета.)

Юзефович: Первыми о создании в Крыму еврейской республики начали говорить Михозлс и Фефер. Все мы приходили к единому мнению, что с точки зрения климата Крым является самым подходящим местом для создания еврейской республики.

Вопрос: Дело не в климатических условиях, а в том, что создать еврейскую республику в Крыму требовали ваши американские хозяева. Почему вы это скрывали?

Юзефович: Это правильно, но узнал я об этом, лишь когда в СССР прибыл американский представитель Гольдберг... Он — крупный делец, связанный с Белым домом, редактирует издающуюся в Нью-Йорке реакционную газету и занимает руководящее положение в ряде еврейских националистических организаций США. Прибыв в Москву, Гольдберг при первой же встрече с нами с большим удовлетворением отметил наши старания по созданию в Крыму еврейской республики. Из его слов было видно, что этот вопрос был для него не нов. Подбадривая нас, националистов, Гольдберг говорил, что Крым должен стать еврейской славой, еврейской Калифорнией, тут же недвусмысленно отмечал близость Крыма к Палестине и заявлял о необходимости установления более тесной связи между советскими и палестинскими евреями, подчеркивая свою готовность посредничать в этом деле... Гольдбергу была очевидна неприкрытая заинтересованность американцев с помощью еврейских организаций создать на территории Крыма сперва республику, потом еврейское государство, которое можно использовать как плацдарм против Советского Союза...

Вопрос: Какое отношение имела к вашим преступным целям Жемчужина?

Юзефович: Вдохновленные поддержкой Гольдберга, Михозлс и Фефер решили использовать Жемчужину, че-

рез которую имелось в виду поставить вопрос перед советским правительством о предоставлении евреям Крыма. Михозлс с ранних пор был тесно связан с Жемчужиной и говорил, что по нашим еврейским делам он советуется с ней и получает поддержку. Зная об этом, мы, еврейские националисты, смотрели на Жемчужину как на нашу покровительницу, внимательно относящуюся ко всем нашим просьбам и еврейским делам вообще.

Вопрос: И что, помогла вам Жемчужина?

Юзефович: Как рассказывал Михозлс, он повстречался с Жемчужиной, посвятил ее в наши планы по поводу Крыма, и она обещала поддержать нас. Вскоре после встречи Михозлс с Жемчужиной, состоявшейся в начале 1944 года, Михозлс и Фефер составили проект письма о передаче евреям Крыма.

Представляю себе, как иные возликуют: "Ах, евреи, такие-сякие! Крыма захотели!"

Посмотрите на себя, ликующие. Заметьте, что сами творите сегодня, поливая кровью, кромсая землю, которая вас кормит, поит, одевает, обувает. Заметьте собственные рты, разинутые на земельные куски: "Moe! Moe! Moe!"

Кому из вас, властвующее над миром мужское племя, приходило в голову, что земля не может принадлежать народу по причине неадекватности этих двух величин: земля — ипостась космическая, а человек на ней — временный гость и не она ему, а он ей принадлежать должен.

В те, послевоенные, годы Крым стал гуляй-полем. Сталин выселил татар, и с разных сторон на сей блаженный полуостров смотрели горячие взоры.

Но была ли Жемчужина связана с идеей еврейского Крыма? И была ли вообще такая идея?

Это не мои вопросы. Я лишь проследила, как мужчины "топили" женщину на следствии. С двух сторон "топили": и обвинители и "свидетели".

Впрочем, можно ли обвинять последних — их били, пытали, держали во льдах одиночек и наконец расстреляли. Можно ли их обвинять?

Все упоминающиеся в деле члены Еврейского антифашистского комитета, кроме академика Лины Соломоновны Штерн, свидетельствовали одно и то же. Лину Штерн следователь изводил вопросами о письме, которое она передала Жемчужиной для передачи Молотову о поездке

делегации ее сотрудников в Австралию, но она лишь определенно сказала: "Наши встречи с Полиной Семеновной носили теплый дружеский характер".

И ничего более...

* * *

Полина Семеновна отрицала свою причастность к "делу еврейских националистов". Советская Эсфирь признавала себя виновной лишь в том, что "брала под свою опеку арестованных врагов народа — Серебрякову, Белинкова, работниц — Докучаеву, Губанову, Федосову, некоего Грахова, в большинстве своем не евреев. Перечень фактов моего заступничества за врагов советского государства не ограничивается случаями, которые я привела в данном протоколе, их значительно больше, однако за давностью времени мне трудно все вспомнить".

Вопрос: Многие факты из вашей преступной деятельности мы вам еще напомним, сейчас расскажите, как вы брали под свою опеку родственников арестованных врагов народа?

Жемчужина: В этих преступлениях я также признаю себя виновной. До последнего времени я оказывала материальную помощь дочери моей ближайшей подруги Слезберг. Я дала ей шестьсот рублей, купила башмаки. Зоря, дочь Серебряковой, также получала от меня поддержку.

* * *

В ходе следствия пришлось Полине Семеновне убедиться в искренности своих сослуживцев, которые при ее власти льстили и угождали, а на следствии, на очных ставках говорили:

"Вы были чрезвычайно деспотичны. Всякий раз, когда кто-нибудь пытался выступить против вас, вы немедленно зажимали рот. Вас боялись, потому что вы были люты, как боярыня Морозова... Я не намерена защищать вас, тем более что благодаря вам нахожусь в тюрьме. Вы привели за собой в тюрьму и других лиц — они не будут пырораживать вас".

"Жемчужина обманывала правительство и добивалась показателей в работе путем злоупотреблений своим положением жены Молотова. Всему руководящему составу главка, которым руководила Жемчужина, известно, каким антигосударственным путем она получала фонды... она не раз хвасталась, что наш главк обеспечен материалами гораздо лучше, чем министерство в целом".

"Почти каждую субботу Жемчужина собирала теплую компанию, увозила нас к себе на дачу, и неплохо мы все

проводили время за выпивкой и разговорами. Основной коллектив знал о нашем веселом времяпрепровождении и, будучи предоставлен сам себе, не переутомлял себя работой”.

“Жемчужина добивалась незаслуженного премирования сотрудников и даже награждения их орденами и медалями”.

Не пожалели Полину Семеновну и ее ближайшие родственники, насмерть испуганные лубянской действительностью, деморализованные следствием и, очевидно, искренне желавшие помочь ей чистосердечным признанием.

— Поля, ты же говоришь неправду. Вспомни, когда весной тридцать шестого года ты возвратилась из Америки, то передавала мне от Карла (американского брата. — Л.В.) письмо и двести долларов.

Жемчужина: Я ничего тебе не передавала.

— Поля, мне пришлось (пришлось! — Л.В.) подробно рассказать следствию о твоих связях с Михозлсом, о встречах, которые ты имела с ним, и обо всех наших с тобой разговорах по поводу так называемых еврейских дел. Советую тебе честно рассказать о совершенных тобой преступлениях.

Жемчужина: Мне не в чем признаваться, я ни в чем не виновата.

— Вспомни, Поля, как ты рассказывала, что Михозлс поведал тебе о жизни за границей, говорил, что там существует настоящая свобода, а у нас, мол, в Советском Союзе, этого нет. Михозлс жаловался тебе, что советское правительство даже закрыло еврейские школы. Ты сама говорила, что Михозлс просил тебя заступиться за евреев.

Жемчужина: Не было у меня такого разговора с Михозлсом.

— Ты говорила, что Михозлс ходит к тебе, как к раввину.

Жемчужина: Я ничего этого не говорила.

— Поля, ты говорила, что евреев били при царе, притесняют их и сейчас: правительство, когда узнает о фактах антисемитизма, закрывает на это глаза.

Жемчужина: Я это отрицаю.

Идет очная ставка Жемчужиной с ее помощником по службе Иваном Алексеевичем Х.

Вопрос к Х.: Вы показали на прошлом допросе, что в 1939 году на вас в ЦК ВКП(б) поступило компрометирующее заявление. Кто вас об этом информировал?

Х.: Жемчужина. Она вызвала меня к себе в кабинет и сказала о заявлении, в котором сообщается о моих анти-советских высказываниях.

Вопрос: Какие меры были приняты по заявлению?

Х.: Никаких. Жемчужина только предупредила меня, чтобы я следил за собой и в дальнейшем высказывания антисоветского характера не допускал.

Вопрос: Выходит, Жемчужина взяла вас под защиту?

Х.: За это я всегда чувствовал себя ей обязанным.

Вопрос к Жемчужиной: Когда вам стало известно о заявлении об антисоветских взглядах Х.?

Жемчужина: Мне неизвестно ни о каких заявлениях относительно Х., и разговоров с ним по этому поводу у меня не было.

Х.: Полина Семеновна, вы же вызывали меня к себе в кабинет, мне это врезалось в память на всю жизнь, такие факты не забываются!

Жемчужина: Повторяю, никаких заявлений относительно Х. мне не поступало.

Вопрос к Х.: Во что вылились ваши отношения с Жемчужиной?

Х.: Жемчужина склонила меня к сожительству.

Реплика Жемчужиной: Иван Алексеевич!

Х.: Полина Семеновна! Не одергивайте меня. Вы же не можете отрицать... (и далее идет монолог, недостойный мужчины, именно поэтому я не называю фамилию этого человека, хотя и предшествовавшие были не лучше, но там дела "политические", имена известные, уже не раз в печати об их наговорах на себя писалось, а здесь... просто стыдно фамилию назвать, ведь родственники есть. — П.В.).

Вопрос к Жемчужиной: Кому вы рассказывали о своей связи с Х.?

Жемчужина: Я не могла никому об этом рассказывать, так как связи с Х. у меня не было. Я всегда считала Ивана Алексеевича легкомысленным человеком, о чем ему неоднократно говорила в глаза, но я никогда не думала, что он окажется подлецом.

Х.: Полина Семеновна, почему вы называете меня подлецом и не думаете о моей семье и детях, если бы вы хоть раз задумались об этом, вы не стали бы оскорблять меня.

Жемчужина: Иван Алексеевич, вы хотите сказать, что рассказываете обо мне следствию небылицы в надежде заслужить себе прощение и вернуться к семье? Я так поняла вашу просьбу подумать о детях?

Х.: Полина Семеновна, вы напрасно меня провоцируете. Я напоминаю вам о моих детях и моей разбитой семейной жизни для того, чтобы вы осознали свою вину

передо мной и перед ними. Не считаясь с тем, что я имею жену и детей, вы навязывали мне интимную близость.

Жемчужина: Повторяю, что в интимных отношениях с Х. я никогда не состояла. Я часто его ругала, так как до меня доходили о нем сплетни, что он по простоте своей, по доброте ошибается при решении служебных вопросов. Я была знакома с женой Х., она бывала у меня, хотя бы по одному этому я не могла с ним сожительствовать.

Вот такой букет. И это лишь несколько цветочков.

В результате Полина Семеновна получила пять лет ссылки — что еще по-божески в те времена — в Урицкий район Кустанайской области.

В Деле Жемчужиной есть несколько документов-донесений окружающих ее в ссылке сексотов-женщин:

"Сведения по Объекту № 12. Говорила, что раньше жила очень хорошо, было много богатых платьев. Одно ей очень нравилось, гарусное, вязаное, бутылочного цвета".

"С ней делали пельмени. Говорила, что мужа звать Владислав. Есть дочь, Светлана, каждый год 8 мая отмечает день рождения дочери".

"В первый год с жадностью пила водку, вино".

"Она говорила, не помню на каком съезде, видела В.И.Ленина".

В январе 1953 года оперативная группа МГБ выехала в Урицкий район со срочным заданием "перевести объект № 12 в Москву, не говоря зачем, она страдала сердечными припадками тахикардии, которые возникали от переживаний на почве радости или неприятности".

Объект № 12 — Полина Семеновна по обыкновению мужественно встретила новость: "Я взрослый человек, мне ничего объяснять не надо. Как правительство решило, так и будет".

При обыске у нее ничего не нашли. Она так и сказала перед обыском: "Клянусь своей дочерью, что в доме вы ничего предосудительного не найдете, хоть и перевернете все вверх дном. Для меня интересы государства превыше всего".

Эти заявления Жемчужиной подшиты к Делу.

На Лубянке начался новый круг ада. Дело иллюстрируют выписки из допросов врачей: Виноградова, Когана,

Вовси с показаниями против Жемчужиной — еврейской националистки.

Выгодно выделяются показания следователя и писателя Льва Шейнина. Как и Лина Штерн, он не оговаривает Жемчужину.

Один штрих из допроса Шейнина: "Жемчужина с дочерью были на моем спектакле "Поединок" в театре имени Ленинского комсомола. Она похвалила спектакль и выразила сожаление, что ее муж, Молотов, не может посмотреть этот спектакль ввиду отсутствия в театре правительственной ложи".

Характерная деталь. В Деле Жемчужиной нигде нет показаний свидетеля Молотова, с которым она прожила вместе 27 лет. А ведь "криминальные" письма Жемчужина передавала именно Молотову. Ему они и были адресованы. Интересно, почему их нет в деле?

Где Молотов, государственный муж? Может быть, его допрашивали, но допросы таких людей в Дела преступников не подшивались? Вряд ли. Вспомним, Жемчужина и Молотов развелись до ее ареста. Она пошла на это, чтобы оградить его?

А он?

В ее тюремной анкете в графе "семейное положение" написано: ОДИНОКАЯ.

Весь февраль 1953 года Жемчужину допрашивали на Лубянке. И вдруг 2 марта все прекратилось. По разным рассказам, Жемчужину освободили 5 или 10 марта, по бумагам Дела 23 марта. Подпись Берии на ее освобождении, возможно, сделана задним числом. А в освобождающем Жемчужину документе фраза — свидетельство века: "в настоящее время установлено, что находящиеся в Деле Жемчужиной показания Когана и Вовси сфальсифицированы и получены в результате вымогательства, грубого принуждения и избиения арестованных".

Как просто сказано. Ни одно из прочитанных мною Дел не содержит признаков побоев, пятен крови, но не значит ли это, что в каждом Деле все это есть?

В каждом?!

И читая Дело, нужно исходить прежде всего из этого обстоятельства, непременно попытавшись примерить его на себя: а в чем призналась бы ты, если бы тебе устроили подноготную или морили голодом, холодом?

Чем морили Жемчужину? Она ни в чем не призналась!

В ее Деле, среди всех справок, доносов, допросов — страничка. Ее рукой: "Четыре года разлуки, четыре вечности пролетели над моей бедной, жуткой, страшной жизнью. Только мысль о тебе, о том, что тебе еще, может быть, нужны остатки моего истерзанного сердца и вся моя огромная любовь, заставляют меня жить".

К кому обращены эти слова?

К дочери? Возможно, однако нечто между строк и в строках намекает на мужчину.

К Молотову? К мужу, не сумевшему защитить? Возможно...

Или мое предположение о любви Жемчужиной к Сталину неожиданно встретило тут подтверждение? "Огромная любовь", "только мысль о тебе" предполагают достойного — пусть и во зле — героя: полюбить, так Дьявола...

Кстати, при обыске в Кустанае, перед отправкой в Москву, у Жемчужиной были изъяты (зачем изымали такое? — Л.В.) тетради с конспектами произведений классиков марксизма-ленинизма и материалы XIX съезда КПСС. И ничего более.

...

Кто была Жемчужина? Женщина из партийной машины? Советская Эсфирь, на мгновение позволившая себе стать библейской Эсфирью и наказанная за это самой машиной?

Похоже, что так. Фигура ее — сильная, противоречивая, чрезвычайно характерная для сталинского времени переплетенья веры с ложью — ушла в историю почти незамеченной. Но треугольник: Сталин—Жемчужина—Молотов, даже если отбросить мое предположение о любви Жемчужиной к Сталину, таит в себе взрыв шекспировских отношений.

Все, кто встречался с Молотовым в последние вдовье годы его долгой жизни, рассказывают одно и то же: "Вячеслав Михайлович в день праздника седьмого ноября достал коньяк, налил:

- Первую — за Ленина!
 - Вторую — за Сталина!
 - Третью — за Полину Семеновну!
- И убрал бутылку".

НОВЫЕ РУССКИЕ ВОПРОСЫ

Татьяна Иванова

"МЫ БОИМСЯ..."

На крылечке радиостанции "Эхо Москвы" меня ждала пожилая женщина. Ей необходимо было поговорить со мной "хоть пять минут". А была она не сама по себе, не просто так. Была она посланница, делегатка. Ее на это крылечко — меня подкараулить — командировал один из московских клубов избирателей. К "командировке" в клубе подготовились основательно, над формулировкой вопросов трудился коллективный разум. Но если человек пожилой и застенчивый, если он очень волнуется... Как тут все это очень умное выговорить по порядку и не сбиться? Поэтому дальше "мы верим только вам" и "мы очень боимся" нам было поначалу никак не продвинуться.

Мне ведь тоже надо было сначала подавлять в себе высокую волну досады. Что вы идете ко мне? Почему вы думаете, что я откуда-то могу знать больше вас? С чего вы взяли, что я сама ничего не боюсь? Почему вам кажется, что у меня меньше, чем у вас, недоумений, вопросов, разочарований? Я ведь такая же, как вы, точно такая, я так же, как и вы, давлюсь в автобусах, считаю рубли, читаю те же газеты и смотрю тот же телевизор. Зачем вы верите "только мне"? Вон сколько умных, знающих, вон сколько близких к власти, к секретам, к истинным намерениям наших лидеров, к подлинным мотивам их поступков и непоступков. Я-то, по-вашему, что? Я-то кто, по-вашему?

"Мы целую неделю заводимся, накручиваемся... Ждем субботу. Вы нам все по полочкам разложите — мы немножко успокоимся". Так говорит моя собеседница. Я, разумеется, свою "волну досады" не озвучиваю, в слова не облекаю. Молчу и что-то только невнятное мычу. Типа: "Ну что вы... зачем так волноваться... ведь ничего страшного не происходит..."

Проклятые "так называемые демократы". Вы пришли к власти не в последнюю очередь благодаря этой пожилой женщине в вязаной шапке. Что ж вы доводите ее до такого состояния?! Что ж вы допускаете, чтобы целую неделю она "заводилась", чтобы к концу недели губы у нее дрожали, чтобы некому было ей задать свои вопросы, чтобы она жила в страхе?! Почему каждый день с телеэкрана вы не объясняете ей, что ее ждет? Почему не рассказываете, в чем причина ваших споров, раздоров, конфликтов, чего от этих конфликтов ждать, почему миритесь с бесконечными апокалиптическими подборками фактов на главной, первой телепрограмме? Ах, у вас свобода? Ах, у вас плюрализм? Ах, вы не собираетесь скрывать от людей беды и трудности? Нету более жизни на одной шестой части света, да? Есть только трупы в Карабахе, в Южной Осетии, в Приднестровье, только наводнения,

землетрясения, крушения? В московской мэрии более ничего не происходит и ничего не делается, а происходит и делается только один конфликт мэрии с Моссоветом? И для того чтобы этот конфликт происходил успешно и бесконечно, во всех бывших парзданиях Москвы сидят люди мэрии и Моссовета? И ничего больше не происходит в "Белом доме", кроме того, что Хасбулатов интригует против Ельцина, а Руцкой — против Ельцина и Бурбулиса, и все вместе хотят скочырнуть Гайдара и тем остановить реформы, а вопрос только в том, кому удастся Ельцина охмурить и переманить на свою сторону... И ничего более не делается на Украине, кроме ссоры с Россией, желания не отдать России Крым, пойти на Россию войной, для чего и не отдать ей ядерное оружие. Ну, чтоб с помощью этого ядерного оружия с Россией проще было разговаривать...

Ах, демократы, вы такие все умные, вы так легко отличаете добро от зла, ум от глупости, консерватизм от реакционности, что ваши газеты на одной и той же странице публикуют статьи не сложивших оружие большевиков и произведения убежденных демократов и не считают нужным сказать хоть словечко от редакции — все и всё должны понимать сами. Все должны быть такие же умные, как вы. А если кто, например, не такой умный? Пусть на себя пеняет, да? Пусть дергается, плачет, не находит себе места, боится — вас это не интересует? Вы устраиваете страну для очень, ну просто очень умных, да? Поэтому по стране ездит Жириновский и говорит, что в апреле закроет Шереметьево и всех демократов, которые до апреля не успели слинять за границу, будет вешать на столбах, на месте прибалтийских стран устроит свалку радиоактивных отходов, украинцев заставит молча есть сало... И духовой оркестр играет марши Жириновскому, и толпы людей с плакатами "Предателя Ельцина — к расстрелу!" весело топают за ним, своим лидером, и вы предлагаете никому не бояться? Героев из нас куете?

В каждом переходе — фашистские газеты. Фашистские, тут не может быть ни сомнений, ни двух мнений. Разжигающие национальную рознь, призывающие к погромам — и ни один прокурор никогда не только не возбудил ни единого уголовного дела ни против одной из них, но даже и ни одной из них не сделал предупреждения. Так причащает нас к плюрализму? Так хотите добиться согласия в обществе?

Самые яркие представители агрессивно-послушного большинства из числа бывших народных депутатов СССР готовят съезд, объявляя законно избранную власть России временщиками и незаконной кликой, формулируют обращение к народам мира и ООН, засылают эмиссаров в армию, рассылают по стране листовки, собирая "всенародное вече", — все это в Москве, в столице России, все это открыто, принародно, с интервью и беседами по радио, телевидению, в газетах — нам опять наслаждаться вашим свободолобием, плюрализмом, терпимостью и демократичностью и никаких иных чувств не испытывать?

23 февраля коммунисты уже вольно погуляли по столице, поколотили витрины, покрушили киоски, пробили несколько милицийских голов — и это уложилось в пределы вашего плюрализма?

Да что ж вы творите с людьми? Неужели минута астрологов по второй программе — это единственное время во всех видах эфира, отведенное вами для того, чтобы чуть-чуть успокоить общество? Спасибо астрологам: звезды над Россией по их прогнозам располагаются каждый день так, что завтра Россию не ждет

ничего особенно плохого... И это все, господа руководящие демократы, это все...

Мы стоим с собеседницей на крылечке "Эха Москвы". Я смотрю на нее и вспоминаю все митинги, все демонстрации, пикеты и стояния, все — включая великое стояние в Августе у "Белого дома" — и я понимаю, знаю, вижу, что ни Юрий Афанасьев, ни Гавриил Попов, ни Борис Ельцин, ни Глеб Якунин, никто, никто, никто не сделал бы в этой огромной стране ничего — ни с всемогущей КПСС, ни с бессмертным КГБ, ни с ИМЭЛ, ни с прочими монстрами, если бы не эта пожилая скромная женщина. Кто шил трехцветные флажки и флаги? Кто клеил листовки и писал плакаты? Кого не мог прогнать ни мороз, ни дождь, ни ветер, ни снег, ни, наконец, группа "Альфа", вертолеты, танки?

А теперь пусть она дрожит и плачет и боится, да? А мы будем предаваться плюрализму?..

Если б не те малюсенькие, блеклые трехцветные флажки, сшитые из лент, которые российские бабушки вплетали в косы внучкам, — ленточка белая, ленточка синяя, ленточка красная — если б они не взмывали над головами сотен тысяч людей столько лет, ни за что не взвиться бы в Кремле российскому знамени, не подняться бы ему на Останкинский шпиль. Я беру свою собеседницу за руку. Я говорю ей: не волнуйтесь, пожалуйста, Руцкой на самом деле очень хороший человек, и Хасбулатов тоже, оба они нисколько не хотят, чтобы к власти опять пришли коммунисты, и этого липового съезда, который созидают Умалатова с Анпиловым, тоже не бойтесь, ничего ужасного не произойдет. Ну задавайте ваши вопросы — по порядку. Я буду отвечать.

РУЦКОЙ

В недавних статьях Руцкой выступал явно против Ельцина, да и против всех демократов... Он против реформы... У него там были такие фразы, будто он из "Памяти"... Теперь он недавно по телевизору что-то непонятное говорил про ядерное оружие в Закавказье — а ведь у нас там нет ядерного оружия, мы ведь так и всему миру сказали... И вот он что-то такое невнятное говорит, а потом: "На тысячу процентов — доступ к этому оружию закрыт". Это что же значит? И как он ненавидит правительство — а ведь какие там умные и дельные люди, и Ельцин их подобрал, Ельцин им верит... Значит, он против Ельцина? Он хочет его сквернить? Чтобы стать нашим Президентом?

Ну подождите. Давайте вспомним с вами, кто такой Руцкой. Он летчик. Герой Афганистана. Был ранен, контужен, был там в плену. Помните, как на съезде был для Ельцина решительный момент? Фракция "Коммунисты России" наступала. Еще лидер у них был, вспомните, Иван Попозков (где он теперь, хотела бы я знать, — что-то о нем ниоткуда ни слуху ни духу). Помните, как сильны были тогда коммунисты. Все у них в руках. Штаб на Старой площади — и теснейшая связь со всей страной — через обкомы, райкомы, парткомы, партбюро. Телефоны, ксероксы, верные люди.

Страна ненавидела компартию, но сидела компартия так крепко, что, казалось, сидение это будет если не вечным, то очень, очень долгим. Мало ли что отменили шестую статью! Штаб остался, со всеми подразделениями. И с главнейшим подразделением — КГБ. А значит, со своими людьми везде, в каждой бригаде. И главное, в армии. Помните, летом, как звучал по радио указ Ельцина о департизации? Музыка сфер! Но на сколь-

ко была рассчитана эта департизация? На годы. На постепенное сведение влияния КПСС к минимуму. Если б не Август... Да и не только Август. Если б не решимость нашего Президента, не указ о запрете деятельности партии... Вспомните, ведь из плена вызволенный Горбачев-то говорил о реорганизации партии.

Это все я к чему сейчас вспоминаю? А к тому, что выступление Руцкого на съезде, выступление, результатом которого стал реальный раскол сначала во фракции "Коммунисты России", а потом и во всей партии, — это выступление было важнейшим для реальной победы демократии. Со стороны Руцкого это был исключительно мужественный поступок — еще раз призываю вас вспомнить, как сильна была тогда партия. Да и уверенности в том, что найдется достаточное количество сторонников хотя бы и для удовлетворения самолюбия, — такой уверенности у Руцкого не было. Он рисковал. Он поступил по-мужски.

И когда мы с вами смирились, что Ельцин взял его к выборам себе в пару, именно этот поступок помог нам смириться. Этот поступок да симпатичная личность усатого, нелукавого, похоже, прямодушного летчика. Да еще сознание, что его биография, может быть, поможет Ельцину получить существенную часть армейских голосов.

Других-то подвигов мы за Александром Владимировичем ведь не знали, верно? Руцкой и Руцкой. Вокруг Ельцина были люди куда более яркие, проявившиеся куда интереснее, совершившие куда больше поступков, дорогих нашим демократическим сердцам.

Теперь все вокруг о давнем раскольном подвиге Руцкого почти не вспоминают. А зря. Ведь мы с вами знаем из книг, знаем от старших: ярче всего человек проявляется в решительные минуты жизни. Там минута была решительная. Не надо о ней забывать.

В Августе же вопрос вообще стоял о жизни и смерти. О существовании России — здесь нет преувеличения. С 1917 по 1990 год России не существовало. Она была одной из колоний империи СССР (странной империи, где у метрополии не было территории — только клочок земли на Старой площади да бесконечные, необыкновенно прочные нити, связавшие эту площадь с каждой клеткой громаднейшего организма, занявшего одну шестую часть света). Только после первых всенародных выборов, только после принятия Декларации о суверенитете Россия сделала первые шаги к возрождению самой себя как страны, как государства. Существенным шагом были всенародные выборы российского Президента. Но в Августе все могло быть сведено на нет в результате агрессии СССР против России. В Августе стоял вопрос о жизни и смерти всех, кто настаивал на демократическом пути развития России. И о жизни и смерти Президента России.

В Августе, перед лицом жизни и смерти, Руцкой был героем. Есть у вас сомнения в этом? Полагаю, что нет и быть не может. Этот факт — факт героизма в решительную минуту — для понимания характера нашего вице-президента существенен. Не надо о нем забывать.

А теперь адумайтесь в обыкновенную "руководящую" жизнь. В повседневную. Вообразите себе, например, такую пару в двух, по-видимому, недалеко друг от друга расположенных кабинетах — Бурбулис и Руцкой. Кто из них в конце концов вице-президент? Кто? Наверное, Руцкому казалось, что после выборов все они будут решать вдвоем с Борисом Николаевичем. Садут друг против дружки — вот так, Саш, решаем. Ну давай, Бо-

рис, договорились... Ничего такого похожего, однако, не вышло. Этот бывший преподаватель научного коммунизма...

Нелегко, наверное, Бурбулису все время читать про себя и слышать: "Этот бывший преподаватель научного коммунизма..." противно слышать. Как он сам себя утешает? Полагаю, говорит себе примерно следующее: ну а сами-то вы — кто? Вспомните-ка вы себя, ребята. Вы, было, пришли в неописуемый восторг, когда вам бросили в лицо слова о презренном коллективном прозрении. Любите афоризмы... Но ведь, по сути, — кто в нашей стране прозревал индивидуально? Ведь считанные и легко пересчитываемые единицы. А остальные? Остальные чувствовали, ощущали, что все не так. Но прозревали именно коллективно — многими тысячами, миллионами, сотнями миллионов. Под влиянием открывающихся фактов. Публикующихся документов. Цифр, которые прежде никому не были ведомы. Прозревали именно коллективно, с каждым номером "Московских новостей", "Огонька". С помощью публикаций в толстых журналах и в обыкновенных газетах.

И еще коллективно не прозрели до конца. Вот, например, дедушка Ленин — десятки миллионов уже знают, что он был организатором коллективных убийств и террора. Прочли и прозрели. Но страна велика — и многие миллионы еще не прочли. Еще не поверили. Многие думают: а, опять "документы". Семьдесят лет, значит, вы нам доказывали, что он величайший гуманист с помощью документов, теперь доказываете, что он был величайший злодей, — опять с помощью документов. Какие ж были настоящие? А какие сфальсифицированы?

Бурбулис, наверное, думает: я такой же, как вы, коллеги, такой же, как вы — те, что надо мной ехидничает. Я прозревал вместе с вами. Даже побыстрее, чем вы. Вам еще постараться надо, чтоб до меня-то...

А Руцкой, видно, ревнует Ельцина к Бурбулису. Ревнует к Хасбулатову. К Шахраю. К другим "умникам". Ведь за него же — пусть вместе с Ельциным, но ведь и за него! — голосовала вся Россия. Значит, он все равно что Ельцин. Понимаете? Почти все равно что Ельцин. А получается — что? Так не получается...

Он еще не научился политике, Руцкой. Он хотел разобраться с Чечней по закону... Ведь по закону? Он хотел для России, для своей любимой России. Он хотел для новой демократической власти, чтобы ее уважали, чтобы с нею считались. И ничего не вышло. Ничего. И на него стали шикать. Хихикать стали над ним. Пальцем стали показывать: "в отставку". Выпендриваются все, иностранными словами играют: "импичмент". То есть пошел вон... Борис Николаевич будто ничего не видит, не слышит, делает вид, что не замечает, как на второе лицо в стране спустили всех собак. Не кричит: цыц! Вообще вроде и не здоровается...

Что вы все кидаетесь на Руцкого, сограждане? Вы попробуйте поставьте себя на его место. Попробуйте пережить и передумать все, что он сейчас переживает и передумывает. А генералы ходят к нему... А про бедственное положение на военных заводах рассказывают — думаете, врут? Думаете, там положение не бедственное? Конверсия — думаете, она сама делается? Руцкой знает, как она делается и как не делается. А Гайдар? Что он вообще знает, этот ученый типчик? Отличник, понимаешь. Любимый ученик всех профессоров сразу. В книжке-то оно, может, и так, как усвоил Гайдар. А ты в цех пойдешь! Ты с генералами поговори! Ты рабочих послушай! Конверсия ему, и чтоб никакого госзаказа военным заводам! Так это же порушить всё, все кадры разогнать...

Руцкому тяжело. Он попробовал ткнуться к одному умнику, к

другому, к третьему — все всё знают и без него, и в Кремле, и в "Белом доме". О том, чтобы хоть у одного было малейшее понятие о субординации, — забудь навсегда. Слушаться — такого глагола вообще будто не существует и в природе вещей. Что это за власть? Что это за люди? Руцкой огорчен, озадачен, растерян... Он стал выступать — слишком эмоционально, невнятно, неосторожно, невзвешенно. Он стал писать — плохие профессионалы помогали ему доводить статьи до публикации. А журналистика ведь профессия. И далеко не простая. Даже очень хороший вице-президент не может быть одновременно, по совместительству, и очень хорошим журналистом. Мало кто это понимает. Даже среди журналистов. А уж публика... Публика читает плохую статью Руцкого и думает не о том, что он плохой журналист, а о том, что он плохой вице-президент.

А слова... Слова материальны. В них заложена страшная сила. Одно произнесенное слово требует произнесения другого, подобного, подтверждающего. Да, я так сказал! Да, я так думаю! И человек уже не знает, что он на самом-то деле думает; заведенный, в споре, он попадает в плен собственных слов, вполне может быть что случайных, вполне может быть что вовсе ему не дорогих и не близких. Его прижимают к стенке, заставляют оправдываться, доказывать свою правоту, он и доказывает, уходя в неправоту все дальше и дальше.

Кто сказал, что в споре рождается истина? Даже если великий мудрец, он был неправ. Истина тонет, погибает в споре. Там, где надо бы сказать "хорошо", спорящий кричит "отлично", "великолепно". Там, где нужно было бы сказать "плохо", спорящий кричит "ужасно", "безобразно". В споре исчезают полутона, пастельные краски — всё резко, четко, ярко. Всё так далеко от жизни, от истины.

Руцкой у нас попался — попался в ситуацию, когда он все время должен спорить и доказывать. И все время для него длится эта мука.

Армяне взяли десятерых наших в заложники. Это беспримерная, вопиющая наглость. Руцкой, что естественно, озверел. Что он написал Тер-Петросяну в телеграмме, что прорывал в телефонные трубки? Какие-то страшные слова... Там, видно, присутствовали и "ядерные боеприпасы"... И слова "сотрем с лица земли"...

Нельзя, конечно, нельзя было все это произносить. Вы бы, наверное, не произнесли, правда? Ну а я бы, ей-богу, произнесла. Мне очень понятно, какая у Руцкого перед глазами была черная пелена, когда он услышал о десяти заложниках. Черная пелена — от ярости. Ничего не видишь к чертовой матери. Темно в глазах. И говоришь тогда такое, что потом вспоминать страшно.

Весь МИД — при деле. Заминайте, ребята, жуткий инцидент. Уверяйте теперь мировое сообщество, кредиторов наших, благодетелей, уверяйте, что на самом деле все так и есть, как мы говорили раньше: ядерное оружие у нас только в России, на Украине, в Казахстане и в Белоруссии. А в Закавказье нету. Уговаривайте, утешивайте, улыбайтесь, работайте, ребята, вам деньги за это платят.

Может, заложников потому так скоро и выпустили. Может, потому их и не убили. Потому и мало били.

Молодец, Александр Владимирович. Выручил мужиков. Это — главное. Слышите ли, вы, те, кому кажется, что политиком быть легко, что вице-президентом быть одно удовольствие, слышите ли, что на самом деле это — именно это — было тогда главным? Их ведь могли убить...

Да, не только Руцкой, остальные наши лидеры тоже частенько говорят не впопад. И такое несут... Что я утешаюсь единственно воспоминаниями. Вспоминаю, что несли наши прежние лидеры. Леонид Ильич, например. Или Константин Устинович. Помните ли эти взвешенные, умные речи, каждое слово — жемчуг? Не помните? Сходите в библиотеку, поднимите газетные подшивки, освежите душеньку. Тупой и злобный набор слов, полная угроз и банальностей бессмыслица, маразматическая демагогия и смертельная тоска — вот что собой представляли речи наших недавних лидеров. И публиковали их все газеты в обязательном порядке, и изучала их вся страна во время политзанятий, в ходе единого политдня (он же рыбный — четверг), и разносил эту постыдную чушь эфир по всему белому свету, и ее комментировали газеты мира, и на нее должны были реагировать лидеры иных государств. Забыли? Забыли, какой это был позор? Теперь Руцкой нехорош нам? Да Руцкой-то перед бывшими чисто Цицерон!

...Ельцину, конечно, обидно было читать многое из написанного и опубликованного под фамилией "Руцкой". Ельцин не мог не прореагировать... А как он должен был прореагировать? Тоже сказать "импичмент", то есть "пошел вон"? Но Ельцин, наверное, помнит Руцкого в решительные минуты. Ельцину, похоже, вообще это присуще: когда он убеждается, что человек надежный, что можно на него положиться, что не предаст, Ельцин дорожит этим человеком. Как он сказал недавно с телеэкрана: "Петрова — не отдам!"

Кроме того, Ельцин, видимо, понимает лучше многих состояние Руцкого, понимает и то, как легко, бывает, вылетают слова и как трудно поймать их. Борис Николаевич и сам не однажды пускал птичку на волю и задавал работу своим помощникам, приближенным, МИДу... Птичка-то, она летит, ей-то что.

Ельцин и сам упрям и самлюбив — нормальные мужские черты, российские, коренные. Он знает: "мужик, что бык, втемяшится в башку какая блажь — колом ее оттудова не выбьешь...". Нету порядка такого в нашей Конституции, чтобы вице-президента прогнать. Но, допустим, все же прогонишь. И что? Куда ему идти, Руцкому, обиженному, прогнанному, так много лишнего сказавшему? В оппозицию? К профессиональным патриотам? Они только и ждут. Не Виктору же Аксютину делаться лидером патриотических сил и не Михаилу Астафьеву... У них все же обаяния не намного больше, чем у Сергея Бабурина. Не только что миллионы — тысячи не увлекут. Руцкой — дело иное. Руцкой бывает хорош. И молод, заметьте...

Борис Николаевич ободряюще поговорил с Руцким. Тот был воодушевлен, обрадован, успокоен. Ждал тяжелого, мрачного разнаса, а вышло, что они во многом друг друга понимают.

Публика перед телеэкранами насторожилась: как это они во многом друг друга понимают? Это что ж выходит? Это ж выходит, Ельцин готовит себе возможность от демократии отступить на платформу "патриотов-профессионалов"? Обратно измена?..

Пуганные мы все. И как положено по психиатрической науке, у нас, у психических, две мании: мания величия и мания преследования.

Ну скажите, что удивительного, раз у них много общего, у Руцкого и Ельцина? Ведь Руцкой Ельцину не свою статью из "Правды" читал, а просто они разговаривали. Человеческим, значит, языком. Если же перевести на человеческий язык то, что говорил Руцкой в "Правде" языком Проханова и "Нашего совре-

менника", разве и вы, как Ельцин, с ним не найдете точек соприкосновения? Причем много...

Вот он говорит, что боится, не хочет развала России, что развалу надо противостоять... Говорит, что лидеры других независимых государств далеко не всегда думают в первую очередь об интересах своих собственных народов, а, бывает, увлекаются соображениями престижа... Что и на территории России образуются президент за президентом, а сколько же это будет управленческих структур, законов, законников — и всё на голову бедным налогоплательщикам... Говорит, что Украине не просодержать такой большой флот, и она, видно, завладев им, начнет его распродавать, а жалко... Говорит, что трудно ему вообразить Севастополь не российским... Что Джохар Дудаев ведет себя так, будто Чечня уже соседнее государство, а вовсе не часть России... Кто ж его не поймет, Руцкого? И почему должен не понять его Ельцин? И почему, если всё это понимаешь, то ты непременно изменишь демократическому стану и перейдешь в "Память" к Васильеву?

Ельцин сказал, что Руцкому поручено заняться реформой в сельском хозяйстве, и нехорошо улыбнулся. Для нас нехорошо улыбнулся, для одержимых двумя маниями сразу. Улыбкой как бы продиктовал все ехидство, которое на следующий день заполнило газетные страницы. А, сельское хозяйство. У нас на него всю жизнь бросали тех, от кого хотели избавиться. Дело-то безнадежное, "поднять" его нельзя. А с Руцкого Ельцин еще и каждую неделю отчет будет спрашивать.

А Руцкой созвал специалистов. И при большом скоплении народа вскорости представил план своих действий.

Коротенькая, как овечий хвостик, замечочка Юрия Дмитриевича Черниченко в "Московских новостях" была откликом на это представление Руцкого.

Черниченко очень понравился план Руцкого. А теперь сообразим: у агроГУЛАГа нет большего врага, чем Черниченко, изобретателя и самого термина "агроГУЛАГ". Страстнее, чем Черниченко, интересы фермеров никто у нас не отстаивает. Стало быть, Руцкой представил проффермерский план.

В корне нашей разрухи — бесхозность земли. Ее, земли, несчастье. В корне наших преобразований — частная собственность на землю. Может ли быть человек, огласивший прекрасный план передачи земли в руки хозяев, в руки фермеров, — может ли быть такой человек противником реформ? Можно ли его подозревать в стремлении вернуть нас к прошлому, к старому? Можно ли его подозревать в симпатиях к коммунистической власти, в заговоре против демократической власти?

Думаю, все эти подозрения абсурдны. В основе их не лежит никакая логика. Потому их надо отбросить, перестать муссировать. Надо успокоиться самим и оставить в покое Руцкого. Руцкой — хороший человек. Бог даст, научится и дипломатии. И чужими делами, например журналистикой, перестанет заниматься. А будет заниматься тем, что поручил ему Президент. Ко благу демобилизующихся офицеров, конверсируемых заводов, обезлюдевших деревень, разорившихся колхозов, беззащитных фермеров, упавших в канаву комбайнов. Ко благу земли. То есть ко всеобщему нашему благу.

Давайте же перестанем подозревать Руцкого в худом. И посмотрим на него как на хорошего, доброго, очень сильно растерявшегося в незнакомых обстоятельствах и под непосильной ношей человека. Ношу эту мы сами на него возложили. А от такого взгляда легче станет и ему и нам.

ХАСБУЛАТОВ

Вот-вот. И он плетет заговор против Ельцина. Он вообще скрытый коммуняка. Он подыгрывает коммунистам. Помните, как он обрывал демократов, не давал им сказать? А с коммунистами он сговорился, они его тогда купили — помните, когда стоял вопрос: он или Бабурин? Он им тогда пообещал: буду вас поддерживать, голосуйте за меня. Он тоже хочет оторвать Ельцина от правительства, правительство отправить в отставку, свернуть реформы. И он все время зажимает прессу, поучает ее, не хуже Суслова. Парламент мешает Ельцину! Это из-за Хасбулатова!

Да, спикер ведет себя своеобразно... Обзывается. Депутатов в такую ярость приводит, что они уж решили его свергать. Демократы, между прочим. Коммунисты им, кажется, сейчас в самом деле довольны. Правительство, похоже, ненавидит. А как был верен демократии — и ведь недавно совсем. В чем же дело?

А дело, полагаю, в том, что профессор очень умен и очень хитер. И иногда сам себя перехитряет. А еще дело в том, что профессор, с одной стороны, воспринимает тех, кто его слышит, как собственную студенческую аудиторию — по привычке. А с другой стороны, рассчитывает, что слышащие его в большинстве своем умнее, чем на самом деле. Хасбулатов у нас, как и Гавриил Попов, ярчайшие представители той части власти, которая полагает, что люди должны сами всё понимать, а их-то уж просто обязаны понимать с полуслова.

Гавриил Харитонович, например, никогда не унизился до того, чтобы сказать "нет", когда ему орут со всех стороны: "Вы миллиардер, у вас дача в Калифорнии!" Он будто не слышит, только усмехается... Однажды его постоянный собеседник на телевидении, Борис Ноткин, не выдержал. Все-таки, говорит, вы, Гавриил Харитонович, не правы. Ну что такое, все говорят, что у вас дача в Калифорнии, а вы не опровергаете! Да зачем же я буду опровергать всякую чушь, Борис, с завидной кротостью сказал Гавриил Харитонович. Мне, Борис, кажется, что и сами-то те, кто это говорит, в то, что говорят, не верят. Так, болтают, и всё...

Так и Хасбулатов уверен: все знают, какой он убежденный демократ. Все помнят, что во имя демократии он совершил ряд весьма ярких поступков. Хасбулатов убежден: больше он никому ничего не должен доказывать. И когда он поступает так, а не иначе, пусть все догадываются почему, не позволяя себе, однако, усомниться, что любой его поступок продиктован интересами демократии.

Профессор ошибается. У людей короткая память. Им ведь кажется сейчас, что при застое в магазинах всё было... И почти невозможно им доказать, что они тогда жили с глубочайшим убеждением: так жить нельзя, основательным убеждением, стоящим на очень твердом фундаменте...

Каждый из съездов, которые вел Хасбулатов, мог закончиться поражением демократии. И каждый заканчивался ее победой. В ночь с 19 на 20 Августа "Свобода" передала из "Белого дома" слова председателя парламента: "Ну что ж, вот ждем штурма... Все может быть, конечно, кто говорит... Нас можно уничтожить, понимаете? Физически уничтожить. Что поделаешь. Придут другие. Демократию в России больше уничтожить нельзя, это очень хорошо надо себе представлять..." Голос у него был невозмутимый, ироничный. Он вообще состоит из ироничности и невозмутимости, Руслан Имранович...

Какие бешеные нападки он выдерживает не охнув, какие по-

ношения выслушивает, какие оскорбления... Депутаты стонут от его словечек, но будто не слышат, какими словечками награждают его. Да, он, бывало, прерывал убежденных демократов и не давал им договорить до конца то, что очень важно было услышать России. Но у него были свои резоны: он свято соблюдал регламент. Если бы он дал лишнее время демократу, коммунист тоже вправе был бы потребовать для себя лишнее время, а то, что он собирался сказать, вовсе не нужно было никому слышать. Бывало, он прерывал демократов и потому, что ему казалось: сейчас прозвучит лишнее, то, о чем пока говорить не надо. Бывало — очень редко — но бывало: он позволял демократам проиграть, зазевавшись...

Но, повторяю, так не бывало, чтобы на съезде, на сессиях ли демократы оставались побежденными, чтобы коммунисты их одолели.

Бывает, парламент принимает скверный документ. Так вышло, когда давали поручение комиссиям разобраться, законно ли Крым передан Украине. Но что тогда мог сделать Хасбулатов? Депутаты перевозбудились, они были все заодно. Ему ли, спикеру, было под силу развернуть их всех — и демократов и коммунистов — в другую сторону. Ему ли — представителю нерусского народа (стыдно говорить об этом, стыдно, потому что Хасбулатов — истинный русский интеллигент, стыдно, но приходится, потому что в воздухе носится этот микроб), — Хасбулатову ли проявлять излишнюю заботу о том, чтобы полуостров принадлежал неизбежно не России, а Украине...

Он жулит правительство. Но, может быть, потому, что хорошо знает настроения в своем парламенте? Он как бы аккумулирует недовольство многих, и у парламентариев, недовольных правительством, остается ощущение, что они вместе с председателем делают всё, что могут, чтобы направить правительство на путь... Ведь в конце концов, что бы ни говорил Хасбулатов, делает он то, что нужно правительству.

Парламент раздражает сегодня многих. Меня тоже. Чуть меньше, чем раздражал союзный. Чуть меньше, чем раздражает Моссовет. Но о-о-очень сильно. Впечатление такое, что, если бы не он, не парламент, мы двигались бы вперед гораздо быстрее. Такой Президент, такое правительство — а эти только и делают, что ставят палки в колеса...

Да тут еще съезд — длинная нервная говорильня. Толку все равно не будет. Толк будет от реформ, от освобождения цен, от передачи земли и предприятий в собственность, от развития предпринимательства. Но не от съездов.

По правде говоря, я думаю, что и Хасбулатов с этим в глубине души согласен. Хотя... Почти пустыня у нас на том месте, которое называется "правовое пространство". Законов нет, или это устаревшие, не работающие законы, или это плохие, тормозящие дело законы. Творить законы — обязанность парламента. Творить законы. А не лезть в повседневную практику правительства, в будничное управление государством — в дело Президента и правительства.

Но для этого нужен другой парламент — профессиональный. Юридически грамотный. Думаю, что Хасбулатов хотел бы его сформировать. Но ведь все непросто. И это слишком непросто. Вспомните — вспомните историю создания съезда депутатов России, и историю выборов в Верховный Совет России, и как пытались провести замены.

Можно, конечно, вообразить себе такую ситуацию: Ельцин издает Указ: все это распустить, провести новые выборы на мно-

гопартийной основе в новый компактный профессиональный парламент. Так, видимо, было бы правильно, хорошо.

А разве плохо было бы, скажите, закрыть и распустить КГБ (неважно, как сейчас звучит аббревиатура, суть пока пребывает), а вместо него создать новое компактное, профессиональное, социально полезное ведомство? А распустить деморализованную армию, не умеющую охранить вооружение даже от деревенских бандитов, пораженную отсутствием дисциплины, дедовщиной, — и вместо нее создать новую, компактную, профессиональную? А разве не лучше ли было бы для всего общества, если б было объявлено: в такие-то, недалекие сроки проведем открытый процесс по типу Нюрнбергского над КПСС — преступной организацией — и освободимся от чумы?

Я убеждена, что все это надо делать. И — не откладывая. Но вообразить себе, что все это делается одновременно, сразу, прямо сейчас, мне трудно. Это слишком большая нагрузка на общество. На общество, которое вообще-то давно разучилось делать дела быстро, толково, споро. У нас, пожалуй, ничего не выйдет, если мы начнем вот так... Надо по этапам. Съезд такой, как он есть. Спикер управится с ним, проведет через него все, что нужно реформаторам, все, что нужно той части общества, которая настроена на демократические преобразования. По степени сопротивления реформаторству на съезде общество может судить и о степени сопротивления реформам в реальной жизни.

Эти крики в Верховном Совете — ведь они похожи на крики в автобусах и очередях, не так ли? Слова лишь несколько иные. Можно разогнать, запретить. Но если на улицах перестанут кричать, ведь это не значит, что и думать, и действовать стали иначе.

Понимаю, что логика моя далеко не безупречна. Реакционная часть нашего общества сильно трусовата. Если ей сделать хорошую козу, она пугается и затыкает фонтаны своего красноречия. Скорее всего, для здоровья общества надо бы было показать реакционерам козу — прикрыть, например, в парламенте все виды деятельности, кроме законотворческой, хотя бы на период реформ.

Но все дело в том, что наши реформаторы — и Хасбулатов в первых рядах — делают, вернее, пытаются делать два дела одновременно. Они перестраивают экономику и выстраивают демократическое общество, правовое пространство.

"Я такой демократ, каких свет не видывал", — насмешил недавно журналистов Хасбулатов. И это, пожалуй, верно. Получится ли у них что-нибудь, погнавшихся за двумя зайцами одновременно? Хотелось бы думать, что получится. Во всяком случае, на мой взгляд, нет ни малейших оснований сомневаться в чистоте их помыслов.

Никто из них не хочет, конечно, реставрации прежнего режима. Они не для того с ним боролись и не для того его победили.

Больше того. Какая-то часть моего оптимизма, может быть и не слишком малая, покоится именно на том, что и в аппарате нашего Президента, и в правительстве есть люди, занимавшие в прошлом партийные посты. Эти люди, полагаю я с типично советским цинизмом, очень любят власть, иначе ведь они не перекрашивались бы, не поступались бы принципами, не давали бы себе труда прозреть. Они знают, с помощью чего власть удерживается. Знают рычаги. Они не отдадут ее, они крепко держатся.

Если взглянуть на все происходящее с этой кочки, то и Жириновский, и фашистские газетчики, и истерический "День", и съезд "бывших", и коммитинги со страшными лозунгами, с вытаращенными глазами, с воинственными кликами, и все осталь-

ное, от чего так часто делается и тошно и страшно, — все предстает в виде какой-то массовой, шумового фона, цветового оформления. Не более того, не более.

...Все будет хорошо, говорю я пожилой женщине, ожидавшей меня на крылечке "Эха Москвы". Все будет хорошо, не бойтесь. Только не принимайте близко к сердцу все, что слышите и читаете. Не забывайте: говорят и пишут люди, живые люди, которым хочется и покрасоваться, и сказать поинтереснее, позаблуждее, которым хочется насладиться свободой. Поймите их.

И этих, представителей власти, тоже поймите: некогда им выступать, давать интервью, ведь все валится, все трещит по швам, надо работать. И не могут они наставлять на путь прессу: пресса ни от кого не потерпит сегодня наставлений, не за то она боролась. И еще они, представители власти, почти не разговаривают с нами потому, что верят: мы и сами умные, все правильно понимаем. Все будет хорошо, говорю я, все будет хорошо...

— Мы не расходимся, — говорит моя собеседница. — Мы встречаемся каждую неделю. Обсуждаем, что происходит. Решаем: может, от нас нужно что, может, митинг какой проводится, может, выборы назначат. Мы готовы. Мы будем стоять до конца: нам надо, чтобы дети и внуки жили в нормальной стране. Нам отступать некогда.

— Правильно, — говорю я. — Я с вами. Я к вам когда-нибудь приеду...

— Ой, что вы, вам ведь некогда, мы понимаем, я и так отняла у вас время... Спасибо, спасибо...

Волокусь я по грязи домой, по темным улицам, с тяжелой сумкой, как черт, усталая. Ухвачусь в автобусе за поручень — придет же он, наконец, этот автобус, — и долго-долго, пока не доеду до места, буду пытаться понять, почему до сих пор нет президентского указа о свободе собственности, о свободе предпринимательства, почему в Москве приватизация торговли идет полным ходом, а частного магазина ни одного нету, почему больше не работает в мэрии Лариса Пияшева, и что делает мэрия на бесчисленных этажах бывшего здания СЭВ, и почему Ельцин играет в теннис в Гочи, когда тут все кувырком, и почему машины из гаража ЦК КПСС не стали работать на город, а "скорой" ездить не на чем... Буду думать. Мне этого никто не расскажет. А я должна буду рассказать: вот, может быть, прямо в автобусе, прямо сейчас кто-нибудь скажет: "Т.И., простите, можно с вами поговорить одну минуточку. Скажите, почему Гавриил Попов..."

Боже мой, ну откуда же я могу знать? Я последний раз видела Гавриила Харитоновича давным-давно, когда оба мы с ним были авторами "Огонька" и отвечали на куда более простые вопросы во время встреч с читателями. Я знаю не больше вас, я читаю те же газеты и смотрю тот же телевизор и тоже не понимаю...

Но так я ни за что не отвечаю. Мне так отвечать не велят мои самые большие начальники, единственные мои начальники: мама моя, мой сын, Лев Николаевич Толстой, Московский университет, который я когда-то кончала. Когда столько людей вокруг боятся и не понимают — кто-то ведь просто обязан понимать и не бояться, верно?

Читайте в следующем выпуске:

Сергей ИВАНОВ

Николай ЛАММ

Чистые деньги

Аркадий ВАКСБЕРГ

Сталин против евреев

Питер ФЛЕМИНГ

Добыча

Мартин АРМСТРОНГ

Тот, который курил трубку

Линдсей СТЮАРТ

Исключительно для птиц

Читайте в этом выпуске:

Боб Льюси. ОДЕССА-БНЧ

— Хочу вас предупредить, Зораков, трепаче тут не для слабоверных, — сказал тин в штатском.

Ники ничего не ответил, только окликнул Алекса, который шел впереди него.

— Савва! Минутку! Скажи хоть, что мы тут делаем. Алексе остановился у грязной лужи и обернулся.

— Видишь воп ту штуку? — Он указал на большой спрессованный брикет, который некогда был автомобилем. Из него сочилась и капала.

— Здесь находятся два трупа...

Мариса Васильева. КРЕМЛЕВСКИЕ ИЗБРАННИЦЫ

Маршалы и генералы, храбрые и воины уходили в тюрьму режима, который они выстояли в боях, увлекая за собой своих женщин, а те вели себя с разной степенью мужественности. Но можно ли винить женщину в том, что она ведет себя женственно, то есть боится тюрьмы, допроса, пытки, расстрела и в страхе теряет голову.

Можно ли? А почему бы и нет, если мы равны. Но равны ли мы?

Ярослав Голованов. СВЕТ И ТЕНИ ЛУННЫХ ДОРОГ

Программа "Аполлон" — ступень американизма. В ней — американская деловая хватка и умение сосредоточить силы нации на решении проблем. В ней же — авантюризм и неслыханное подлинный героизм непосредственно рискующих жизнью и отдающих ее за науку".

интернет-магазин
OZON.ru



1010278341

Новости